

КРАСНАЯ ЧУМА

18+

Мистер Кринж

Красная чума

«Автор»

2026

Кринж М.

Красная чума / М. Кринж — «Автор», 2026

СССР, ноябрь 1950 года. Из Москвы уходит закрытый эшелон 42. В шестом вагоне находится Мария Соколова — и после отправки её след обрывается. Лейтенант МГБ Вера Соколова получает обрывки документов, в которых повторяются одни и те же отметки: Waldhaus, Разъезд 17, М-4, Н-2. За ними скрывается лесная система передачи, где вагоны разделяют, грузы ведут без общего учёта, а людей могут изолировать так, чтобы о них не осталось ни записи, ни свидетелей. В лесах действует Nachttrot — «Ночная смерть», закрытый Нулевой штамм. Он не приходит с воздухом и туманом. Он остаётся в крови, слюне, ранах и в чужих руках. Чтобы найти мать, Вере придётся пройти по маршруту, где следы намеренно стирают, а каждый следующий ответ может оказаться только ещё одной дверью в темноту.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	30
Глава 3	43
Глава 4	56
Глава 5	66
Глава 6	81
Глава 7	98
Глава 8	112
Глава 9	128
Глава 10	143
Глава 11	157

Мистер Кринж

Красная чума

Пролог

Лампа под низким потолком мигнула, когда Аркадий Левин толкнул тяжёлую дверь плечом. Из коридора дохнуло хлоркой, сырой шерстью шинелей и теплом перегретой изоляции. За спиной двери сразу стало тише: праздничный город наверху не исчезал совсем, но доходил сюда тонкой, дребезжащей нитью — далёкий голос громкоговорителя, обрывок марша, звон трамвая на площади.

На ступенях ещё таял снег, принесённый с улицы. Белая вода стекала с подошв в серые канавки вдоль стены.

Левин остановился у поста.

Дежурный младший лейтенант поднялся слишком поспешно, зацепил коленом табурет и выругался вполголоса. На его шинели темнели мокрые пятна. Он был молод, с красными от холода ушами, и держал телефонную трубку так, будто боялся, что она снова зазвонит.

— Майор Левин, — представился Аркадий, хотя дежурный и без того знал его в лицо. — Где задержанный?

— В третьей. Подполковник Руденко уже там. Врач тоже.

— Кто ещё?

— Два конвоира. Капитан снаружи... то есть подполковник велел никого не пускать без доклада.

Левин снял перчатку. На пальцах остался вьевшийся табачный запах. Он посмотрел на журнал поста, раскрытый перед дежурным.

— Когда доставили?

— Девятнадцать сорок. Из Сокольников. Взяли возле товарной ветки. Документы поддельные, но хорошие. Сопrotивлялся... не очень. Он уже тогда еле шёл.

— Его обыскали?

— Да.

— Вещи где?

— В комнате хранения, товарищ майор. Под описью.

— Ампула?

Дежурный моргнул.

— Какая ампула?

Левин медленно поднял на него взгляд.

— Разбитая. В протоколе задержания она указана.

Младший лейтенант перелистнул листы, быстро провёл пальцем по строчкам. Его лицо изменилось.

— Там написано: стеклянный сосуд, осколки... да. Капитан сказал, похоже на лекарство. Всё положили в пакет.

— В какой пакет?

— В бумажный. Обычный.

Левин закрыл журнал ладонью.

— Никто больше к нему не прикасался?

— Не знаю, товарищ майор.

— Узнайте. Немедленно. И передайте на посты: никаких перемещений по сектору без моего распоряжения. Никого не выпускать, никого не впускать.

Дежурный замялся.

— Подполковник...

— Это не просьба.

Голос у Левина прозвучал ровно, почти негромко. Он всегда говорил так, когда внутри начинало подниматься то, чему нельзя было дать ни имени, ни хода.

Младший лейтенант вытянулся.

— Есть.

Левин пошёл по коридору.

Здесь, внизу, строили не для людей, а для дверей. Двери стояли через каждые несколько шагов: железные, обитые дерматином, с глазками, с табличками, с пустыми местами там, где таблички прежде были. За одной пахло кисло-сладким лекарством. За другой кто-то кашлянул и тут же затих. Вентиляция гудела над головой, равнодушно гоняя воздух по тесным шахтам.

Он знал этот сектор с тех пор, когда здесь ещё хранили изъятые бумаги и людей, которых не следовало держать в общих камерах. Потом бумаги уехали, люди сменились, таблички сняли. Сектор официально исчез. В коридорах остались только белёные стены, ржавые трубы и привычка не задавать вопросов.

У двери третьей комнаты стоял сержант-конвоир. Он потирал руки, хотя в коридоре было душно. На безымянном пальце у него тускло блестело кольцо. Когда Левин приблизился, сержант поспешно спрятал руку за спину.

— Фамилия? — спросил Левин.

— Грачёв, товарищ майор.

— Руки не прячьте, Грачёв. Где были после задержания?

— В машине. Потом тут. Я его придерживал, когда снимали пальто.

— Голыми руками?

Сержант посмотрел на свои ладони.

— В перчатках. Потом... один раз снял. Он в стену ударился, кровь на воротнике была. Но я не трогал. То есть трогал одежду.

— Ран на руках нет?

Грачёв разжал пальцы. Кожа на костяшках была сухой, местами треснувшей от мороза, но свежих повреждений Левин не увидел.

— Нет, товарищ майор.

— Перчатки не выбрасывать. Снять, положить отдельно. Никому не передавать.

— Есть.

Из-за двери донёсся чужой голос — хриплый, сорванный, говоривший по-немецки.

— Wasser... bitte... nicht das Licht...

Вода. Пожалуйста. Не свет.

Левин машинально поправил расстёгнутый воротник гимнастёрки. Он не спал с предыдущей ночи, и щетина на щеках неприятно тянула кожу. Вызов пришёл во второй половине дня, когда на улицах уже развернули красные полотнища и перекрыли движение. Сначала говорили о немецком связном. Потом — о микрофильме. Потом в телефонной трубке прозвучало одно слово, произнесённое незнакомым человеком с плохой дикцией: *Nachtrot*.

Он приехал быстрее, чем позволяли перекрытые улицы.

Левин кивнул Грачёву и вошёл.

Комната была маленькой: железная койка у дальней стены, стол, два стула, раковина с мутным пятном под краном. В верхней части стены — стекло наблюдения, за которым горел желтоватый свет соседнего помещения. На столе стояла лампа с зелёным абажуром, папка, чернильница и стакан воды, к которому никто не притронулся.

Подполковник Руденко сидел боком к столу, сняв китель и закатав рукава рубашки. Шея у него была короткая и сильная; седина уже пробивалась у висков. Он не выглядел раздражённым, но карандаш в его пальцах переломился пополам.

У койки склонился врач — худой парень в белом халате, который был ему велик. Врач держал запястье задержанного двумя пальцами и смотрел на часы.

Сам задержанный лежал на спине, стянутый ремнями поперёк груди и бёдер. Его пальто валялось в углу, мокрое и тяжёлое, с засохшей грязью на полах. Рубашка на нём была расстёгнута до груди; кожа блестела от пота, но губы потрескались, посинели по краям. Он щурился от света и часто, судорожно сглатывал.

Левин увидел его глаза и остановился.

Зрачки были неровными. Один почти не реагировал на лампу. Второй сужался медленно, с опозданием. Белки налились кровью, веки дрожали.

Он слишком хорошо помнил такие глаза.

Не лицо — лица менялись. Возраст, волосы, язык, форма на воротнике. Но глаза оставались одинаковыми: раздражёнными светом, воспалёнными, потерявшими правильную связь с тем, что видели.

— Ну наконец-то, — сказал Руденко. — Ваш немец утверждает, что не знает русского, а потом просит воды без акцента. Профессионал.

— Он не мой, — ответил Левин.

— Пока он ничей. И это меня не устраивает.

Врач выпрямился.

— Товарищ подполковник, температура сорок и две. Пульс частый, неритмичный. Рефлексы...

— Доктор, — перебил Руденко, — если вы хотите сказать, что он нездоров, мы это уже заметили.

Молодой врач покраснел.

— Я хочу сказать, он не похож на обычного раненого или отравленного. У него сильное обезвоживание, светобоязнь, спутанность сознания. И ещё... мышцы. Непроизвольные сокращения.

Левин подошёл ближе, но не к койке — к столу. Он взял карандаш, который уцелел у Руденко, и подвинул к себе папку.

— Имя?

Руденко взглянул на первый лист.

— При нём документов на имя Карла Мейера. Документы, разумеется, подложные. В кармане шифроблокнот, микрофильм и обрывок карты. Умудрился раздавить какую-то ампулу. Видимо, когда его брали.

— Где вещи?

— В соседней. Что с вами, Левин?

Аркадий не ответил. Он перелистнул опись. Бумага была ещё влажной в нижнем углу, где её, вероятно, держали мокрой рукой. «Ампула стеклянная, прозрачная, с остатками вязкой жидкости красновато-бурого цвета». «Следы вещества на внутренней стороне кармана». «Рукава пальто загрязнены кровью».

Он поднял глаза на врача.

— Вы осматривали ему руки?

— Да.

— Раны?

Врач помедлил.

— На правой ладони порез. Старый, но снова раскрылся. На предплечье две глубокие царапины. Не свежие. По меньшей мере сутки.

— Он говорил, откуда они?

— Нет.

— Он говорил хоть что-нибудь связное?

Врач посмотрел на Руденко, потом на задержанного.

— Повторял одно слово. Я не знаю немецкого.

— Nachtröt, — сказал Левин.

Лежавший на койке человек вздрогнул всем телом. Его голова повернулась на звук. Он открыл глаза шире, и в них на секунду появилось что-то человеческое, отчаянно ясное.

— Nein, — прошептал он. — Nein... nicht sagen.

— Как вас зовут? — спросил Левин по-немецки.

Немец облизнул сухие губы.

— Ich... ich weiß nicht.

— Вы помните, откуда прибыли?

— Der Zug. Nein. Kein Zug. Der Wald... Schnee... die Brücke.

Лес. Снег. Мост.

— Из Германии?

Человек зажмурился. По виску у него побежала капля пота.

— Nicht öffnen.

— Что не открывать?

— Die Dose. Nicht... das Glas. Nicht anfassen.

— Ампулу?

Тот резко дернулся в ремнях. Железная койка скрипнула по полу.

— Nachtröt!

Слово вылетело из него не как ответ, а как крик боли.

Руденко наклонился вперёд.

— Вот. Вот это уже похоже на разговор. Что такое Nachtröt?

Левин повернулся к нему.

— Подполковник, прекратите допрос.

Руденко медленно расправил бумажную полоску, оставшуюся от карандаша.

— Простите?

— Немедленно прекратите. Закройте сектор. Прекратите перемещения между помещениями. Вызовите санитарную группу с защитными средствами.

— Какие ещё средства? — Руденко усмехнулся, но усмешка вышла усталой. — У нас не холера в казарме, майор. У нас задержанный с температурой и материалами чужой разведки.

— Я не буду вам лгать: я не знаю, что именно в ампуле. Но я знаю это название. И знаю признаки.

— Вы видели эту болезнь?

Левин положил ладони на стол. Кожа под пальцами почувствовала шероховатость старого дерева, врезанные кем-то линии, липкое пятно чернил.

— В конце войны я видел документы. И людей, которых пытались описать этими документами.

— Документы — это не диагноз.

— Нет. Но сейчас важнее другое. Никто не должен касаться его крови, слюны, одежды или осколков без защиты. И никто не должен выходить из этого коридора.

Врач переводил взгляд с одного на другого.

— Товарищ майор, если это инфекция, мне нужно знать путь передачи.

— Контакт с биологическим материалом. Глубокие повреждения кожи. Слизистые. Не подходите к нему вплотную. Не трогайте его без необходимости.

Руденко выпрямился.

— Вы предлагаете бросить нам единственного свидетеля? Он доставил микрофильм через границу, пришёл к точке связи и почти погиб, чтобы передать материалы. Значит, он знает маршрут. Знает людей. Может, знает, кто здесь его ждал.

— Возможно.

— А вы хотите запереть его и ждать санитаров, которых ещё неизвестно сколько искать в праздничный вечер.

— Да.

— Вы понимаете, что отвечаете за это решение?

Левин посмотрел на подполковника. Руденко был не из тех, кто наслаждался чужой властью. Он просто знал цену промедлению. Левин видел таких людей много раз: они умели быстро решать, умели подписывать, умели потом не вспоминать, как дрогнула рука у человека напротив.

И сам он был одним из них.

— Понимаю, — сказал он. — Поэтому и говорю.

Немец застонал. Его лицо свело судорогой, рот открылся, но воздуха будто не хватало. Врач шагнул к койке.

— Не ближе, — резко сказал Левин.

Врач остановился.

— Но он задыхается.

— Наблюдайте.

— Наблюдать? Товарищ майор, я врач.

— Возьмите резиновые перчатки. Маску. Халат. Хоть что-нибудь.

— В шкафу только обычные...

— Возьмите.

Врач кивнул и торопливо направился к шкафчику у двери. Один из конвоиров, стоявших в углу, сдвинулся с места. Это был не Грачёв, а второй — старше, с худым лицом и тёмными кругами под глазами. Левин заметил, что у него на внутренней стороне манжеты белеет нитка: жена или мать недавно штопала рукав, неудачно подобрав цвет.

— Как фамилия? — спросил Левин.

— Семёнов, товарищ майор.

— Отойдите от койки на два шага. Оба.

— Есть.

Семёнов подчинился не сразу: взгляд его задержался на лице задержанного. Вероятно, он решил, что немцу стало плохо и тот сейчас умрёт. За годы службы Левин видел, как быстро чужая смерть превращается для конвоира в обычную работу: расстегнуть ремни, доложить, оформить. Не жестокость. Защита.

Немец вдруг заговорил снова — быстро, почти беззвучно.

— Waldhaus... Waldhaus ist offen...

Карандашный обломок выпал у Руденко из пальцев.

Левин не взял его.

Waldhaus.

На мгновение перед глазами встал не подвал Лубянки, а слишком чистый бланк, немецкие литеры, напечатанные чёрной краской. Печать в углу. Строка с названием, которое тогда перевели сухо и небрежно: «Лесной дом». Потом — шахтный коридор под холмом, мокрый камень, запах карболки, который не мог перебить запах железа.

Он заставил себя вернуться к койке.

— Где Waldhaus? — спросил он по-немецки.

Человек смотрел в потолок.

— Unter dem Haus... kein Haus. Nur Türen. Immer Türen.

Под домом. Не дом. Только двери. Всё время двери.

— Кто вас отправил?

Губы немца затряслись.

— Falk...

Левин наклонился на несколько сантиметров, не больше.

— Конрад Фальк?

Задержанный дёрнул головой, будто имя ударило его.

— Nein. Ja. Ich... er ist nicht... — Он закашлялся, сухо, с надрывом. — Die siebte.

Руденко быстро подался вперёд.

— Что он сказал?

Левин не ответил.

Внутри у него что-то сжалось и тут же стало холодным, рабочим. Соколова не должна была оказаться рядом с этой историей. Никто не должен был произносить это число здесь, в Москве, в подвале, где пахло мокрыми шинелями и хлоркой.

— Повторите, — сказал он по-немецки.

Немец перевёл на него взгляд. В глазах появилась мутная злость.

— Die siebte lebt.

Седьмая жива.

— Где она?

Но человек уже не слышал вопроса. Он заговорил с кем-то другим, на другом конце памяти.

— Nicht die Kinder... Bitte. Nicht wieder.

Не дети. Пожалуйста. Только не снова.

Руденко встал.

— Левин.

— Нужна изоляция, — сказал Аркадий, не оборачиваясь. — Сейчас.

— Что значит «седьмая»?

— Не знаю.

Ложь была короткой и привычной. От неё стало хуже, чем от правды.

— Вы слишком быстро начали не знать, — тихо заметил подполковник.

— Послушайте. Я понимаю, что вы хотите получить. Я хочу того же. Но если мы ошибёмся, здесь не останется никого, кто задаст следующий вопрос.

Руденко шагнул к нему.

— Вы не имеете права закрывать сектор по воспоминаниям о немецких бумагах.

— Тогда закройте на основании состояния задержанного. Высокая температура. Неясная инфекция. Контакт с кровью. Вам хватит формулировок?

Врач вернулся, натягивая резиновые перчатки. Одна перчатка была велика и собиралась складками у запястья. На лице у него сидела марлевая маска, завязанная слишком туго.

— Товарищ майор, он становится цианотичным. Я должен проверить дыхание.

Левин посмотрел на немца.

Тот уже не стонал. Грудь перестала подниматься. Голова съехала набок. Ремень на груди медленно ослаб, потому что тело обмякло.

Секунда прошла. Потом ещё одна.

Врач бросился к койке.

— Стойте, — сказал Левин.

Врач не услышал. Или сделал вид, что не услышал. Он наклонился, поднёс пальцы к шее задержанного, потом припал ухом к груди.

— Пульса нет, — выдохнул он. — Семёнов, помогите расстегнуть ремень.

Семёнов подошёл с левой стороны койки. Его рука потянулась к пряжке на груди немца.

Левин увидел, как на шее задержанного дрогнула жила.

— Семёнов, назад!

Конвоир вскинул голову.

— Что?

Немец открыл глаза.

Не резко — в этом было самое страшное. Веки поднялись медленно, тяжело, и взгляд сначала скользнул по потолку, по лампе, по лицу врача. Потом остановился на руке Семёнова у ремня.

Семёнов отдернул пальцы.

— Товарищ...

Ремень на груди лопнул не от силы, а от того, что пряжка была уже растёгнута наполовину. Немец приподнялся так быстро, что врач отшатнулся и ударился спиной о стол. Койка скрежетнула ножками.

Семёнов попытался схватить его за плечо. Немец вцепился в его запястье обеими руками.

— Уберите его! — крикнул врач.

Левин уже двигался.

Немец не смотрел на Семёнова как на человека. Его лицо было перекошено судорогой, зубы скрипнули. Семёнов рванулся, ударил свободной рукой, но задержанный держал его с неожиданной, сухой силой. Потом притянул к себе и впился зубами в шею у края воротника.

Семёнов закричал коротко, сдавленно. Не от боли даже — от неожиданности. Он ударил затылком о стену, вырвался, прижав ладонь к шее. Между пальцами сразу проступила кровь.

— Дверь! — приказал Левин. — Закрыть дверь!

Грачёв, стоявший снаружи, не мог услышать. Второй конвоир — тот, которого Левин прежде не заметил у стекла наблюдения, — рванулся к выходу. Немец прыгнул с койки, запутался ногой в ремне, упал на колено, но тут же поднялся.

Врач стоял у стола, белый поверх маски.

— У него не было пульса...

— К стене! — Левин выхватил пистолет.

Руденко схватил Семёнова за локоть и потянул к двери.

— Выводи раненого!

— Никого не выводить! — голос Левина прозвучал так резко, что Руденко замер. — Он укушен. Назад. Все назад.

Немец повернулся к ним.

В его движениях не было ничего сверхъестественного. Он шатался. Правая нога подвалакивалась, лицо блестело от пота, дыхание вырывалось хрипами. Но в нём исчезло то, что заставляет человека остановиться перед другим человеком: сомнение, речь, узнавание.

Он сделал шаг к врачу.

Врач попятился, задел локтем стакан. Вода разлилась по столу, стекло упало на пол и разбилось.

— Не бегите, — сказал Левин. — Стойте.

Немец бросился.

Врач успел отскочить в сторону. Плечо задержанного врезалось в край стола. Папка, чернильница, листы полетели на пол. Чёрные чернила растеклись по листу описи, смешались с водой.

Руденко ударил немца табуретом в висок. Удар был сильный, глухой. Голова задержанного мотнулась, он рухнул на одно колено.

— Связать его! — сказал Руденко.

— Нет! — Левин держал пистолет двумя руками. — Отойти от него.

Подполковник тяжело дышал.

— Он один. Нас пятеро.

— Нас четверо и раненый. Не подходите.

Немец медленно поднял голову. Из уголка рта тянулась тонкая красная нить. Он посмотрел на Левина.

Аркадий узнал выражение. Не в нём самом, не в конкретном лице — в архивной фотографии, сделанной чужой рукой. Там был человек, привязанный к столу. Под снимком значились температура, время, реакция на свет. В графе «речь» стояло одно слово: утрачена.

Он слишком долго надеялся, что прошлое останется в папках.

Немец выпрямился.

— Аркадий! — крикнул врач.

Левин не помнил, называл ли кто-то его по имени. Возможно, врач просто хотел сказать «товарищ майор» и не успел.

Задержанный прыгнул не на него. Он рванулся к двери, где стоял Семёнов, согнувшийся и прижимавший к шее платок.

Левин выстрелил.

Первый выстрел ударил по комнате громче, чем должен был. В замкнутом помещении звук не ушёл, а остался в ушах дрожью. Пуля вошла задержанному в грудь. Его отбросило к стене, он сполз, но тут же попытался подняться.

Руденко выругался.

Левин выстрелил второй раз.

Немец рухнул на пол у двери, лицом к плитке. Его руки ещё несколько секунд скребли по полу. Потом одна ладонь разжалась. Пальцы легли на осколок стакана.

Никто не двигался.

Вентиляция продолжала гудеть. За стеной, в коридоре, кто-то дёрнул ручку двери.

— Откройте! Что там? — донёсся голос Грачёва.

— Не открывать! — крикнул Левин. — Никому не открывать!

Семёнов медленно сел на пол, прислонившись к двери. Его платок пропитался кровью. Кровь стекала на воротник, за шиворот, тёмными каплями падала на плитку.

— Товарищ майор, — сказал он. — Он меня... он...

— Я вижу.

— Это ничего. Наверное, ничего. Он грязный был, да. Но я...

— Семёнов, не трогайте лицо. Руку от шеи не убирайте.

— У меня дома жена, — сказал тот. — Сын болеет уже вторую неделю. Кашель. Я завтра должен был лекарство...

Он замолчал, потому что слова вдруг перестали складываться.

Врач стоял у стола, стиснув в кулаке резиновые перчатки. Одна слетела и лежала на полу, наполовину в чернилах.

— Он был мёртв, — прошептал врач. — Я проверял. У него не было пульса.

— Он не был мёртв, — сказал Левин.

Руденко посмотрел на тело у двери, затем на Семёнова.

— Что это за болезнь?

Левин опустил пистолет, но не убрал его.

Порох пах резко, почти сладко. Он смешался с хлоркой, кровью, сырым пальто. На манжете Левина темнело пятно: он не помнил, когда задел стол.

— Я не знаю, как она называется по нашим документам, — ответил он. — Но немецкое название вы слышали.

— Nachtrot?

— Да.

Руденко провёл ладонью по лицу. На его щеке осталась тонкая чёрная полоса от чернил — он, вероятно, задел стол во время удара табуретом.

— И что теперь?

Левин посмотрел на врача.

— Доктор, вы сможете подготовить отдельное помещение?

Тот сглотнул.

— Здесь нет... для такого нет отдельных помещений.

— Есть архивная камера в конце коридора. Два замка, бетонная дверь. Там можно поставить койку.

— Там холодно.

— Будет теплее, чем в морге.

Врач вздрогнул.

— Он жив, — добавил Левин. — И пока будет жив, его надо держать отдельно. Вы не приближаетесь к ране без защиты. Не прикасаетесь к крови. Не даёте ему пить из общей посуды. Ничего не выносите из комнаты.

— А помочь ему?

Левин посмотрел на Семёнова.

Тот уже дышал чаще. Не от болезни — от страха и боли. Но Левин знал, как быстро страх может смениться жаром, жар — спутанной речью, а потом тем, чего нельзя остановить словами.

— Помогите, — сказал он. — Сделаете всё, что можете. Но сначала — изоляция.

Руденко подошёл к двери и посмотрел на Левина.

— Я возьму людей.

— Нет. Людей в комнату не приводить. Пусть принесут носилки и оставят в коридоре. Через пост передайте: закрыть оба конца сектора. Вентиляционный проход перекрыть, если возможно. Все, кто был в контакте с задержанным или его вещами, остаются здесь.

— Вы отдаёте распоряжения через мою голову.

— Сейчас важнее другое.

Подполковник стиснул челюсти. Несколько секунд он ничего не говорил. Затем кивнул.

— Хорошо. Но связь с руководством будет через меня.

— Согласен.

— И вы объясните мне всё, что знаете.

— Объясню, когда у нас будут закрыты двери.

Руденко открыл рот, собираясь возразить, но за стеклом наблюдения мелькнуло лицо Грачёва. Сержант прижался к стеклу, пытаясь разглядеть, что происходит. На его пальце снова блеснуло кольцо.

Руденко отвернулся и ударил кулаком в дверь.

— Грачёв! Слушай приказ. Коридор закрыть с обеих сторон. Никого не выпускать. Вызови оперативного дежурного, санитарную группу и начальника охраны. Скажи: аварийная изоляция. Повторяю — аварийная изоляция. Понял?

— Понял, товарищ подполковник.

— И не снимай перчаток!

— Есть.

Шаги удалились. В коридоре зазвенел телефон.

Левин подошёл к телу немца, остановился в двух шагах. Пуля прошла ровно. Он не испытывал облегчения. Только усталость, густую и тяжёлую, как мокрая шинель на плечах.

На полу, возле вытянутой руки курьера, лежал клочок бумаги. Он выпал из папки при падении. Край был испачкан чернилами, но в центре сохранились несколько строк, написанных мелким немецким почерком.

Левин наклонился, не касаясь бумаги.

WALDHAUS.

Ниже — цифры. Координаты, возможно. Или шифр. Потом знакомые инициалы: К. Ф. И ещё одно слово, выведенное нажимом, от которого бумага почти прорвалась:

SIEBEN.

Семь.

Левин выпрямился.

— Руденко.

Подполковник обернулся от двери.

— Что?

— Вещи задержанного. Где они?

— В соседней комнате хранения.

— Её закрыли?

— Пока нет.

Левин ощутил, как у него похолодели пальцы. Он не позволил себе взглянуть на врача: тот и без того был на грани.

— Закрыть немедленно. Никому не входить. Пакет с ампулой не трогать. Не переносить. Не вскрывать.

— Я уже понял, что вы боитесь этой ампулы.

— Я боюсь не ампулы. Я боюсь того, что с ней сделали до нас.

Руденко посмотрел на мёртвого курьера.

— Он сказал про седьмую. Это имеет отношение к вашему отделу?

Вопрос был задан негромко. Почти деловым тоном. Тем хуже.

Левин почувствовал привкус табака во рту. Перед внутренним взглядом возникла картотека, ровные ряды папок, подписи, которые он сам когда-то поставил. Потом — лицо Веры Соколовой, мельком увиденное несколько недель назад в коридоре института: собранное, усталое, с прядью волос, выбившейся из-под платка. Она тогда спросила его о каком-то разрешении так спокойно, что он ответил слишком быстро и ушёл, не оглядываясь.

Он думал, что успеет.

— Нет, — сказал он. — Пока я не знаю, к чему это относится.

Руденко хмыкнул.

— «Пока».

— Подполковник, займитесь изоляцией.

— Займусь.

Врач присел перед Семёновым, не касаясь его. Молодое лицо у него стало серым.

— Товарищ сержант, вы меня слышите?

— Слышу.

— Голова кружится?

— Нет. Нет, просто... холодно.

— Это от потери крови, — сказал врач, и Левин понял, что тот говорит это скорее себе, чем раненому.

— Перевязывать будете? — спросил Семёнов.

Врач посмотрел на Левина.

Аркадий кивнул.

— В перчатках. Марля, бинт, йод. Всё, что использовали, остаётся в камере. Потом сожжём.

Семёнов поднял на него глаза.

— Сожжёте?

— Послушайте, сержант. Сейчас вы будете делать то, что вам скажет врач. Не вставать. Не пытаться уйти. Не трогать рану.

— А моя жена?

Левин присел на корточки, сохраняя расстояние.

Семёнов был старше, чем показался сначала. На висках у него уже блестела седина. Возможно, жена ждала его сейчас в комнате коммунальной квартиры, слушала по радио остатки праздничного концерта, ставила на стол остывший чай. Возможно, ребёнок действительно кашлял в другой комнате.

Левин не имел права говорить ему правду, потому что правды пока не было. Имел ли он право говорить надежду — тоже не знал.

— Вашей жене сообщат, что вы задержаны по службе, — сказал он. — Это всё, что можно сделать сейчас.

— Я не хочу, чтобы она сюда приходила.

— Она не придёт.

Семёнов закрыл глаза. Его пальцы, испачканные кровью, нащупали кольцо и судорожно повернули его вокруг пальца.

За дверью снова зазвонил телефон. Потом ещё один, дальше по коридору. Гул вентиляции стал казаться громче.

Левин поднялся.

— Доктор, тело не трогать до прибытия санитарной группы. Понятно?

— Да.

— Если оно пошевелится...

Врач побледнел ещё сильнее.

— Оно не пошевелится, — сказал Руденко, стоявший у двери.

Левин посмотрел на него.

— Если пошевелится, не подходить. Зовите меня.

Подполковник задержал взгляд на пистолете в руке Левина.

— А вы что сделаете?

Аркадий не ответил.

Он подошёл к столу, где под слоем воды и чернил лежала опись вещей. Взял чистый лист из папки, обернул им пальцы, поднял с пола клочок с надписью WALDHAUS и положил в металлический лоток. Затем заметил под столом маленький чёрный цилиндр — футляр от микрофильма.

Футляр был сухим. Значит, его ещё не успели вскрыть.

На секунду ему захотелось оставить его лежать. Закрыть дверь, запереть коридор, приказать залить всё бетоном, сжечь бумаги, уничтожить память о немецком слове, о цифре семь, о Фальке. Так проще. Так всегда казалось проще тем, кто ставил подписи на обложках дел.

Но оно уже приехало в Москву.

Левин поднял футляр бумажной полосой и положил рядом с обрывком карты.

— Руденко, — сказал он.

— Я здесь.

— Дайте мне связь с центральным аппаратом. Прямая линия. Без регистрации через общий журнал.

Подполковник прищурился.

— С кем?

— С дежурным по особому сектору. Скажите, что это распоряжение майора Левина и что код подтверждаю лично.

— Вы уверены?

Аркадий посмотрел на кровь, медленно собирающуюся в швах плитки. На мокрый след от ботинка курьера. На тело, которое ещё недавно говорило, просило воды и пыталось предупредить их.

Потом он увидел перед собой Веру Соколову — неясно, как всегда бывает с теми, кого слишком долго стараешься не вспоминать.

— Найдите Соколову. Немедленно. И пусть никто не говорит ей, что именно привезли в Москву.

Глава 1

Бухгалтер сидел на краю стула и держал шапку обеими руками. Шапка была старой, с залоснившимся козырьком, и от неё пахло мокрой шерстью. Он успел снять пальто, но не успел согреться. В комнате на втором этаже было душно от табака, керосиновой печки и четырёх человек, которые молчали дольше, чем требовала обычная служебная беседа.

Вера Соколова перелистнула тонкую папку. Бумаги в ней были аккуратно подшиты, страницы пронумерованы карандашом. Она сама поставила цифры утром, чтобы потом не тратить время на поиски.

— Вы утверждаете, что бланки накладных забрали из сейфа в ночь на третье октября?

— Я не утверждаю, товарищ лейтенант. Я сказал, что утром их не было.

— Сейф открывали?

— Открывали.

— Кто?

Бухгалтер облизнул губы.

— Начальник отдела. И я.

— После того как обнаружили пропажу?

— Да.

— До этого?

Он посмотрел на человека у окна. Тот был старше, в форме без знаков различия, и всё время курил, не стряхивая пепел. Бухгалтер перевёл взгляд обратно.

— Не помню.

Вера закрыла папку.

За окном с коротким стуком бился мокрый снег. Стекло темнело, в нём отражалась лампа под зелёным абажуром и спина курящего сотрудника. Вера видела его лицо только в мутном отражении: тяжёлый подбородок, светлая полоска на лбу, пальцы с жёлтыми ногтями. Он не был начальником бухгалтера. Начальник, судя по интонациям, сидел рядом с дверью и делал вид, что занят собственными мыслями.

— Вы приносили мне справку, — сказала Вера. — В ней указано, что сейф вскрыли в семь часов сорок минут.

— Так и было.

— А сейчас вы говорите, что обнаружили пропажу утром. Во сколько именно?

— Около семи.

— Около семи — это до вскрытия или после?

Бухгалтер сжал шапку сильнее. На его большом пальце выступила белая полоска.

— До.

— Почему в справке другое время?

— Мне сказали так написать.

— Кто?

Он опять посмотрел на окно.

Вера не стала повторять вопрос. Повторение редко помогало. Люди начинали защищать первую ложь, даже если она была случайной. Страх имел собственную логику: заставлял держаться за уже сказанное, потому что отступить казалось опаснее.

Она вынула из папки один листок.

— Здесь подпись заведующего складом. Вы её узнаете?

— Да.

— Его фамилия написана через «о». В остальных документах через «а».

Бухгалтер поднял глаза.

— Он неграмотный человек. Может, ошибся.

— В подписи?

— Не знаю.

— А в накладной?

— Это не моя работа.

— Вы бухгалтер.

— Я не занимаюсь почерками.

Курящий у окна впервые повернул голову. Пепел с сигареты упал на подоконник.

Вера заметила, что у бухгалтера дрожит левое колено. Не от холода. На лбу у него выступили мелкие капли, хотя печка давно перегрела комнату. Он боялся не её. Это было понятно с первого вопроса: страх перед следователем обычно был прямым и тупым, человек старался угадать, что от него хотят. Этот же боялся сказать что-то лишнее тем, кто останется после её ухода.

Она положила листок обратно.

— Я не спрашиваю вас о подписях, товарищ Громов. Я спрашиваю, где вы были второго октября после девяти вечера.

— Дома.

— Один?

— С женой.

— Адрес.

Он назвал улицу, номер дома, квартиру. Быстро, без запинки. Вера записала.

— Жена подтвердит?

— Конечно.

— Хорошо. Теперь скажите, кто в вашем отделе имел доступ к печати транспортного управления.

Бухгалтер молчал.

Начальник у двери тяжело вздохнул. Вера не посмотрела на него. Ей не нравилось, когда за свидетелем сидело начальство, но убрать его она не могла: формально беседа велась в ведомственной конторе, и хозяева помещения считали себя участниками каждого разговора. Формально они были правы. Формальности иногда служили порядку, иногда — прикрывали трусость. Приходилось различать.

— Громов, — сказала она ровно. — Назовите фамилии.

— Печать лежит в канцелярии.

— Ключ от канцелярии.

— У секретаря.

— Ещё.

— У начальника отдела.

— Ещё.

Он провёл ладонью по шапке.

— У меня был запасной.

— Был?

— Я его потерял летом.

— Когда сообщили?

— Я не сообщал.

— Почему?

— Думал, найдётся.

— Нашёлся?

— Нет.

Вера сделала пометку на полях. Чернила в авторучке были густые, холодные, и перо чуть царапало бумагу.

— Вы потеряли ключ к печати, не сообщили об этом и считаете, что это не имеет отношения к пропавшим бланкам?

— Я не сказал, что не имеет.

— Тогда почему вы ждали, пока я спрошу?

Он развёл руками. Жест получился жалкий и осторожный.

— Потому что меня за это посадят.

— За потерю ключа вам придётся отвечать. За попытку скрыть потерю — тоже. Но сейчас вы можете помочь разобраться, кому понадобились поддельные накладные.

— Я ничего не подделывал.

— Я вас пока в этом не обвиняла.

— Все так говорят.

— Не все.

Он замер, разглядывая её. Вера знала, как она сейчас выглядит: мокрые пряди тёмных волос выбились из-под платка у висков, воротник пальто был поднят, перчатки лежали на коленях. Она не снимала пальто, потому что рассчитывала закончить быстро. Уже почти час назад рассчитывала.

Человек у окна докурив сигарету, раздавил окурки в блюдце и сказал:

— Товарищ лейтенант, может, хватит? У нас праздничный день. Громов не на допросе.

— Я вижу, — ответила Вера. — Поэтому и задаю вопросы.

— Он бухгалтер, не преступник.

— Это выяснится.

Начальник возле двери кашлянул.

— Громов, отвечайте. Не стройте из себя ребёнка.

Бухгалтер вздрогнул от его голоса сильнее, чем от слов Веры. Вот это было уже полезнее любой подписи. Она отметила про себя: начальник знает больше, чем показывает. Или Громов уверен, что знает.

— Запасной ключ я отдал, — выговорил бухгалтер.

В комнате никто не пошевелился.

— Кому? — спросила Вера.

— Я не знаю фамилии.

— Вы отдали ключ человеку и не знаете фамилии?

— Он приходил от районного снабжения. В августе. Сказал, проверка. Показал удостоверение.

— Как выглядел?

— Невысокий. В очках. Серое пальто. Портфель.

— Возраст?

— Лет сорок. Может, больше.

— Говор?

— Обычный.

— Особые приметы?

Бухгалтер беспомощно покачал головой.

— Он расписался в журнале?

— Нет.

— Почему?

— Я... Я хотел, чтобы он расписался. Он сказал, потом.

— И вы отдали ключ?

— Он сказал, что распоряжение из управления.

Вера повернулась к начальнику.

— Журнал проверок есть?

— Есть.

— Принесите.

Тот недовольно поджал губы.

— Сейчас?

— Да.

— Товарищ лейтенант, на улице праздник. Архивариус ушёл.

— Журнал не в архиве.

— Не вам решать, где у нас журналы.

Вера застегнула папку.

— Тогда я отмечу, что доступ к журналу предоставлен не был.

Он посмотрел на неё с тем выражением, которое она уже видела много раз: не открытая угроза, а подсчёт того, насколько далеко можно зайти без последствий. Молодая сотрудница, не из местных, без громкой фамилии. С ней можно говорить через зубы. Пока она не подняла трубку.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Ничего. Я сказала точно.

Курящий мужчина тихо хмыкнул.

Начальник резко взял со стола телефон, снял трубку, но не набрал номер. Несколько секунд слушал гудок, потом положил обратно.

— Принесут журнал, — сказал он.

— Хорошо.

Вера поднялась. Ноги у неё затекли, в носках было влажно, и от этого злилась каждая мелочь. Она собрала бумаги, проверила, на месте ли служебное удостоверение во внутреннем кармане, поправила ремешок часов. Без двадцати шесть. Сумерки за окном давно превратились в вечер.

Если ей повезёт, она успеет купить по дороге хлеб, а дома будет горячий чай. Мать скажет, что чай давно остыл, и тут же поставит чайник заново, стараясь не показать, что ждала. Вера ответит, что не надо было ждать. Мать фыркнет. Всё будет как обычно, и в этом не было ничего плохого.

Бухгалтер вдруг сказал:

— Товарищ лейтенант.

Вера остановилась.

— Да?

— Я правда не знал, что там возят.

— Где?

— По этим накладным.

— А что там возили?

Он закрыл рот.

— Громов.

— Я слышал только, что это не продукты. И не ткань. Я ничего не видел.

— От кого слышали?

— От кладовщика. Он пьяный был. Болтал.

— Когда?

— В сентябре.

— Где кладовщик?

— Уволился. На прошлой неделе.

— Адрес известен?

— Может быть, в отделе кадров.

Вера кивнула.

— Напишите всё, что помните. Не красиво. Точно.

Она положила перед ним чистый лист и карандаш. Бухгалтер взял карандаш, но писать не начал.

— Мне можно домой? — спросил он.

— Пока нет.

— Но праздник.

— Праздник никуда не денется.

Это прозвучало суше, чем она хотела. Она видела, как он опустил голову, и чуть смягчила голос:

— Напишите. Потом решим.

Когда она вышла из комнаты, коридор конторы встретил её холодом и запахом варёной капусты. Где-то в глубине здания играло радио. Торжественный голос говорил о стойкости, победах, трудовых свершениях, но сквозь помехи слова распадались на отдельные глухие звуки. Вера застегнула пальто до подбородка и спустилась по лестнице.

На площадке первого этажа женщина с ведром ругалась с дворником из-за протекающей трубы. У женщины была красная косынка, мокрая по краям, а у дворника — орденская планка на вытертом пиджаке. Они спорили с такой серьёзностью, будто от трубы зависело устройство государства.

Вера миновала их, вышла во двор и сразу почувствовала, как холод пробрался под воротник.

Снег шёл неуверенно, тяжёлыми крупными хлопьями. Он ложился на чёрную воду в колеях, таял на брусчатке, лип к подолам пальто. Двор был тесный, с сараями, облупленной стеной и единственным фонарём над аркой. Из арки тянуло улицей: углём, железом трамвайных проводов, мокрой шерстью и хлебом.

Вера постояла секунду под козырьком, натягивая перчатки. В кармане лежала папка с показаниями Громова, в другом — кошелёк и сложенный платок. Она машинально проверила оба кармана, потом пошла к арке, осторожно обходя ледяные лужи.

Москва после праздничных мероприятий не успокаивалась сразу. Она сбрасывала шум постепенно, с упрямством человека, который слишком долго не спал и теперь не может заснуть. На фасадах домов мокли красные полотнища. Ветер толкал их к стенам, и они прилипали к штукатурке, тяжёлые, потемневшие от снега. Над перекрёстком висел транспарант; буквы расплывались в сыром воздухе, но Вера и без того знала, что там написано.

Громкоговоритель на углу хрипло доигрывал марш. Духовые инструменты пробивались через треск, то пропадали, то возвращались. Возле булочной стояла очередь. Люди держались под навесом, прижимали к груди авоськи и талоны, переступали с ноги на ногу. Вера увидела мальчика лет семи в слишком большом ватнике. Он махал бумажным флажком, пока мать не отняла его со словами:

— Размочишь. Дома помашешь.

Мальчик обиделся, но через минуту опять вытянул флажок из-за её спины. Вера поймала его взгляд. Он смотрел на неё внимательно, как смотрят дети на людей в форме, пытаясь угадать, строгие они или нет. Она коротко кивнула ему. Мальчик выпрямился и спрятал флажок за пазуху.

У витрины гастронома стояли двое мужчин в шинелях. Один был без руки по локоть, пустой рукав аккуратно заправлен в карман. Второй, седой, с узким лицом, что-то рассказывал, оживлённо стуча пальцем по стеклу. За стеклом лежали банки с консервами, колбасы, аккуратные пирамидки мыла. Витрина выглядела праздничнее, чем жизнь вокруг неё. Вера знала, что большинство стоявших у стекла ничего не купят. Всё равно смотрели.

Она свернула к трамвайной остановке. Рельсы блестели, чёрные от воды. Трамвай подошёл почти сразу, скрипнул тормозами и выпустил на тротуар людей: женщину с ребёнком на руках, старика в ушанке, двух девушек в одинаковых серых пальто, пожилого мужчину с букетом хризантем, завернутым в газету.

Вера вошла в вагон последней. Внутри было жарко и тесно. Стёкла запотели, на них пальцами были выведены чьи-то имена и неразборчивые круги. Пахло мокрой одеждой, табаком и дешёвым одеколоном. Кондукторша продиралась по проходу, щёлкая компостером.

— Передаём за проезд. Не толкаемся. Товарищ в шинели, не стойте на подножке, дверь не закроется.

Вера взялась за холодную перекладину. Вагон тронулся, качнулся, и ей пришлось упереться плечом в стекло. За окном медленно поплыли мокрые улицы.

Она любила Москву без нежности и без восторга. Любить её как открытку было бы странно: слишком много здесь было трещин, тесных комнат, очередей, чужого горя, которое слышалось сквозь стены коммуналок. Но город умел жить дальше. После войны он ходил неровно, экономил хлеб, латал крыши, отмывал копоть с фасадов. В нём были пустые рукава, таблички с фамилиями погибших, женщины, которые носили письма в карманах годами. И всё-таки трамваи звенели, дети тянулись к сладостям, парикмахерские открывались утром, а на праздники люди выходили на улицы, потому что им было нужно видеть друг друга живыми.

Вера не любила парады. На них всегда было слишком много одинаковых лиц и слишком мало настоящей радости. Но сегодняшний город не был одинаковым. Женщина в старом каракулевом воротнике несла домой две буханки, прижав их к животу, как ребёнка. Молодой парень в рабочей куртке держал за руку девушку и пытался прикрыть её от снега газетой. Двое мальчишек дрались за красный воздушный шар, уже почти сдувшийся. Около кинотеатра под козырьком курили курсанты, громко споря о футболе.

Трамвай остановился у площади. Вера собиралась выйти здесь и пройти пешком, срезав путь через переулки. Впереди виднелись огни, и ей вдруг захотелось тишины кухни сильнее, чем еды.

Она протиснулась к выходу.

— Товарищ лейтенант!

Голос был знакомый. Вера обернулась.

У дверей стоял милиционер в мокрой плащ-палатке, с красной повязкой на рукаве. Лицо его она знала смутно — дежурил иногда у здания управления, фамилию, кажется, называли при ней один раз. Рыжий, коренастый, с прищуром от ветра.

— Соколову не ошибёшься, — сказал он, когда она сошла на тротуар. — Даже в таком тумане.

— Это снег.

— На празднике всем ясно, что снег. На службе — туман.

— Вы философствуете по расписанию?

— Сегодня исключительный день. Дежурство с полудня, начальство обещало сменить в шесть. Уже почти шесть, а у них, видно, часы идут по революционному календарю.

Вера поправила платок под воротником.

— Значит, сменят к следующему ноябрю.

Милиционер усмехнулся.

— Куда направляетесь?

— Домой.

— Смелый план.

— Пока не запрещён.

— Не сглазьте.

Он сказал это шутливо, но глаза у него были усталые. На перекрёстке люди обходили милицейский пост, не глядя в его сторону. Вера заметила, что у трамвайной остановки стоит санитарная машина. Белая, без привычной надписи на борту, с затемнёнными окнами. Двигатель работал. Возле неё курили двое мужчин в длинных халатах поверх пальто.

— А это что? — спросила Вера.

Милиционер посмотрел туда и пожал плечами.

— Кому-то стало плохо.

— Кому?

— Не знаю. Спросите у санитаров, если они захотят говорить.

— Они здесь давно?

— Минут двадцать.

Вера проследила взглядом за машиной. Дверцы были закрыты, но на ступеньке лежал комок марли, мокрый и серый. Ветер подхватил его, пронёс по мостовой и прижал к колесу.

— Отравился, говорят, — добавил милиционер. — В буфете, что ли. Или драка была. Праздник, сами понимаете.

— Драка и отравление — разные вещи.

— Для рапорта, конечно. А для тех, кто стоит на холоде, одинаково неприятные.

Вера кивнула.

— Берегите горло.

— Вам бы тоже. Голос у вас хрипит.

Она хотела ответить, что голос у неё не хрипит, но в этот миг к горлу подступила лёгкая тошнота. Резкий запах жареных пирожков из ларька смешался с табаком и бензином. Вера отвернулась, сделала медленный вдох холодного воздуха. Пустой желудок напомнил о себе неприятной судорогой.

— Ничего, — сказала она. — Просто давно не ела.

— Тогда берите пирожок. Сегодня, говорят, с мясом.

— «Говорят» — плохой аргумент.

— А вы, товарищ лейтенант, никогда не верите людям?

— Верю. Но не всем сразу.

Милиционер снова усмехнулся. Вера пошла дальше, слыша за спиной его голос: он останавливал двух мальчишек, решивших перебежать улицу перед трамваем.

Снег усиливался. Он уже не таял сразу на плечах, собирался белой крупой на рукавах пальто. Вера держала руки в карманах и шла быстро, обходя толпу. Улица была полна движения, хотя праздничные колонны давно разошлись. Кто-то торопился к родственникам, кто-то возвращался из гостей, кто-то просто не хотел сидеть дома.

На углу у овощной лавки спорили две женщины. Одна утверждала, что в соседнем квартале милиция перекрыла подъезд, потому что «мужик бросался на людей». Другая отмахивалась: пьяный, наверное, вот и вся тайна. Третья, с авоськой, полной картошки, сказала, что видела военный грузовик и что военные по пустыкам не приезжают.

— Военные и за картошкой приезжают, если дать им адрес, — отрезала первая.

Вера прошла мимо, не замедляя шага. Слухи были городской болезнью, особенно после праздников, когда все уставали, выпивали, теряли детей в толпе, ругались, мирились и придумывали объяснения любой закрытой двери. Пьяный мог напасть на прохожего. Военный грузовик мог везти что угодно. Санитарная машина могла стоять на улице по десятку причин.

Но она всё равно запомнила место, время и слова про перекрытый подъезд.

У булочной она остановилась. Очередь двигалась медленно, но хлеба в лотках ещё было достаточно. Вера почти встала в конец, потом посмотрела на часы. Без десяти шесть. Если встать, домой она попадёт не раньше семи. Мать будет ворчать. Не из-за хлеба: хлеб дома оставался, она видела утром половину буханки. Из-за того, что Вера снова не предупредила.

Она уже сделала шаг к очереди, когда рядом тихо затормозила чёрная «эмка».

Машина стояла у тротуара так, что её сразу заметили. Не нарочно, подумала Вера, но и не слишком осторожно. В праздничный вечер редкие служебные автомобили выделялись сильнее обычного. На переднем сиденье сидел водитель в фуражке, рядом — молодой сержант с папкой на коленях.

Задняя дверца открылась.

Сержант вышел и подошёл к Вере.

— Товарищ лейтенант Соколова?

— Да.

— Вас вызывает майор Левин. Немедленно.

Вера не села в машину.

— Куда?

Сержант моргнул.

— На Лубянку.

— По какому делу?

— Мне не сообщили, товарищ лейтенант.

— Кто передал распоряжение?

— Дежурный по управлению. Сказал найти вас быстро.

— Где нашли?

— Нам дали маршрут.

Это было уже точнее, чем она ожидала. Значит, её отслеживали не случайно. Или знали, где закончится встреча с Грозовым. Вера посмотрела на служебный номер машины, на папку в руках сержанта, на водителя. Тот не смотрел на неё, но пальцы его так крепко лежали на руле, что костяшки побелели.

— Майор Левин сказал, по какому вопросу? — спросила она.

— Нет.

— Он на месте?

— Да.

— Кто ещё на месте?

Сержант открыл было рот, но водитель сказал из машины:

— Товарищ лейтенант, велено без задержки.

Голос у него был обычный, усталый. Не приказной. Он не пытался изображать тайну, просто хотел выполнить поручение и закончить его.

Вера ещё раз посмотрела на очередь у булочной. Женщина впереди переступала с ноги на ногу, пряча лицо в меховом воротнике. Хлеб лежал за стеклом тёплыми тёмными буханками. Вера почувствовала нелепое раздражение: вечер у неё забирали не каким-то громким происшествием, не срочной операцией, а чужой неопределённостью.

— Это приказ или просьба? — спросила она.

Сержант выпрямился.

— Приказ.

— Тогда говорите сразу.

Она села на заднее сиденье. Сержант устроился рядом, захлопнул дверцу. Машина тронулась.

Внутри пахло сырым сукном, кожей и бензином. На полу валялся сложенный брезентовый плащ, на сиденье лежала газета с размокшим краем. Вера сняла перчатку, достала из кармана блокнот и записала: «Грозов. Ключ. Сентябрь. Кладовщик». Рука чуть дрогнула на последнем слове от толчка.

— Вам плохо? — спросил сержант.

— Нет.

— Лицо бледное.

— В машине темно.

Он смутился и отвернулся к окну.

Вера убрала блокнот. Ей и правда было не по себе. Не от болезни, не от страха — от голода, духоты и запаха бензина. Она закрыла глаза на секунду, потом открыла. Через стекло тянулись улицы, размазанные мокрыми огнями.

— Вы давно у майора Левина? — спросила она.

Сержант насторожился.

— Я не у майора. Я при дежурном.

— Тогда почему вы знаете, что он ждёт именно меня?

— Мне сказали передать.

— Слово в слово.

— «Доставить товарища лейтенанта Соколову немедленно. Майор Левин ждёт». Так и сказали.

— Кто сказал?

— Дежурный.

— Фамилия?

Он помедлил.

— Товарищ лейтенант, я не знаю.

Вера посмотрела на него. Молодой, может, двадцать лет, лицо ещё почти мальчишеское, на подбородке след от недавнего бритья. Он не лгал умело. Скорее всего, и правда не знал или решил, что безопаснее не знать.

— Хорошо, — сказала она. — Не знаете — не надо придумывать.

Сержант кивнул, благодарно и неловко.

Машина свернула в переулочек, где движение было перекрыто. Поперёк улицы стоял военный грузовик, борта закрыты брезентом. У грузовика дежурили двое солдат с винтовками. Возле арки соседнего дома милиционер отгонял любопытных.

— Проезд закрыт, граждане. Обходите по другой стороне.

— А что случилось? — кричала женщина в клетчатом платке.

— Технические работы.

— Какие работы вечером?

— Гражданка, отойдите от ленты.

Двое мужчин спорили, один говорил, что там пожар, другой — что кого-то зарезали. Из подъезда вышел врач в белом халате под тёмным пальто. Лицо его было закрыто марлевой повязкой. Он быстро сел в санитарную машину, стоявшую в глубине переулка, и та тронулась без sireны.

Вера повернула голову, пока машина не миновала перекрёсток.

— Что там? — спросила она.

Водитель ответил не сразу.

— Не знаю, товарищ лейтенант.

— Вы ехали отсюда?

— Нет.

— Тогда почему остановились?

— Проезд перекрыт.

Это было правдой. Он не обязан был знать остальное. Вера почувствовала досаду на себя: она цеплялась к человеку, который не имел отношения к происходящему. Но неопределённость раздражала её сильнее, чем плохая новость. Плохую новость можно было разложить по фактам. Неопределённость расплзалась везде.

Водитель повернул на другую улицу. На углу стояла группа людей возле киоска с пивом, уже закрытого ставнями. Один мужчина громко кашлял, согнувшись и держась за стену. Его приятель хлопал его по спине и ругался, что тот простудил лёгкие, стоя на ветру. Никто не обращал на них особого внимания.

Громкоговоритель над площадью опять ожил. Теперь из него лилась музыка — усталая, с треском, но бодрая. Пары духового оркестра поднимались над толпой и смешивались с мокрым снегом.

Вера смотрела на город, который по-прежнему жил своим вечерним порядком. Трамваи звенели. У ворот школы женщина поправляла ребёнку шарф. Молодые люди смеялись, пробегая под снегом. В одном окне горела лампа без абажура, и за занавеской мелькали руки — кто-то накрывал на стол.

И всё же служебная машина ехала слишком быстро для мокрой мостовой.

— Медленнее, — сказала Вера водителю, когда колёса занесло на повороте.

Он тут же сбросил скорость.

— Простите.

— Не мне. Столбу.

Сержант кашлянул, пряча улыбку. Водитель коротко выдохнул. Напряжение в машине чуть ослабло, но не исчезло.

К Лубянке они подъехали не с площади, как обычно, а со стороны служебного проезда. Вера сразу заметила это. Машина свернула к неприметным воротам, где стояли двое часовых. Одного она знала в лицо, второй был незнаком. В обычные дни здесь хватало одного поста, а ворота открывали после беглой проверки.

Сегодня водитель остановился раньше. Часовой подошёл, заглянул в салон, потребовал документы у всех троих.

Вера достала удостоверение. Часовой взял его осторожно, обеими руками, проверил фотографию, фамилию, печать, снова посмотрел на неё. Слишком тщательно. Не потому что не доверял ей лично — он выполнял новый порядок, которого утром ещё не было.

— В чём дело? — спросила Вера.

— Усиленный режим, товарищ лейтенант.

— По чьему распоряжению?

— Мне не сообщили.

Она едва не усмехнулась. В этот вечер фраза становилась заразной.

Часовой вернул удостоверение. Ворота медленно раскрылись. Машина въехала во двор.

Здание казалось темнее, чем обычно. Окна на верхних этажах горели редкими жёлтыми прямоугольниками. Во дворе стояли две машины: грузовая, с закрытым кузовом, и санитарная. Санитарная была без красного креста. У её задней двери двое мужчин в резиновых фартуках переговаривались вполголоса. Один держал металлический ящик, накрытый брезентом. На брезенте темнело мокрое пятно, то ли от снега, то ли от чего-то ещё.

Водитель остановился у бокового входа.

— Прибыли, товарищ лейтенант.

Вера не торопилась выходить. Она посмотрела на сержанта.

— Вы идёте со мной?

— Нет. Мне сказали доставить.

— Тогда свободны.

Он кивнул, но остался сидеть, пока она открывала дверцу. Видимо, ждал, что она скажет что-нибудь ещё. Не сказала.

Во дворе снег падал почти вертикально. Под подошвами хлюпала чёрная вода. Вера поднялась по коротким ступеням, и дежурный у двери сразу преградил ей путь рукой.

— Документы.

— Их уже проверяли.

— Здесь тоже.

Она предъявила удостоверение. Дежурный был незнакомый, худой, с серым лицом и воспалёнными веками. Он долго сверял фотографию, потом переписал что-то в журнал. Его ручка царапала бумагу с таким нажимом, что лист продавился.

— Майор Левин ждёт, — сказала Вера.

— Подождёте минуту.

— Он ждёт меня немедленно.

— Распорядок общий для всех.

Он сказал это без грубости, но слишком быстро. Вера смотрела, как он листает журнал. На столе возле него лежали свёрнутые марлевые повязки, флакон с тёмной жидкостью, стопка резиновых перчаток. В обычной дежурной комнате ничего подобного не было.

Из коридора вышли двое санитаров. Между ними на носилках лежал человек, накрытый брезентом до подбородка. Видно было только щёку, бледную и серую, и закрытый глаз. Носилки пронесли быстро, но один из санитаров задел стену, брезент съехал на ладонь. Рука была забинтована от кисти до локтя. На бинте проступали тёмные пятна.

Вера проводила носилки взглядом.

— Кто это?

Дежурный наконец поднял голову.

— Служебное происшествие.

— Какого рода?

— Не ко мне вопрос.

— К кому?

— К майору Левину.

Он вернул ей удостоверение и нажал кнопку звонка. Из боковой двери вышел молодой сотрудник в форме внутренних войск, кивнул Вере.

— Проводите, — сказал дежурный.

— Я знаю дорогу.

— Порядок, товарищ лейтенант.

Вера сунула удостоверение в карман. Спорить из-за сопровождающего не имело смысла. Если распоряжение распространили на своих, значит, либо случилось что-то неприятное, либо начальство решило показать усердие. В здании бывали оба варианта. Но запах, ударивший в нос за второй дверью, не вязался с обычной суетой.

Хлорка.

Её было столько, что першило в горле. Под этим запахом пряталось другое: кислое, металлическое, тяжёлое. Вера ощутила его только на мгновение, потом хлорка всё забила.

Коридор выглядел знакомо и чуждо. Лампы под потолком горели ярче обычного. По стенам тянулись мокрые полосы, будто их недавно мыли. В дальнем конце стоял солдат с винтовкой. Рядом была закрыта металлическая дверь, ведущая к нижнему сектору. Обычно она оставалась приоткрытой: туда спускали бумаги, водили задержанных, носили чай дежурным. Сегодня на двери висел массивный засов, а у стены стояли два ведра, тряпки и ящик с бутылками.

— Карантинная мера, — сказала Вера, больше проверяя догадку, чем спрашивая.

Сопровождающий ответил:

— Не могу знать.

— Слово вы уже знаете.

Он посмотрел на неё с недоумением.

— Что?

— Ничего.

Они прошли дальше. Вера видела знакомые двери, таблички, тёмные квадраты телефонов на стенах. Где-то печатала машинка. За одной из дверей кто-то говорил по телефону резким шёпотом: «Нет, я сказал, никого не пускать. Никого. Передайте дословно». В другом кабинете плакал ребёнок — тонко, устало. Вера остановилась бы, но звук оборвался, и сопровождающий уже сделал несколько шагов вперёд.

Она догнала его.

— Ребёнок здесь откуда?

— Не знаю.

— Вы много чего не знаете.

Он покраснел.

— Товарищ лейтенант, мне приказано проводить вас.

— Выполняйте.

На следующем повороте им навстречу вышел капитан из следственного отдела. Вера знала его по фамилии и по привычке всегда ходить без шапки, даже зимой. Сейчас шапка была на нём, а поверх формы — белый халат, застёгнутый криво. В правой руке он держал резиновые перчатки, вывернутые наизнанку. На манжете рубашки под халатом темнела кровь.

Капитан увидел Веру, задержался на долю секунды и хотел пройти мимо.

— Товарищ капитан, — окликнула она.

Он обернулся.

— Соколова.

— Что произошло?

— У майора спросите.

— Это я уже слышала.

— Значит, сегодня день повторений.

Голос у него был глухой, раздражённый. Он не смотрел ей в лицо, а смотрел куда-то в сторону двери нижнего сектора.

— Вам нужна помощь? — спросила Вера.

Капитан сжал перчатки.

— Мне нужен умывальник. И чтобы люди перестали лезть не в своё дело.

— Кровь на манжете ваша?

Он резко поднял глаза. В них было не раздражение, а усталый испуг, который он тут же попытался спрятать.

— Идите к Левину, товарищ лейтенант.

Он ушёл быстро, почти бегом. На полу за ним остались влажные следы.

Вера смотрела ему вслед, пока сопровождающий не сказал:

— Нам сюда.

Она пошла.

Внутренне она уже перебирала возможные объяснения. Несчастный случай при конвоировании. Драка. Попытка побега. Работа с каким-нибудь опасным веществом, которую скрывали от большинства сотрудников. В здании не любили объяснять лишнее, особенно младшим по званию. Это не было новостью. Но санитарные носилки, хлорка, солдаты у нижнего сектора, кровь на манжете капитана — всё это складывалось в картину, где деталей не хватало намеренно.

Она не любила, когда от неё что-то скрывали. Не из самолюбия. Скрытая деталь иногда убивала точнее пули: человек принимал решение, не зная, чего именно должен опасаться.

Коридор перед кабинетом Левина был почти пуст. За столом секретаря горела настольная лампа. Секретарь, худой мужчина лет пятидесяти с бескровным лицом, перебирал бумаги и не поднимал глаз. На столе лежал телефон, рядом — открытая папка, в которой Вера успела заметить чистый лист с несколькими строчками, перечёркнутыми красным карандашом.

Сопровождающий остановился.

— Товарищ лейтенант Соколова доставлена.

Секретарь кивнул так, будто уже отметил это в уме.

— Подождите.

— Майор на месте? — спросила Вера.

— Да.

— Он свободен?

— Как только сможет.

Вера взглянула на закрытую дверь кабинета. Никаких звуков изнутри не было. Ручка блестела под лампой. На ковровой дорожке у двери виднелись следы мокрых подошв, чужих и частых.

— Сколько ждать?

— Не знаю.

— Это тоже карантинная мера?

Секретарь медленно поднял на неё глаза. Вера ожидала раздражения, но увидела только измождение. Он выглядел так, словно не спал несколько суток, хотя рабочий день только начинался заново для тех, кому не полагался праздник.

— Товарищ лейтенант, — сказал он тихо. — Лучше сейчас не задавайте вопросов в коридоре.

— Почему?

Он не ответил.

Из глубины здания донёсся звук. Неясный сначала: тяжёлый удар, короткий вскрик, лязг металла. Где-то внизу хлопнула дверь. Вера повернула голову к лестнице, ведущей в подвальный сектор.

Запах хлорки здесь ощущался сильнее. Он щипал ноздри и перебивал даже табак, которым пропиталась её одежда после конторы. Секретарь снова склонился над бумагами, но пальцы у него лежали на листе неподвижно.

Вера подумала о санитарной машине во дворе. О забинтованной руке на носилках. О капитане, который испугался простого вопроса. О том, что Левин вызвал её так срочно, хотя в её текущем деле не было ничего, что требовало бы его вмешательства.

Она подошла ближе к двери кабинета и остановилась.

Из нижнего коридора донёсся выстрел — глухой, короткий, слишком близкий для праздничного вечера.

Секретарь не поднял глаз от бумаг.

— Майор Левин ждёт вас, товарищ лейтенант.

Глава 2

Выстрел снизу был глухим, сдавленным толщей перекрытий, но в коридоре его слышали все.

Секретарь майора Левина, худой человек с серым лицом и слишком аккуратным пробормом, не поднял головы от стола. Только пальцы у него дрогнули на краю папки. Он переложил верхний лист, потом второй, потом вернул их обратно, выравнивая углы с такой тщательностью, что Вера сразу поняла: он слышал.

Дежурный, проводивший её до приёмной, резко повернул голову к лестнице. Дальше, за поворотом, хлопнула дверь. Послышались быстрые шаги — не строевые, не деловые: несколько человек шли почти бегом, стараясь не шуметь.

По коридору пронесли металлический ящик с красным крестом на боку. За ним прошёл санитар в резиновых перчатках до локтей. На перчатках темнели бурые пятна. Он держал руки перед собой, не касаясь стен и дверных ручек.

Запах хлорки здесь был гуще, чем у входа. Вера почувствовала также порох — слабый, едкий, свежий. Под подошвами хлопнула ковровая дорожка. Она посмотрела вниз.

По красному ворсу тянулась влажная полоса, уже разбавленная белесым раствором. У стены кто-то на коленях вытирал её тряпкой, не поднимая глаз. Чуть дальше виднелись две тёмные капли, которые не успели стереть.

— Что произошло? — спросила Вера.

Дежурный не посмотрел на неё.

— Служебное происшествие.

— Внизу стреляли.

— К майору.

— Я спросила, что произошло.

Он наконец повернулся. Молодой, с красными от недосыпа глазами, он держал ладонь возле кобуры, хотя в коридоре не было никого, кроме сотрудников.

— Лейтенант, вас ждут.

Это не было ответом. Вера отметила про себя, что слово «происшествие» он произнёс так, как произносят «пожар» в здании, где запрещено упоминать огонь.

Из-за поворота показались носилки. Их несли двое санитаров в белых халатах поверх серых шинелей. Носилки были накрыты плотным армейским брезентом, туго подвернутым по бокам. Под тканью обозначалась человеческая фигура, неподвижная и слишком узкая в плечах. На брезенте, возле края, темнело пятно, которое хлорка не успела выбелить.

Вера машинально отступила к стене, пропуская их.

Один из санитаров был в противогазной маске, хотя фильтр висел на груди, а лицо оставалось открытым. Второй дышал ртом. У него на щеке белела косая полоска пластыря.

— Осторожнее на лестнице, — сказал кто-то из-за спин.

— Вниз не пускать никого, — отозвался другой голос. — И телефоны в секторе отключить.

— Карантинная мера, — быстро произнёс дежурный, будто оправдывался перед ней. — Проход закрыт.

Вера взглянула на него.

— Карантинная?

Он сжал губы.

— Вам объяснит майор.

Карантин на Лубянке не вводили из-за простуды. И не таскали носилки под брезентом после простуды. Вера хотела спросить ещё, но дверь кабинета Левина открылась.

На пороге показался секретарь. Теперь его лицо было ещё бледнее.

— Лейтенант Соколова, проходите.

Вера вошла.

Кабинет Левина выглядел почти так же, как всегда. Именно это и насторожило её сильнее всего. Тяжёлый письменный стол, зелёная лампа, телефон с чёрной трубкой, два металлических шкафа у стены, строгая карта Москвы под стеклом. На подоконнике, между плотными шторами, было приоткрыто окно. Из щели тянуло холодом и мокрым снегом, но в комнате всё равно стоял запах табака, чернил и дезинфицирующего раствора.

На столе лежали раскрытые папки. В пепельнице дымилась папироса, давно оставленная без внимания. Рядом стоял стакан с чаем; на поверхности плавала тонкая коричневая плёнка.

Левин сидел не за столом, а на краю тумбы у окна. Воротник его рубашки был расстёгнут, галстук ослаблен. Щетина на щеках делала лицо старше. На левой манжете, возле запонки, темнела маленькая точка — кровь или чернила. Он держал в руке сложенный носовой платок и смотрел на неё так внимательно, что Вера остановилась у двери.

— Закройте, пожалуйста, — сказал он.

Она закрыла. Холодная латунная ручка задержалась в пальцах.

— Садитесь.

— Что случилось?

— Сначала ответьте на несколько вопросов.

— Я пришла по срочному вызову, майор.

— Я знаю. Ответьте.

Голос у него был ровный, почти бесцветный. Он говорил так, когда уже принял решение и не хотел, чтобы собеседник заметил, каких усилий ему стоит держаться за него.

Вера села на край стула, не снимая мокрого пальто.

— Сегодня вы контактировали с иностранцами?

— Нет.

— С задержанными?

— Нет.

— С людьми, прибывшими из-за границы, с курьерами, с представителями посольств?

— Нет.

— Травмы были?

Она чуть нахмурилась.

— Какие?

— Любые. Порезы, царапины, проколы. Кровь.

— Нет.

— Покажите руки.

Вера медленно сняла перчатки. На пальцах остались следы холода, на правой ладони — сухая чернильная полоска, которую она заметила ещё утром, когда заполняла акт. Она положила руки на стол ладонями вниз.

Левин наклонился, не прикасаясь к ней. Его взгляд задержался на костяшках пальцев, на тонкой коже возле ногтей, на запястьях.

— Переверните.

Она перевернула ладони.

— Это обязательно?

— Да.

— Вы меня вызвали, чтобы выяснить, умею ли я не трогать чужую кровь?

— Я вызвал вас, потому что хочу знать, в безопасности ли вы.

— Это звучит не как ответ.

— Потому что это пока не ответ.

Он выпрямился. Вера надела перчатки обратно, не спеша, одну за другой. Внутри поднималось раздражение, сухое и холодное. Не потому, что Левин задавал вопросы. В их работе вопросы были привычнее приветствий. Но он не объяснял, почему задаёт именно эти.

— В нижний сектор вы не заходили? — спросил он.

— Нет.

— Носилки, перчатки, документы в коридоре не трогали?

— Нет.

— Уверены?

— Майор, я умею стоять у стены без инструктажа.

На миг его лицо изменилось. Не улыбка, даже не тень её — короткое ослабление напряжения у глаз. Он опустил взгляд на папку.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо.

Вера заметила это облегчение и сразу перестала злиться. Не потому, что простила его уклончивость. Потому что Левин не был человеком, который облегчённо выдыхает из-за мелочей. Он не показывал облегчения вообще.

— Кто там был? — спросила она.

— Задержанный.

— Немец?

Левин поднял глаза.

— Почему вы решили, что немец?

— Внизу санитар в противогазной маске, в коридоре карантин, а вы спрашиваете, с кем я разговаривала. В обычном деле это не складывается. В необычном — тоже пока не складывается. Немцы в последнее время у нас редко падают с потолка.

— В Москву доставили человека с документами немецкого происхождения.

— «Человека с документами»?

— Личность устанавливается.

— Он ранен?

— Он был болен.

Вера молчала, ожидая продолжения.

Левин отошёл к столу, затушил папиросу и тут же закурил другую. Пальцы у него были чистыми, но под ногтем большого пальца виднелась белая полоска засохшего раствора.

— Есть основания считать, что у него была инфекция, — сказал он. — Неизвестная нам инфекция. Возможно, связанная с немецкими военными исследованиями.

— Возможно?

— Пока именно так.

— Он заразил кого-то?

— Несколько сотрудников могли контактировать с его кровью.

— Могли?

— Вера Андреевна, не заставляйте меня повторять формулировки, которые я и без того считаю недостаточными.

Она посмотрела на него внимательнее. Обычно Левин не позволял себе раздражения в разговоре с подчинёнными. Если он говорил резко, значит, дело шло хуже, чем он готов был признать.

— Что произошло с человеком внизу?

Он сел за стол, раскрыл папку, но не посмотрел в неё.

— Состояние задержанного резко ухудшилось. Он стал опасен для окружающих.

— Что значит «опасен»?

— Он напал на конвоира.

— С оружием?

— Нет.

— Тогда почему я слышала выстрел?

Левин снял очки, протёр стекло платком и надел снова.

— Потому что другого способа остановить его не было.

В кабинете прошёл короткий сквозняк. Лист на верхней папке приподнялся и лег обратно. За стеной зазвонил телефон. Один раз, второй, третий. Секретарь снял трубку в приёмной и заговорил тихо, почти шёпотом.

Вера вспомнила носилки под брезентом, белую полоску пластыря на лице санитаря, мокрую дорожку. Вопросы Левина о порезах и крови.

— Это передаётся через кровь? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Существует такая вероятность.

— Не воздушно?

— По имеющимся данным — нет. Воздух не является основным путём передачи. Опасность представляют глубокие укусы, кровь, попавшая в открытую рану, слюна на слизистые. Любой контакт с заражённым биологическим материалом.

— По имеющимся данным, — повторила Вера.

— Да.

— А если данных недостаточно?

— Тогда мы исходим из худшего разумного варианта. Но не из фантазий.

— И какой разумный вариант у вас сейчас?

Левин посмотрел на открытую форточку.

— Изоляция. Наблюдение за контактными. Поиск источника. Проверка маршрута, по которому этот человек прибыл в город.

— И мой вызов относится к последнему пункту?

Он перевёл взгляд на неё.

— Отчасти.

— Говорите прямо.

— У задержанного были документы, которые могут иметь отношение к вашему сегодняшнему делу.

Это было уже похоже на ответ, но только снаружи. Вера почувствовала, как в памяти поднялись утренние бумаги: пропавшие бланки накладных, складской журнал, небрежные подписи, слишком чистая печать на старом листе. Мелочь, которую начальство хотело закрыть к вечеру, потому что дело не тянуло ни на хищение, ни на диверсию. Несколько бланков исчезли из ведомственного архива. Потом один всплыл на товарной станции — с номером, не соответствовавшим серии.

— Каким образом? — спросила она.

Левин выдвинул ящик стола и достал тонкий картонный конверт без пометок. Положил перед ней.

— Посмотрите.

Внутри лежали четыре листа. Копия протокола задержания, фотография мужчины в полупрофиль, немецкая накладная, машинописный список железнодорожных маршрутов. Бумага была тонкой, с желтоватым оттенком. Вера взяла листы за уголки.

На фотографии мужчина выглядел лет на тридцать пять или сорок. Узкое лицо, впалые щёки, светлые волосы, прилизанные к вискам. Он смотрел мимо объектива, и это не придавало снимку таинственности — только усталости. На левой скуле темнел старый шрам. Под фотографией стояла фамилия, напечатанная с ошибкой в одной букве.

— Это он? — спросила она.

— Да.

— Он жив?

Левин едва заметно качнул головой.

Вера положила фотографию обратно. Никаких слов сожаления от неё не требовалось. Люди в этой работе редко умирали так, чтобы окружающие могли позволить себе простое сожаление. Но брезент на носилках вновь встал перед глазами.

Накладная была заполнена по-немецки. Она знала язык не настолько свободно, чтобы читать быстро, но отдельные слова различала. Наименование груза, станция отправления, номера ящиков, маршрут. Внизу стояли две печати: одна круглая, выцветшая, другая — прямоугольная, с плохо пропечатанным орлом, в котором уже невозможно было различить герб.

— Где вы это взяли? — спросила она.

— При задержании.

— Кто задерживал?

— Другая группа.

— На какой станции?

— Это пока служебная информация.

Вера подняла на него глаза.

— Значит, меня всё-таки вызвали не для проверки моих рук.

— Не только для неё.

Она пробежала взглядом список маршрутов. Москва-Товарная, Мытищи, Сокольники, Курская сортировочная, ветка к складам Наркомснаба. Напротив некоторых строк стояли карандашные отметки. Две были перечёркнуты.

— Сокольники, — сказала она.

— Что?

— Сегодня утром в деле были бланки, связанные с грузовыми отправлениями из Сокольников. Не тот же маршрут. Но серия в ведомостях шла через ту же товарную контору.

Левин наклонился вперёд.

— Номера помните?

— Не все. Последние две цифры у одной накладной — сорок семь. У другой — пятьдесят один. Печать была смазана. Я решила, что это след сырости.

— Вы оставили копии?

— В архивной папке. И черновые выписки у меня в портфеле.

— Портфель с вами?

— В приёмной.

— Принесите потом. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что я сначала должен понять, какие бумаги мог видеть задержанный.

— Он работал с накладными?

— Возможно, пользовался ими.

— Для чего?

— Чтобы перемещаться и перемещать то, что не должно было попасть в Москву.

Вера снова посмотрела на немецкий лист. В графе с грузом стояла аббревиатура, написанная от руки тёмными чернилами. Две буквы были зачёркнуты, третья вписана сверху. Рядом — штамп, похожий на те, которые она видела утром, но не такой же. Печать была слишком свежей. Бумага старой. Это несоответствие она заметила сразу.

— Печать поддельная, — сказала она.

— Почему?

— Краска не въелась. Лист лежал где-то долго, края сухие, бумага ломкая. А оттиск свежий. Его ставили недавно.

— Можете установить, где изготовили?

— Не по копии. Нужен оригинал и образцы.
— Оригинал пока не дадут.
— Тогда я могу сравнить шрифт, форму букв, номера серий, порядок заполнения. Проверить, кто имел доступ к утраченным бланкам. Это займёт время.

— До утра.

Вера подняла брови.

— До утра я могу составить предварительную справку. Полную проверку — нет.

— Предварительную. Только мне.

— Кому передавать, если вас не будет?

— Никому.

— Майор, это не порядок.

— Сегодня порядок не помогает.

Фраза прозвучала тихо. Левин тут же опустил глаза, будто хотел забрать её назад. Но Вера услышала. За все годы службы она видела людей, уверенных в порядке, как в несущей стене. Их можно было бояться, ненавидеть, уважать, но понять было легко. Левин принадлежал к ним. Он всегда знал, куда следует направить бумагу, кого вызвать, какую формулировку оставить в протоколе. Сейчас он сказал, что порядок не помогает.

Это беспокоило сильнее, чем выстрел.

— Как называется инфекция? — спросила она.

Левин медленно закрыл папку перед собой.

— В немецких бумагах встречается слово *Nachtrot*.

Вера повторила его про себя, стараясь не исказить произношение.

— *Nachtrot*.

— «Ночная смерть», — перевёл он.

— Красиво для лихорадки.

— Это не лихорадка.

— Тогда что?

— Я не знаю.

— Совсем?

— Я знаю, что заражённый человек сначала может выглядеть измождённым, дезориентированным, лихорадочным. Потом возникают судороги, спутанность речи, приступы агрессии. Нарушается память. Он перестаёт узнавать людей, может перестать понимать, где находится. Это не делает его мёртвым, Вера Андреевна. Это делает его тяжело больным и опасным.

Он произнёс последние слова особенно отчётливо, как выдержку из инструкции, которой ещё не существовало.

— Кто это установил? — спросила она.

— Врачи.

— Наши?

— И не только.

— Где документы?

— В работе.

— У вас на столе?

— Нет.

Она посмотрела на папки. Левин не шелохнулся.

— Задержанный что-то говорил перед смертью?

Вопрос вышел сам. Вера не знала, почему задала его. Может быть, потому что такая история не складывалась без слов, которые потом приходится разбирать по частям. Может быть, потому что в её работе человек с поддельными документами и немецкой накладной не превращался в угрозу без причины.

Левин взял папиросу, но не закурил.

— Он говорил много бессмысленного.

— Что именно?

— Обрывки немецких слов. Фамилии. Названия.

— Какие названия?

— Это сейчас не имеет отношения к вашему заданию.

— Вы не похожи на человека, который вызывает меня ночью из-за бессмысленного.

Он посмотрел на неё долго, без раздражения. Лицо у него оставалось спокойным. Только рука с папиросой застыла над пепельницей.

— Послушайте, — сказал он. — Я не буду вам лгать. Я не рассказываю всего. Но не потому, что считаю вас неспособной понять. И не потому, что хочу использовать вас вслепую. Есть сведения, которые пока нельзя проверить. Если я передам их вам сейчас, вы начнёте строить версии. А версии в таких делах иногда убивают быстрее фактов.

— Удобная формулировка.

— Не спорю.

— И всё же вы хотите, чтобы я работала.

— Я хочу, чтобы вы сравнили документы. Нашли связь, если она есть. И ничего больше.

— А если связь есть?

— Позвоните мне.

— Ночью?

— В любое время.

— А если вы не возьмёте трубку?

— Позвоните секретарю и скажите: «по сорок седьмой серии». Он поймёт.

Вера запомнила. Это было странно: секретарь, который дрожал над бумагами в приёмной, теперь становился частью какого-то условного порядка. Она не спросила, почему именно сорок седьмая серия. Вопросов и без того становилось слишком много.

— Вы хотите, чтобы я поехала в архив сейчас? — уточнила она.

— Нет.

— В управление к станции?

— Нет.

— Тогда что именно я должна сделать до утра?

Левин достал из папки один лист, чистый с обратной стороны, и подвинул к ней.

— Дома, по своим выпискам, восстановите номера пропавших бланков. Отдельно — фамилии тех, кто имел доступ к шкафу. Сравните с этим списком маршрутов. Если найдёте совпадение по серии, по станции, по печати — отмечайте. Никуда не ездите. Никому не звоните, кроме меня.

— Даже если увижу прямую связь?

— Особенно тогда.

— Это приказ?

— Да.

Вера кивнула. Приказ был яснее просьбы, даже если оставался раздражающим.

Она собрала листы в конверт, но Левин положил ладонь сверху.

— Фотографию оставьте.

— Почему?

— Она не нужна для проверки.

— Зато она может понадобиться, если я увижу его фамилию в старых бумагах.

— Не понадобится.

Вера задержала пальцы на краю снимка. Потом убрала руку.

— Хорошо.

Левин спрятал фотографию в ящик и повернул ключ. Вера отметила движение. Не из подозрительности — привычка. В их службе человек, закрывающий бумагу на ключ во время разговора, всегда сообщает больше, чем ему кажется.

— Ещё одно, — сказал Левин.

Он поднялся, обошёл стол и подошёл к шкафу. Там, за стопкой служебных бланков, лежал плотный конверт из серой бумаги, заклеенный красной полосой. На нём не было ни адреса, ни грифа, только номер, написанный от руки чёрными чернилами.

Левин держал его секунду, прежде чем протянуть ей.

— Возьмите.

Вера не сразу взяла конверт.

— Что это?

— Закрытое распоряжение.

— По делу?

— Отчасти.

— Очень содержательно.

— Откроете после выхода из здания.

— Почему не здесь?

— Потому что здесь вы начнёте спорить.

— А на улице, по-вашему, не начну?

— На улице вы хотя бы пойдёте домой.

Она взяла конверт. Бумага была тёплой от его пальцев. Печать на клапане стояла ровно, слишком свежо блестя красным воском.

— Что за распоряжение? — спросила она.

— Возможные ограничительные меры в городе.

— Какие?

— Санитарные кордоны. Проверки на транспорте. Временное закрытие отдельных районов. Ограничение выезда.

— Из-за одного задержанного?

— Из-за того, что мы не знаем, был ли он один.

— А если был?

— Тогда это окажется излишней предосторожностью.

— Вы в это верите?

Левин не ответил.

Вера сунула конверт во внутренний карман пальто. Он лёг плоско и тяжело, как тонкая металлическая пластина.

— Сегодня домой идите сразу, — сказал Левин.

Она взглянула на часы. Вечер давно перевалил за тот час, когда можно было успеть к матери с нормальным хлебом из булочной. В желудке неприятно свело от голода. Запах хлорки, табака и застоявшегося чая вдруг стал слишком плотным. Вера подавила подступившую тошноту и решила, что это от духоты.

— Я и собиралась домой, — сказала она.

— Не задерживайтесь по дороге.

— У меня нет привычки гулять по городу после срочного вызова.

— Не заходите в магазины. Не пользуйтесь телефонными будками без необходимости.

Если вам позвонят с неизвестного номера, не сообщайте адрес.

Теперь она выпрямилась.

— Почему?

— Потому что в городе может начаться путаница.

— В городе всегда есть путаница. Это не повод скрывать адрес.

— Сделайте, как я сказал.

— Это тоже приказ?

— Да.

— На каком основании?

Он посмотрел на конверт в её кармане.

— Основание там.

— Там, вероятно, будет список вещей и пункт сбора. Я спрашиваю о причине.

Левин провёл ладонью по лицу. На секунду в нём проступила такая усталость, что Вера почти пожалела о нажиме. Почти.

— Причина в том, что у нас есть заражённый человек, неизвестный маршрут его прибытия и документы, которые могли использоваться в Москве. Этого достаточно, чтобы вы были осторожны.

— Вы же сами сказали: инфекция не передаётся по воздуху.

— Я сказал, что по имеющимся данным воздух не является основным путём передачи.

— Значит, дело не только в инфекции.

Он помолчал.

— Сейчас важнее другое.

— Для вас, возможно. Для меня важно понимать, почему мне велят не отвечать на телефонные звонки.

— Потому что я прошу вас поберечь себя.

— Это не объяснение.

— Нет.

Вера почувствовала, как раздражение снова возвращается, теперь уже без холода. Не громкое, не показное. Ей не хотелось повышать голос. Ей хотелось, чтобы Левин перестал смотреть на неё так, будто она стояла у края чего-то, чего не видела.

— Вы говорите со мной как с гражданской, — сказала она.

— Я говорю с вами как с человеком, за которого отвечаю.

— По службе?

Он задержал взгляд.

— По службе тоже.

Последнее слово прозвучало лишним. Левин понял это раньше неё. Он отвернулся к окну и прикрыл форточку. За стеклом на чёрном фоне медленно летел мокрый снег.

— Мать не оставляйте одну, — сказал он.

Вера молчала.

— Что вы сказали?

Он повернулся.

— Сегодня ночью и ближайшие дни. Не оставляйте её одну.

— Почему именно мать?

— Потому что она ваша семья.

— У половины управления есть семьи.

— Я знаю.

— Это не ответ, майор.

— Другого у меня сейчас нет.

Она смотрела на него, пытаясь понять, что именно изменилось. Не в нём вообще — в их разговоре. Левин не был человеком, склонным к семейным наставлениям. Он мог спросить, есть ли у сотрудника родственники в районе проверки. Мог распорядиться обеспечить пропуск, если начиналось оцепление. Но никогда не говорил: не оставляйте мать одну. Тем более таким голосом.

— Вы знаете что-то о ней? — спросила Вера.

— Нет.

Ответ был слишком быстрым. Не ложь в чистом виде, скорее дверь, закрытая перед лицом.

— Её кто-то искал?

— Нет.

— Её адрес есть в ваших материалах?

— Нет.

— Тогда почему вы вписали её в распоряжение?

Левин медленно вдохнул. Не глубоко, не заметно, но Вера увидела.

— Откройте конверт после выхода, — сказал он. — Идите домой.

— Я не закончила разговор.

— Я тоже.

— Тогда закончите.

Он подошёл к столу, взял телефонную трубку и положил рядом, не набирая номера.

— Я не могу.

— Не можете или не хотите?

— В данный момент это одно и то же.

Вера поднялась. Она не хлопнула ладонью по столу, не бросила конверт, не сказала ничего, что потом пришлось бы объяснять в рапорте. Но стул сдвинулся по полу громче, чем следовало.

— Хорошо, — сказала она. — Я выполню распоряжение. Проверю бумаги. Позвоню вам при совпадении. Но если выяснится, что вы использовали меня в деле, о котором не считаете нужным сообщить даже необходимое, я задам вопросы уже не как подчинённая.

— Это ваше право.

— Нет. Это моя работа.

— Да, — ответил Левин. — Именно поэтому я вас и вызвал.

Она взялась за дверную ручку.

— Лейтенант, — остановил он.

Вера обернулась.

Левин стоял у стола. Свет лампы резал его лицо пополам: одна щека была жёлтой от электричества, другая уходила в тень. Манжета с тёмной точкой виднелась из-под рукава пиджака.

— Если по дороге домой увидите оцепление, санитарный пост или незнакомых людей у дома, не подходите. Найдите ближайший служебный телефон. Назовите свою фамилию и попросите соединить со мной.

— Вы ожидаете санитарный пост у моего дома?

— Нет.

— Незнакомых людей?

— Нет.

— Тогда зачем говорить?

— Потому что я не хочу, чтобы вы решили, что обязаны разбираться со всем сами.

Вера кивнула. На это у неё не нашлось сухого ответа.

Она вышла в приёмную.

Секретарь сидел неподвижно, прижав трубку к уху. Увидев её, он накрыл микрофон ладонью.

— Ваш портфель, лейтенант.

Портфель стоял у ножки его стола. На коже блестели капли растаявшего снега. Вера взяла его, проверила застёжки. Всё было на месте: блокнот, карандаш, утренние выписки, копия акта, кошелек, сложенные перчатки. Она достала блокнот, быстро перелистала до нужной страницы.

Серия бланков. Номера. Фамилия кладовщика. Станция. Её почерк был ровным, но одна строка внизу оказалась размазана мокрым пальцем. Вера не помнила, когда это произошло.

— Товарищ Левин сказал, что мне нельзя никому сообщать о вызове? — спросила она.

Секретарь отвёл глаза от неё, но трубку не опустил.

— Товарищ майор сказал, что вам следует ехать домой.

— Ясно.

— Лейтенант...

Она посмотрела.

Он убрал руку с микрофона.

— Не ходите через главный выход. У служебного быстрее будет.

— Почему?

— Там... меньше людей.

Это прозвучало почти по-человечески. Вера хотела спросить, что он видел или слышал, но телефон у него в руке снова ожил. Он вздрогнул, хотя звонка не было — в трубке просто заговорили громче.

— Понятно, — сказал он кому-то. — Да. Передам.

Вера пошла к лестнице.

Коридор изменился за те двадцать минут, что она провела у Левина. У двери в нижний сектор теперь стояли двое вооружённых сотрудников. Поверх обычных кителей на них были белые халаты, завязанные криво и поспешно. Дверь опечатали двумя полосами бумаги. Красные сургучные капли ещё не застыли до конца.

На стене рядом висел телефон. Его провод был перерезан, концы замотаны изолентой.

Из-за двери донёсся глухой стук. Один раз. Потом второй.

Охранник справа сразу повернул голову.

— Там кто-то есть? — спросила Вера.

— Проходите, лейтенант.

— Я спросила.

— Ведутся работы.

— Какие?

Он посмотрел на второго охранника. Тот ответил вместо него:

— Карантинные.

Слово опять прозвучало неестественно. Оно не принадлежало этому коридору, его коврам, папкам, телефонным аппаратам. Оно относилось к больницам, портам, вагонным депо, баракам на окраине. Здесь ему было тесно.

Вера прошла дальше.

Навстречу двигалась санитарная группа. Трое в халатах, двое с ящиками, женщина в тёмной форме и белой марлевой повязке на лице. Она несла стеклянный контейнер, завернутый в полотенце. Контейнер осторожно качался в её руках. Вера успела увидеть внутри мутную жидкость и длинную тёмную полоску, плавающую у стенки. Женщина тут же прикрыла стекло ладонью.

— Не здесь, — бросил ей мужчина с ящиком.

— Я вижу.

— Тогда быстрее.

Они ушли к служебному крылу.

За открытой дверью одного из кабинетов двое мужчин спорили вполголоса. Один был в медицинском халате, другой — в форме капитана.

— Я не подпишу, пока не будет заключения, — сказал врач.

— Заключение напишете потом.

— Потом у вас будет два трупа и пустой журнал наблюдения.

— Выбирайте выражения.

— Я выбираю перчатки. А вы выбирайте людей, которые туда пойдут.

Вера не стала замедлять шаг. Капитан заметил её, шагнул к двери и захлопнул её перед самым её плечом.

Дальше у лестницы стоял дежурный, тот самый, что приводил её наверх. Он держал в руках лист с машинописным текстом и перечёркивал строки синим карандашом. На полу рядом с ним стояла металлическая урна, заполненная обрывками бумаг.

— Служебный выход? — спросила Вера.

Он указал вниз.

— Через двор и налево.

— Внизу можно пройти?

— По правому коридору.

— А левый?

— Закрыт.

— Карантин?

Он посмотрел на неё устало.

— Да.

— Кто пострадал?

Он покачал головой.

— Не знаю.

Вера не поверила. Но он не выглядел человеком, который способен скрывать многое. Скорее человеком, которому сказали не знать.

Снизу снова донёсся звонок телефона. Не обычный, короткий служебный. Аппарат трезвонил настойчиво, без пауз. Потом второй телефон ответил ему с другого этажа. Почти сразу третий.

Дежурный поднял голову.

— Что-нибудь ещё, лейтенант?

— Нет.

— Тогда идите.

Вера спустилась.

Служебный коридор был уже без ковров. Серый линолеум блестел от воды. У стен стояли ведра с раствором, сложенные в ящики марлевые повязки, рулоны бумаги. В одном углу лежали свёрнутые брезентовые халаты. На полу темнели отпечатки подошв, а поверх них — следы резиновых сапог.

Она дошла до двери во двор и остановилась.

За стеклом, в жёлтом свете лампы, двигались фигуры. Два грузовика стояли у заднего входа. Один был санитарный, с закрытым кузовом. Другой — обычная полупортка, на борту которой белела надпись, замазанная грязью. Водитель курил, отвернувшись от ветра. У ворот дежурили двое с винтовками.

Кто-то сказал за дверью:

— Сокольники перекрывать не будут, пока нет приказа.

Другой голос ответил:

— А товарную ветку?

— Сначала проверят составы.

— Чем проверят? У нас три врача на весь район.

— Мне всё равно, сколько у вас врачей. Мне нужен список.

— Вам нужен список, а у меня люди без перчаток.

Голоса отдалились.

Вера взялась за ручку. Металл был ледяной.

Снаружи ударил мокрый снег и городской шум, настолько привычный, что она на секунду застыла. Трамвай звякнул на повороте. На улице, за оградой, шли люди: кто-то торопился домой, кто-то ещё нёс свёрнутый красный флажок после праздничной демонстрации, двое подростков смеялись, прикрывая головы газетой. Издалека, со стороны площади, доносился марш — медный, бодрый, немного фальшивый от расстояния.

Москва продолжала праздновать.

Вера прошла через двор, показывая пропуск у ворот. Караульный глянул на её удостоверение и на конверт, угол которого виднелся из кармана пальто.

— Вам лучше к трамваю, товарищ лейтенант, — сказал он. — Переулок у главного входа перекрывают.

— Почему?

— Приказ.

— Какой?

— Не знаю.

Он отвернулся к улице.

На тротуаре Вера остановилась под тусклым фонарём. Снег ложился ей на плечи и тут же таял. Рука в перчатке нащупала конверт. Левин велел открыть его после выхода из здания. Формально она уже вышла. Формально — это тоже была часть порядка, которому он сам только что перестал доверять.

Она надломил сургуч.

Внутри оказался один лист, отпечатанный на тонкой серой бумаге, и маленький вкладыш с пропуском. Текст был коротким, без объяснений.

«В случае объявления тревоги сотруднику надлежит незамедлительно явиться на станцию сбора 42. Иметь при себе удостоверение личности, тёплые вещи, аптечку, запас продовольствия на двое суток. Разрешается сопровождение одного близкого родственника».

Ниже, под машинописной строкой, от руки было вписано:

«Сопровождающее лицо: Мария Ильинична Соколова».

Вера перечитала фамилию дважды.

Чернила ещё не успели окончательно потускнеть. Строку написали не в типографии, не в канцелярии недели назад. Её вписали сегодня. Возможно, несколько часов назад. До того, как она вошла в кабинет. До того, как спросила, почему нельзя оставлять мать одну.

Трамвай снова звякнул, открывая двери на остановке. Люди заходили внутрь, стряхивая с шапок снег. Кондуктор махала рукой, торопя оставшего мужчину с портфелем.

Вера сложила распоряжение вчетверо и убрала во внутренний карман. Рядом лежал немецкий конверт с маршрутами, выписками и сериями пропавших бланков.

До дома можно было добраться меньше чем за полчаса.

Она пошла к трамваю быстро, не оглядываясь. Впервые за весь вечер ей показалось, что и получаса может не быть.

Глава 3

Из ворот Лубянки Вера вышла без спешки, хотя приказ ехать домой сразу ещё стоял в ушах сухим, почти раздражённым голосом майора Левина. Она прошла несколько шагов по тротуару, остановилась у чугунной тумбы и поправила перчатку. На самом деле ей нужно было лишь убедиться, что конверт на месте.

Он лежал во внутреннем кармане шинели, плоский, плотный, с печатью в углу. Вера уже проверяла его в машине, потом у лестницы, потом в коридоре перед выходом. Теперь пальцы опять нащупали шероховатый край бумаги.

Глупость.

Она убрала руку и пошла к площади.

Праздничная Москва к ночи размокла и устала. Красные флаги, которые днём тянулись над улицами ровными полотнищами, теперь обвисли, тяжело прилипли к древкам. Мокрый снег летел не сверху, а сбоку, мелкой холодной крупой. На мостовой темнели лужи, в которых дрожали жёлтые окна и редкие огни машин.

Из громкоговорителя у дома напротив ещё доносился марш — не весь, а отдельные медные фразы, будто радиоточка устала раньше музыкантов. У магазина на углу расходилась последняя очередь. Женщина в пуховом платке прижимала к груди буханку, завернутую в газету, и спорила с продавщицей через закрывающуюся дверь. Двое подростков тащили длинную палку с бумажным флажком; флажок размок, надорвался и волочился по снегу.

Вера свернула к остановке.

Трамвай пришёл не тот, который ей был нужен, потом ещё один — пустой почти наполовину, с запотевшими стёклами. Она вошла, сняла перчатку, чтобы достать мелочь, и тут же почувствовала запах мокрой шерсти, табака, железа и старой обивки. От него неприятно повело под ложечкой.

Наверное, с утра ничего толком не ела.

Она села у окна, не прислоняясь к спинке. Напротив старик в шляпе дремал, уронив подбородок на грудь. Молодая женщина в тёмном пальто держала на коленях уснувшего ребёнка и смотрела на его лицо с таким вниманием, будто боялась, что он перестанет дышать. Вера отвела взгляд.

Трамвай дёрнулся, пошёл, заскрежетал на повороте.

На следующей улице движение вдруг остановили. Впереди, у перекрёстка, стоял милиционер в мокрой шинели и разговаривал с водителем санитарной машины. Машина была без sireны, сероватая от снега, с красным крестом на боку. Дверцы её были закрыты. Рядом, под козырьком булочной, толпились несколько человек; никто не кричал, но все смотрели в одну сторону — туда, где переулок перегородили переносным барьером.

Кондукторша высунулась из кабины.

— Чего там?

— Да кто их разберёт, — ответил кто-то с задней площадки. — Драка, говорят.

— Праздник без драки не праздник, — буркнул старик в шляпе, не открывая глаз.

Трамвай простоял минуты три, потом его пустили в обход. Вера смотрела, как переулок исчезает за запотевшим стеклом, и думала не о драке.

«Не оставляйте мать одну».

Слова Левина были сказаны без мягкости. Он не просил, не советовал. Почти приказал — и этим выдал больше, чем хотел. Вера знала этот тон. Им пользовались, когда в распоряжении оставалось что-то, чего нельзя было вписать даже под грифом.

Её злило не то, что Левин распорядился собрать документы и вещи. За последние годы она привыкла к внезапным вызовам, закрытым папкам, ночным поездкам и словам, которые означали ровно половину того, что произносились. Злило другое.

В конверте уже было имя матери.

Мария Ильинична Соколова.

Не «в случае необходимости». Не «сопровождающее лицо по усмотрению». Уже вписана. Уже отмечена. Кто-то заранее решил, что Вера не поедет одна.

Она стиснула пальцы в кармане шинели.

Трамвай звякнул на остановке, и Вера вышла раньше, чем нужно было. Пройти пешком было проще, чем снова сидеть среди людей и слушать, как они кашляют, шепчутся, возятся с мокрыми шарфами.

Во дворах темнели арки. С карнизов падала вода. Дворник в брезентовой накидке сгребал у подъезда серый снег в рыхлую кучу, и лопата скребла по камню размеренно, почти зло. У стены стояли детские санки без верёвки, занесённые мокрой кашей.

Вера подняла воротник и пошла быстрее.

Дом встретил её привычным запахом: капустой, сырым бельём, табаком, хозяйственным мылом. Длинный коридор был освещён одной тусклой лампочкой под жестяным плафоном. На верёвке, натянутой от двери уборной к окну, висели простыни и чьи-то мужские кальсоны. С них капало на протёртые доски. У батареи стоял таз, полный сероватой воды, а рядом лежали детские валенки, набитые газетой.

Из общей кухни доносились голоса и шипение примуса.

Вера ещё не успела снять мокрые калоши, как дверь кухни приоткрылась. В проёме показалась Анна Сергеевна, соседка из комнаты напротив, сухая пожилая женщина с аккуратным пучком и вечной шерстяной кофтой поверх платья.

— Верочка, это ты? — спросила она и тут же заметила форму. — Слава богу. А то тут такого наговорили.

— Добрый вечер, Анна Сергеевна.

— Какой там вечер. Ты слышала? У Сокольников санитарные машины, у трамвайного кольца милиция. Говорят, людей из лавки выводили.

На кухне кто-то кашлянул.

— Не из лавки, а из пивной, — отозвался мужской голос. — Петрович с работы ехал, сам видел. Один пьяный морду кондуктору разбил, вот и вся санитария.

Вера стянула перчатки, положила их на тумбу у двери.

— Не знаю, что там было.

Анна Сергеевна поджала губы.

— А у тебя на службе ничего не говорят?

— Если бы говорили, я всё равно не обсуждала бы это на кухне.

Сказала без резкости, но соседка сразу отступила на полшага. Вера пожалела об этом. Анна Сергеевна была не любопытной по злобе. Просто жила в квартире, где чужие шаги, чужие болезни и чужие похороны всегда касались всех.

Из кухни выглянул Григорий Павлович, слесарь, широкоплечий, в майке и старых брюках. Он держал в руке кружку.

— Да мы не к тебе с протоколом, товарищ лейтенант. Просто трамваи сегодня будто с цепи сорвались. Стояли на каждом углу. Я к дому полтора часа добирался.

— Закройте окно, Григорий Павлович, — сказала Вера. — Простыня уже мокрая.

Он обернулся. Окно над раковиной и правда было приоткрыто, в него затягивало снежную крупу. Григорий Павлович молча закрыл форточку, потом покосился на неё внимательнее.

— У вас, что ли, в районе тоже машины санитарные были?

— Я сказала: не знаю.

— Ладно, ладно.

За стеной радиоточка вдруг захрипела, марш оборвался на середине такта. Несколько секунд слышался только треск, затем диктор ровным, уставшим голосом произнёс что-то о завершении праздничных мероприятий и необходимости соблюдать общественный порядок. После этого снова заиграла музыка — уже тише.

Из комнаты в конце коридора донёсся голос матери:

— Вера?

Она не повысила его, но Вера сразу услышала, что мать стояла в дверях и ждала.

— Я здесь.

Мария Ильинична появилась в коридоре, придерживая ладонью край халата. Волосы у неё были собраны на затылке небрежнее обычного, на щеке остался след от очков. Она, видно, только что читала или штопала: на пальце блестела тонкая нитка.

— Сними калоши, — сказала она вместо приветствия. — Ты весь пол зальёшь.

— Уже сняла.

— Тогда иди.

Вера вошла в их комнату и прикрыла за собой дверь.

Здесь было теплее, чем в коридоре. На окне стоял горшок с вытянувшейся геранью; листья у неё по краям побурели от холода. Под абажуром горела лампа, жёлтый свет ложился на стол, на швейную машинку, накрытую старым полотенцем, на две кружки. На тахте лежал сложенный плед. В углу, у шкафа, стоял старый дорожный саквояж с потёртыми кожаными углами, тот самый, который Мария не выбрасывала с войны и время от времени протирала тряпкой, хотя пользовалась им редко.

На стене висела фотография в узкой тёмной рамке. Вера не посмотрела на неё сразу. Она знала, что посмотрит потом, когда будет собирать документы и руки сами потянутся к полке под снимком.

— Пальто снимай, — сказала мать. — И сапоги. Ты в них, похоже, пол-Москвы прошла.

— Трамвай стоял.

— Трамвай всегда стоит, когда ты приходишь позже девяти. Шарф мокрый. Повернись.

Вера послушно повернулась. Мария ловко размотала у неё шарф, потянула за край шинели.

— Руки ледяные. На кухне чайник уже шумит. Суп я подогрела.

— Не хочется.

Мария замерла на секунду. Потом сняла с дочери шинель, повесила на спинку стула и сказала тем же деловым голосом:

— Значит, съешь без желания.

— Мама.

— Не начинай. Я тебя не спрашиваю, хочется тебе или нет. Я вижу, что ты с утра не ела.

Вера хотела ответить привычной сухой шуткой, но слова не пришли. Она села на край стула, сняла сапоги. В носках сразу стало холодно. Мария подтащила к ней старую тряпку.

— Поставь туда. И не на коврик, он не железный.

Она говорила быстро, занятая руками: расправляла мокрый шарф, ставила сапоги к батарее, снимала с Веры перчатки. Вера смотрела на неё и вдруг ясно увидела, как нелепо звучали слова Левина. «Не оставляйте мать одну». Будто Мария была человеком, которого можно оставить у окна с вязанием и стаканом воды. Будто она не перевязывала раненых в землянке при коптилке, не таскала носилки, не спала по два часа и не умела отличить обычную усталость от того состояния, когда человек молчит, потому что внутри уже всё собрано в тугой узел.

Мария поставила перед ней тарелку супа, хлеб и маленькую солонку.

— Ешь.

Вера взяла ложку. Суп был с перловкой, картошкой и капустой, не густой, но горячий. Она проглотила первую ложку и поняла, что голодна до дрожи.

Мать села напротив, не притронувшись к своей кружке.

— Где задержали?

— На работе.

— Вижу.

— Что именно?

— Что это не обычная задержка.

Вера продолжала есть. Ложка стукнула о край тарелки.

— Почему ты решила?

— Потому что ты вошла и сразу проверила дверь. Потом карман. Потом окно. Потому что ты сидишь в мокрых носках и ешь так, как едят люди, которым приказали не тратить времени. Хочешь соврать — соври. Только не делай вид, что я слепая.

Вера подняла глаза.

Мария не смотрела укоризненно. В её лице не было ни любопытства, ни обиды. Только усталое ожидание. Она знала: если дочь могла говорить — скажет. Если не могла — не вытащит из неё силой. Но врать при ней было тяжелее, чем на служебном допросе.

— Было происшествие, — сказала Вера.

— Где?

— На Лубянке.

Мария кивнула, очень медленно.

— Ты была рядом?

— Да.

— Кровь?

— Видела.

— На тебе есть?

— Нет.

— Ты кого-нибудь трогала?

— Нет.

— Тебя трогали?

— Нет.

Вопросы звучали спокойно, почти буднично. Но Вера заметила, что мать перестала двигать пальцами. Нитка, которую она так и не сняла с указательного пальца, натянулась между фалангами.

— Порезы есть? — спросила Мария.

— Нет.

— Руки покажи.

— Мама, я не ребёнок.

— Руки покажи.

Вера протянула ладони. Мария внимательно осмотрела их, перевернула, посмотрела на запястья, на ногти. Потом взглянула на ссадину у большого пальца.

— Это что?

— Бумага. Днём.

— Чисто?

— Чисто.

Мария отпустила её руку.

— Хорошо.

Она сказала это так тихо, что Вера почувствовала, как раздражение, державшееся весь вечер, вдруг осело. Не исчезло — просто ушло глубже.

— Что за происшествие? — спросила мать.

— Не могу сказать.

— Понятно.

— Но нужно собраться.

Мария посмотрела на неё прямо.

Вера достала конверт. Печать на нём бросалась в глаза, хотя в комнате никого, кроме них, не было. Она положила его на стол между кружкой и хлебницей, не открывая.

— Может быть тревога. Нам надо быть готовыми уйти ночью или до рассвета.

— Куда?

— На станцию сбора.

— Какую?

— Сорок вторую.

Мария потянулась к конверту.

Вера накрыла его ладонью.

— Там служебные бумаги.

— Я не собираюсь читать твои бумаги. Я спросила, куда ты меня ведёшь.

— Я сама не знаю, куда дальше.

— А кто знает?

— Майор Левин.

— Тот, который никогда не бывает у тебя дома и которого ты никогда не называешь без звания?

— Он.

Мария чуть откинулась на спинку стула. Потом кивнула на конверт.

— Моё имя там есть?

Вера не ответила сразу.

Этого было достаточно.

Мария опустила взгляд на стол. Чайник на кухне засвистел коротко и резко. Кто-то из соседей выругался, потом послышались быстрые шаги, скрипнула дверь.

— Есть, — сказала Вера.

— Уже вписано?

— Да.

— Почему?

Вера держала ладонь на конверте. Ей хотелось ответить хоть чем-нибудь определённым. Сказать, что это обычная мера. Что на станции будут семьи сотрудников. Что в бумаге ошибка. Что Левин перестраховывается. Но на Лубянке она слишком хорошо увидела его лицо, когда он говорил о матери.

— Не знаю, — сказала она.

Мария подняла глаза.

На этот раз в них мелькнуло что-то похожее на страх. Не паника. Страх человека, который успел многое повидать и потому не тратит силы на неверные названия.

— Не знаешь или не можешь сказать?

— Не знаю.

Мария медленно кивнула.

— Тогда собираемся.

Она встала так резко, что стул царапнул пол. Взяла чайник, налила кипятка в кружку, потом вдруг поставила его обратно.

— Ты ешь. Я пока достану вещи.

— Я сама.

— Конечно, сама. Ты же у нас всё сама. Только сначала доешь суп, пока он тёплый.

Вера почти улыбнулась.

— Командуете?

— Нет. Навыки выживания передаю.

Мария подошла к шкафу, сняла с верхней полки стопку белья. За бельём оказалась жестяная коробка из-под печенья, перевязанная бечёвкой. Она поставила её на стол, затем достала из шкафа саквояж.

Саквояж был тяжёлый даже пустой. Его кожа потемнела у ручки, замок с одной стороны давно не защёлкивался до конца, и Мария всегда перевязывала его ремнём. Вера помнила его ещё с детства: он стоял то в коридоре, то под кроватью, то на верхней полке, пах пылью, лекарствами и чем-то сухим, аптечным.

— Ты его всё ещё хранишь, — сказала Вера.

— Хранила бы и дальше, если бы ты не пришла с лицом человека, которому велели взять мать и молчать.

— Я не так выгляжу.

— Так. С той разницей, что раньше ты ещё умела делать вид, будто не так.

Мария открыла саквояж. Внутри лежал свёрток с бинтами, плоская металлическая коробка, старая фляга, два полотенца, завернутые в чистую наволочку, и маленький блокнот в серой обложке.

— Ты это всё держала готовым? — спросила Вера.

— Не готовым. В порядке.

— Разница большая.

— Для тех, кто никогда не собирался за двадцать минут, — большая. Для остальных нет.

Она перебирала вещи быстро, без суеты. Отложила в сторону полотенца, проверила флягу, понюхала пробку. Достала из коробки пузырёк со спиртом, ещё один — с йодом, паке-тик таблеток, шприц в футляре, ножницы с тупыми концами, несколько перевязочных пакетов.

— Это старьё, — сказала Вера. — В поликлинике есть всё.

— В поликлинике есть всё, пока ты находишься в поликлинике.

— И куда ты собираешься с этим идти?

— Туда, куда ты меня поведёшь.

Вера не нашла, что ответить.

Мария развернула чистую тряпицу, положила в неё бинты и стала заворачивать плотнее.

— Если это заразное, — сказала она, не глядя на дочь, — надо знать каким путём.

— Мне не сообщили всего.

— Тогда спроси себя, почему тебя отправили домой не спать, а собирать аптечку.

— Я уже спросила.

— И?

— Ответа нет.

Мария затянула узел.

— Было что-то с людьми?

Вера смотрела на пар над тарелкой. В памяти опять поднялся запах хлорки, резкий и чистый, пороховой дым, кровь на полу, чужой голос за закрытой дверью. Она видела многое по службе, но то, что случилось в нижнем секторе, не укладывалось ни в одну привычную папку.

— Да, — ответила она.

— Они были в сознании?

— Не знаю.

Мария остановилась.

— Ты же была там.

— Я видела недолго.

— Они говорили?

— Один не мог.

Это была почти правда. Вера положила ложку.

— Мама, мне сказали, что надо избегать крови. И не подпускать никого близко, если человек ведёт себя странно. Это всё.

Мария кивнула ещё раз, теперь уже без вопросов. Её лицо стало другим — собранным, жёстким по линии рта.

— Тогда слушай меня. Не трогай чужие повязки голыми руками. Не лезь помогать, пока не понимаешь, что происходит. Если у тебя треснула кожа, заклей. И если я скажу тебе отойти, ты отойдёшь.

— Я лейтенант МГБ.

— А я женщина, которая слишком много раз видела, как должности умирают от глупости.

Вера взглянула на неё.

Мария выпрямилась, будто ждала возражения. Но Вера только сказала:

— Хорошо.

Это «хорошо» прозвучало непривычно. Мать заметила. На секунду её брови дрогнули, затем она снова занялась саквояжем.

Вера доела суп, вытерла губы салфеткой и встала.

— Документы я соберу.

— Твои — собирай. Мои в коробке.

— В какой?

— В той, которую ты двадцать лет называешь ненужным хламом.

— Я так не говорила.

— Говорила. В семнадцать лет. Не дословно, конечно, тогда у тебя был более богатый словарь.

Вера открыла жестяную коробку. Там лежали паспорта в бумажной обложке, свидетельства, несколько квитанций, сберегательная книжка, свёрнутые деньги, завернутые в старую медицинскую ведомость. Под ними — фотография, тонкая, с белой каймой.

Она машинально взяла её.

На снимке мать была моложе, в светлой платке, с упрямо сжатыми губами. Рядом стоял отец Веры, худой, в тёмной гимнастёрке без знаков различия. Вера на фотографии сидела у него на руках, маленькая, сердитая, с огромным бантом, который съехал набок.

— Возьми, — сказала Мария.

— Зачем?

— Потому что потом забудем.

— Фотография не документ.

— Я знаю.

Вера посмотрела на отца. Его лицо на снимке было неясным от времени, но глаза читались хорошо. Ей вдруг захотелось спросить что-нибудь простое, детское: помнил ли он, как завязывать ей бант, что говорил, когда фотограф щёлкнул аппаратом, почему мать выбрала именно эту карточку из всех. Но она не спросила.

Мария, не оборачиваясь, сказала:

— Он бы сказал, что ты слишком много думаешь.

— И был бы прав?

— Нет. Он бы вообще редко был прав, если бы спорил с тобой.

Вера положила фотографию в карман саквояжа, между паспортом и свёртком бинтов.

— Ты его защищаешь.

— Я никого не защищаю. Просто помню.

Пауза вышла короткой. В коридоре хлопнула дверь, за стеной ребёнок заплакал, кто-то приглушённо сказал: «Температура опять поднялась». Потом женский голос ответил: «Да не накручивай себя, простыл на улице».

Мария и Вера одновременно посмотрели на дверь.

— Соседский мальчишка? — спросила Вера.

— Наверное, Мишка из шестой. Днём с санками во дворе был, весь мокрый.

— Обычная простуда.

— Может быть.

Мария сказала это ровно, но стала быстрее складывать вещи.

Вера достала из шкафа свой тёплый свитер, смену белья, шерстяные носки. Потом раскрыла нижний ящик стола. Там лежали записная книжка, карандаши, пачка писем, несколько чистых конвертов, служебное удостоверение в тёмной обложке.

Пистолет она хранила отдельно, в плоском кожаном чехле, завернутом в старый шарф. Она вынула его, проверила привычным движением, не задерживаясь на металле взглядом. К оружию полагались запасные патроны — немного, ровно столько, сколько ей выдавали. Она положила их в отдельный карман сумки.

Мария заметила.

— Это обязательно?

— Да.

— Тогда возьми к нему сухую тряпку. В снегу всё отсыреет.

— У меня есть кобура.

— Кобура — не чудо.

Вера послушалась. Взяла тряпицу, обернула рукоять осторожнее.

— Ты служебное удостоверение положила? — спросила Мария.

— Да.

— Денег сколько?

— Хватит.

— Это не ответ.

— Рублей сто двадцать.

— Мало.

— У меня ещё есть на книжке.

— На книжке ты их не достанешь посреди ночи. Возьми из коробки.

— Это твои деньги.

— У нас с тобой разные квартиры?

— Нет.

— Тогда не спорь.

Мария протянула ей свёрток. Вера взяла не всё, только часть.

— Остальное оставь.

— Почему?

— Потому что не знаю, сколько это продлится.

Мать посмотрела на неё внимательно.

— Значит, ты всё-таки думаешь, что знаешь.

— Я думаю, что лучше иметь деньги.

Мария не стала спорить. Она завернула остаток обратно и положила в саквояж.

За окном проехала машина. Свет фар на секунду полоснул по потолку, потом исчез. Во дворе хлопнули дверцы, кто-то быстро прошёл под окнами. Вера подошла к стеклу и отодвинула край занавески.

У арки стоял грузовой автомобиль с брезентовым кузовом. Рядом — санитарная машина, та самая серо-белая, какую она видела у перекрёстка. Двое мужчин в тёмных пальто разгова-

ривали с дворником. Один держал папку. Ни красных крестов, ни сирены, ни носилок видно не было.

— Что там? — спросила Мария.

— Машины.

— К кому?

— Не знаю.

Вера отпустила занавеску.

Она не хотела подходить к двери. Не хотела слышать, как соседи перешёптываются в коридоре. Но нельзя было сидеть в комнате, дожидаясь, пока любая тень за окном приобретёт смысл сама по себе.

— Я посмотрю.

— Я с тобой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты собираешь вещи.

— Вера.

— Мама, пожалуйста.

Мария помолчала. Потом сказала:

— Дверь не запирай изнутри на крючок.

Вера кивнула и вышла.

В коридоре было темнее, чем раньше. Лампочка под плафоном мигала, то гасла, то снова разгоралась тусклым жёлтым светом. Анна Сергеевна стояла у кухни с чашкой в руках. На лице её была растерянность, которую она пыталась прикрыть привычной строгостью.

— Во дворе кто-то заболел? — спросила Вера.

— Не знаю. Дворник заходил, спрашивал, не видели ли мы женщину в синем пальто. Представляешь? В праздник ушла и не вернулась. Может, к родственникам поехала, а тут машины гоняют.

Григорий Павлович стоял у окна, но форточку не открывал.

— Говорят, в доме через двор мужика скрутило, — сказал он. — Кусаться начал. Пьяный, наверно.

Анна Сергеевна резко повернулась к нему.

— Что значит — кусаться?

— А что значит? Пьяный. Люди и хуже делают.

— Ты сам видел?

— Нет. Дворник сказал.

Вера почувствовала, как напряглись плечи.

— Кто сказал?

— Семён наш. Он с милиционером говорил.

— Где Семён?

— Во дворе.

— Не выходите туда.

Григорий Павлович усмехнулся, но без веселья.

— Да мы и не собирались.

— И дверь держите закрытой.

— Ты что-то знаешь? — спросила Анна Сергеевна.

Вера посмотрела на её чашку, на тонкие пальцы, сжавшие фарфор.

— Я знаю только, что в такую погоду никому не нужно толпиться во дворе.

Она вернулась в комнату. Мать уже застёгивала саквояж ремнём.

— Что?

— Ничего ясного.

— А неясного?

— Кто-то во дворе. Санитарная машина.

Мария взяла со стола бинты и переложила их в наружный карман.

— Ты мне сказала, что крови не касалась.

— Не касалась.

— Я не про это. Я проверяю, что ты помнишь.

— Помню.

— Хорошо.

Вера сняла часы, посмотрела на циферблат. Было без малого одиннадцать. До рассвета оставалось много часов, но она уже не могла представить, что ляжет спать. Одежду она тоже не снимала: только переобулась в сухие ботинки, натянула шерстяные носки и снова застегнула ворот блузки.

Мария заметила.

— Сядь хотя бы.

— Не хочу.

— Устанешь.

— Потом.

— Потом бывает поздно, — сказала мать и тут же замолчала, будто сама пожалела о сказанном.

Вера опустилась на край тахты. Мария поставила перед ней кружку чая. В чай она бросила кусочек сахара, хотя обычно берегла.

— Ты себе налила?

— Налила.

— Тогда сядь.

Мария села рядом, не напротив. Их плечи не касались друг друга, но Вера чувствовала тепло от её рукава. Несколько минут они молчали. За стеной продолжала играть радиоточка, теперь тихо, с перебоями. На кухне кто-то передвигал кастрюлю. В уборную прошла Анна Сергеевна, шаркая тапками.

— Помнишь, как мы в Куйбышев собирались? — спросила Мария.

Вера повернула голову.

— Мне было шесть.

— Семь почти.

— Не помню.

— И хорошо. Ты тогда надела две шапки и решила, что тебя везут в цирк. Потому что я сказала: «Будешь ехать в вагоне». А вагон у тебя был только один — трамвайный.

— Ты мне не говорила.

— А что я должна была сказать? Что на вокзале давка, что билетов нет, что твой шарф потерялся, а я два дня не спала? Детям это не нужно.

— А теперь нужно?

Мария взяла кружку обеими руками.

— Теперь ты сама решаешь, что тебе нужно. Но одно скажу. Во время войны многие ждали бумагу с печатью. Правильную. Чтобы было написано, куда идти, что брать, кого слушать. А потом оказывалось, что бумага пришла, когда идти уже некуда.

— У нас есть бумага.

— Есть. Поэтому мы и собираемся.

— Тебе страшно?

Мария посмотрела на чай.

— Мне не нравится, когда ты задаёшь такие вопросы тихо. Значит, сама уже боишься.

— Я спрашиваю прямо.

— Тогда отвечаю прямо. Да. Но страх — это не причина сидеть.

Вера кивнула.

Мария поставила кружку и вдруг поправила ей воротник. Потом расправила шерстяной шарф, который Вера не успела убрать со стула.

— Не надо, — сказала Вера по привычке.

— Надо. На станции будет холодно.

— Ты не знаешь, где станция.

— На любой станции холодно.

Она завязала шарф туже, чем Вера любила. Вера хотела возразить, но не стала. Мать убрала выбившуюся прядь у неё со лба, задержала пальцы на секунду, потом отдёрнула руку и встала.

— Так. Еда.

— У нас есть хлеб.

— Хлеб — это не еда на дорогу. Где банка?

— Какая?

— С тушёнкой. Я её в августе купила и сказала тебе не трогать.

— Ты сказала: на случай гостей.

— Вот гости и пришли. Только без приглашения.

Она достала из буфета две банки, завернула их в полотенце, положила к хлебу. Добавила пачку сухарей, соль в бумажном пакетике, пару яблок, которые Вера считала слишком сморщенными для еды.

— Эти уже испортились.

— Эти ещё дойдут. Не учи меня яблокам.

— Не учу.

— Вот и хорошо.

Мария двигалась по комнате быстро, почти бесшумно. Вера наблюдала, как она решает, что взять, а что оставить. Не тянулась к вещам из жалости. Не складывала в сумку всё подряд. Взяла тёплую кофту, но не вторую. Взяла деньги, но не все. Взяла фотографию, но не толстый альбом. Взяла медицинские инструменты, хотя они утяжеляли саквояж.

— Ты надеешься работать там? — спросила Вера.

— Я надеюсь, что они не понадобятся.

— Это не ответ.

— Это ответ, который есть.

В коридоре зазвонил телефон.

Телефон стоял у Григория Павловича в комнате — чёрный, тяжёлый, с треснувшей трубкой. Им пользовались все жильцы, если звонили из учреждений или с дальних номеров. Обычно он звонил редко, и каждый раз в коридор выходили почти все. Сейчас звонок прозвучал особенно резко, прорезал комнату, кухню, мокрый коридор.

Один звонок.

Второй.

Третий.

Григорий Павлович открыл дверь раньше, чем Вера успела подняться. Его голос раздался из-за перегородки:

— Алло?

Вера стояла уже у стола. Мария схватила её за рукав.

— Не беги.

— Это могут быть с работы.

— Если с работы, позовут.

Звонок прекратился. Послышалось невнятное бормотание Григория Павловича, затем его шаги в коридоре. Он постучал в их дверь костяшками пальцев.

— Товарищ лейтенант? Вас.

Вера открыла.

Он держал трубку так, будто она была горячей.

— Сказали, срочно.

Она взяла телефон. Провод тянулся из комнаты соседа через приоткрытую дверь. Анна Сергеевна стояла у кухни, прижав ладонь к груди. Из дальней комнаты выглядывала женщина с ребёнком на руках.

— Соколова слушает.

В трубке щёлкнуло. Потом мужской голос, незнакомый, ровный и безличный, произнёс:

— Товарищ лейтенант Соколова?

— Да.

— Тревога объявлена. Сбор немедленно. Станция номер сорок два. Прибыть до рассвета.

Вера сжала трубку.

— Что происходит?

Пауза была короткая, но в ней она успела услышать далёкий треск линии и чей-то голос рядом с дежурным.

— Приказ майора Левина, — сказал мужчина. — Повторяю: выезжать немедленно. Сопровождающее лицо — Мария Ильинична Соколова. Не задерживаться.

— Каким маршрутом?

— Указания получите на месте.

— Там уже есть люди?

— Выполняйте приказ, товарищ лейтенант.

Связь оборвалась.

Вера ещё секунду держала трубку у уха. Потом медленно положила её на рычаг.

В коридоре никто не говорил. Даже Григорий Павлович молчал.

— С работы? — спросила Анна Сергеевна.

— Да.

— Ты уезжаешь?

Вера посмотрела на соседей. На мокрое бельё под потолком. На знакомые двери, облупленные у ручек. На таз у батареи. Всё это вдруг стало слишком отчётливым, как бывает перед тем, как выключают свет.

— Нам нужно ехать, — сказала она.

— Надолго? — спросила женщина с ребёнком.

— Не знаю.

Анна Сергеевна шагнула ближе.

— Верочка, там правда что-то заразное?

Вера могла сказать: нет. Могла сказать: не слушайте слухи. Могла уйти в комнату и запечататься. Но женщина с ребёнком смотрела на неё так, будто от одного слова зависело, открывать ли утром дверь, вести ли сына во двор, брать ли воду из общей кухни.

— Если кто-то в доме заболел резко, — сказала Вера, — не толпитесь вокруг. Вызовите врача. И не трогайте кровь голыми руками.

Григорий Павлович нахмурился.

— Это что за болезнь?

— Я не знаю.

— Но санитарные машины...

— Я не знаю.

Она повторила это твёрдо, чтобы не пришлось говорить больше.

Мария ждала в дверях комнаты. Саквояж стоял у её ног, застёгнутый и перевязанный ремнём. Рядом лежала Вериная сумка. Мать была уже в пальто, в шерстяном платке, который завязала под подбородком по-старому, плотно и удобно.

— Немедленно? — спросила она.

— Немедленно.

— До рассвета?

— Да.

Мария кивнула.

— Тогда берёшь сумку. Я — саквояж.

— Он тяжёлый.

— Я его носила и тяжелее.

— Я возьму.

— Вера.

В голосе матери не было повышения. Только предупреждение.

Вера выдохнула.

— Ладно. Но если станет тяжело — скажешь.

— Если станет тяжело, ты увидишь. Я не умею падать молча.

Она взяла саквояж. Вера подняла свою сумку, проверила ремень на плече, коснулась внутреннего кармана шинели. Конверт Левина был там. Удостоверение — там. Пистолет — на месте.

Мария оглядела комнату.

Лампа всё ещё горела под абажуром. На столе стояла недопитая кружка чая, рядом — тарелка с крошками. На батарее сушились Верины сапоги. Швейная машинка была накрыта полотенцем, на подоконнике герань тянулась к холодному стеклу.

— Сапоги, — сказала Мария.

— Оставим.

— Они мокрые.

— Возьмём потом, если вернёмся.

Мать не ответила. Только подошла к батарее, тронула один сапог пальцем, будто проверяя, успел ли он высохнуть. Потом отвернулась.

Вера погасила лампу.

Комната сразу стала меньше. Из коридора в неё падал бледный свет, ложился на шкаф, на край тахты, на рамку фотографии. Вера нащупала ключ на гвоздике у двери, сняла его.

Мария уже стояла на пороге.

— Всё? — спросила она.

Вера оглянулась ещё раз. Не потому, что хотела запомнить. Просто проверяла, не забыли ли они чего-нибудь важнее хлеба, денег, документов и бинтов.

Ничего не нашлось.

Она закрыла дверь, повернула ключ в замке и положила его во внутренний карман рядом с конвертом.

Глава 4

До трамвайной остановки они шли молча.

Ночь уже отступала, но утро не наступало: небо над крышами стояло низкое, серое, без единого просвета. Мокрый снег лип к воротникам, оседал на рукавах, таял на мостовой чёрной водой. На углу, где днём торговали папиросами и газетами, теперь стоял милицейский пост. Двое милиционеров в шинелях переговаривались с военным, уткнувшимся в планшет. За ними поперёк улицы темнел грузовик с натянутым брезентом.

Вера держала мать под локоть не потому, что Мария не могла идти сама. Та шла ровно, в тёплом пальто, в старом шерстяном платке, с медицинским саквояжем в одной руке и небольшим узлом в другой. Но на перекрёстках, где люди с чемоданами и тюками двигались в одну сторону, Вера не выпускала её.

У всех были одинаковые лица — не испуганные ещё, а сердитые и сонные. Люди не понимали, зачем их поднимали среди ночи, почему перекрыты улицы и почему на каждом втором грузовике сидели солдаты с винтовками.

У остановки толпились человек двадцать. Кто-то пытался закурить, прикрывая спичку ладонями. Женщина в каракулевой шапке ругалась с кондуктором:

— Я вам говорю: у меня отец лежащий. Куда я его ночью повезу? Куда?

— Мне приказано до кольца не ходить, гражданка. Дальше пешком.

— Приказано ему. А мне что приказано?

Старик в длинном пальто с прицепленной к лацкану медалью сказал, ни к кому не обращаясь:

— Учебная тревога. В сорок втором тоже начинали с учебных тревог.

— Тише ты, дед, — огрызнулся молодой мужчина с клеткой, накрытой старым полотенцем. Из-под полотенца донеслось слабое возмущённое чириканье. — Накличешь ещё.

— Не накликаю. Я говорю, как было.

Вера достала из внутреннего кармана конверт Левина. Бумага уже отсырела по краям, хотя она берегла её под шинелью. На конверте стоял красный штамп, подпись и номер, от которого у неё с вечера не уходило неприятное чувство: 42.

К трамваю подошёл серый служебный грузовик без опознавательных знаков. В кузове сидели люди: две женщины, мальчик лет десяти в отцовской ушанке, пожилая пара с одинаковыми фанерными чемоданами. Возле кабины стоял сержант внутренних войск.

— По предписаниям, — крикнул он. — Остальные не задерживайте проезд.

Вера показала конверт.

Сержант взял его, посмотрел на печать, потом быстро перевёл взгляд на её удостоверение. Лицо у него изменилось едва заметно. Он не стал спрашивать, откуда у лейтенанта МГБ такое направление и почему рядом с ней женщина с медицинским саквояжем.

— Садитесь. Обе. Быстро.

— Куда везёте? — спросила Вера.

— На сборный пункт.

— Это я вижу.

Сержант помедлил.

— Товарная площадка за северной веткой. Там скажут.

Мария поднялась в кузов без помощи. Вера села рядом, поставив сумку между коленями. Грузовик тронулся, тяжело перевалил через трамвайные рельсы.

Москва проплывала мимо сквозь мокрые брезентовые щели. Свет в окнах был редким. У булочной стояла короткая очередь — люди, очевидно, пришли за хлебом раньше времени и теперь озирались на проезжающие машины. У одного дома санитарный автомобиль перегородо-

дил подъезд. Двое в белых халатах грузили в него носилки, но с кузова нельзя было разглядеть, кто лежал на них.

На следующем перекрёстке солдаты отводили в сторону гражданских. Женщина в домашнем халате поверх пальто пыталась пробиться через оцепление, кричала, что там остался её муж. Её не били, не тащили грубо — просто держали за локти и повторяли одно и то же:

— Гражданка, там карантинный участок. Назад.

Слово «карантинный» пошло по кузову шёпотом.

— Вот видите, — сказала женщина с фанерным чемоданом. — Эпидемия.

— Какая ещё эпидемия? — буркнул её муж. — Проверка.

— Проверка с санитарями?

— Война будет, вот и вся проверка.

Мальчик в ушанке спросил:

— Мам, нас в Сибирь?

Его мать прижала его к себе.

— Не слушай.

Мария сидела неподвижно, глядя в щель брезента. Потом наклонилась к Вере.

— Ты документы не потеряла?

— Нет.

— Пистолет?

— На месте.

— Еду?

— Мама.

— Что — мама? Доедем, тогда можешь на меня сердиться. А сейчас проверь.

Вера проверила. Удостоверение лежало во внутреннем кармане, пистолет — в кобуре под шинелью, запасной магазин — в сумке рядом с бинтами, хлебом и двумя банками тушёнки. Конверт она держала в руке.

Мария заметила это и сказала тихо:

— Не смотри на бумагу так. Бумага от твоих глаз правды не скажет.

Вера убрала конверт.

— Мне не нравится, что тебя внесли заранее.

— Мне тоже.

— Ты ничего не хочешь объяснить?

Мария посмотрела на неё спокойно.

— Если бы знала, объяснила бы.

Вера хотела сказать, что не верит. Но не сказала. Мать не любила недоговорённости, когда дело касалось чужой жизни. И если бы у неё был ответ, она бы не стала прятать его за пустыми словами.

Грузовик свернул к длинному кирпичному забору. За забором поднимался дым, слышались гудки локомотивов. Ворота были раскрыты настежь. Над ними висела временная табличка из белёной фанеры:

СБОРНЫЙ ПУНКТ 42 ПРОХОД ПО ПРЕДПИСАНИЯМ

Внутри было светлее, чем на улице, но этот свет не успокаивал. Прожекторы на высоких мачтах били вниз жёсткими белыми столбами. В их лучах снег казался грязным и неподвижным. Между складами стояли грузовики, санитарные машины, автобусы с запотевшими окнами. Вдоль ограждений тянулись очереди. Люди держали документы над головами, чтобы не намочить. Дети спали на чемоданах или плакали от холода.

Служебные ленты, натянутые между деревянными стойками, делили площадку на коридоры. На ящиках у стен белели красные кресты. Возле одного из складов санитарки раскладывали марлевые повязки и резиновые перчатки, а рядом милиционер отгонял любопытных.

Громкоговоритель хрипло повторял:

— Граждане, сохраняйте порядок. Проход к вагонам только после регистрации. Не задерживайтесь у медицинских постов. Лица без предписаний направляются к справочному столу.

Потом голос запнулся, щёлкнуло, и тот же диктор добавил:

— Посадка эшелона сорок второго производится по секторам. Семьи следуют вместе. Повторяю: семьи следуют вместе.

Вера услышала это и сильнее сжала локоть матери.

Сержант махнул им в сторону длинного навеса.

— Регистрация там.

Под навесом за грубо сколоченными столами сидели люди в шинелях и гражданских пальто. Перед ними лежали толстые списки, карточки, пачки карандашей. Очередь двигалась рывками. За одним столом женщина спорила с регистратором, требуя вписать мужа. За другим молодой лейтенант держал на руках девочку в ватном капоре; девочка спала, уткнувшись ему в шею, а её ботинки волочились по мокрому полу.

Перед Верой стояла женщина с ребёнком. Мальчик лет пяти тёр ладонью красный нос и всё время оглядывался вниз.

— Варежка где? — спросила мать.

Он молчал.

— Я тебя спрашиваю, где варежка?

— Упала.

— Когда?

Он пожал плечами.

Женщина закрыла глаза на секунду, потом сняла с себя шерстяной шарф и обмотала ребёнку руки.

— Держи так. И не разжимай.

Когда подошла их очередь, регистратор — худой мужчина с воспалёнными веками — протянул руку.

— Предписание.

Вера положила на стол конверт и удостоверение.

Он вскрыл конверт, прочитал вложенный лист, открыл один список, потом второй. Его палец прошёл по строчкам.

— Соколова Вера Андреевна... — пробормотал он. — Лейтенант. Да.

Вера ждала.

— Соколова Мария Ильинична... сопровождающее лицо. Есть.

Мария чуть повернула голову.

— Уже есть? — спросила Вера.

Регистратор не поднял глаз.

— Есть в списке.

— Я вижу. Когда внесли?

— Не располагаю.

— Кто распоряжался?

Он наконец посмотрел на неё. Вера увидела, что мужчина устал бояться раньше, чем успел устать работать.

— Товарищ лейтенант, у меня тысяча человек по ведомости. Я не знаю, кто кого когда внёс. Вам вагон шестой, сектор Б. Эшелон сорок второй.

Он поставил на листе два штампа и выдал картонные бирки с привязанной бечёвкой.

«42. ВАГОН 6. Б».

Вера не взяла их сразу.

— Куда идёт эшелон?

- Вам сообщат в вагоне.
- Кто начальник эшелона?
- Вам сообщат в вагоне.
- Это санитарная эвакуация или обычная?

Регистратор сглотнул.

- Маршрут меняется. Не задерживайте очередь.

За их спиной уже недовольно зашевелились. Кто-то сказал:

- Умнее всех, что ли?

Вера взяла бирки.

На краю списка она заметила красные отметки. Некоторые фамилии были обведены карандашом, возле других стояли короткие буквы, смысла которых она не знала. Регистратор тут же прикрыл лист ладонью.

- Следующие.

Мария отошла первой. Вера догнала её у деревянного ограждения.

- Сопровождающее лицо, — сказала мать. — Красиво придумали.

- Не нравится мне это.

- Тебе сегодня ничего не нравится.

- Потому что тут ничего нормального нет.

Мария поправила ремень саквояжа.

- Нормального и не обещали. Смотри под ноги.

Они пошли по коридору между двумя рядами людей. Слева, за лентой, стояли автобусы. В один загружали женщин с детьми, в другой — пожилых. Справа, у санитарного поста, осматривали тех, кто кашлял, жаловался на жар или слабость. Осмотр был быстрым: ладонь ко лбу, взгляд в глаза, несколько вопросов. Людей с явной температурой отводили к отдельному навесу. Там уже сидело человек десять, укрытых одеялами.

Мария задержала взгляд на девочке в сером пальтишке. Девочка лежала на чемодане, поджав ноги, и тяжело дышала. Рядом с ней сидел мужчина, растерянно гладивший её по волосам.

- У неё жар, — сказала Мария.

- Санитары видят.

- Не так смотрят.

Она шагнула в сторону, но Вера удержала её.

- Мама.

- Я не собираюсь устраивать обход. Скажу им.

Мария подошла к ближайшей медсестре.

- У девочки возле третьего коридора высокая температура. Посмотрите.

Медсестра, молодая, с мокрой прядью волос на щеке, раздражённо ответила:

- Их тут десятки.

- У этой губы синие.

Медсестра посмотрела туда, куда указывала Мария, и лицо её стало серьёзнее.

- Хорошо. Спасибо.

Мария вернулась.

- Теперь идём.

- Ты тоже видела что-то?

- Я видела больного ребёнка. Не надо из каждого жара делать конец света.

Вера ничего не ответила. Запах угольного дыма смешивался с мокрой шерстью, керосином, человеческим потом и лекарствами. От него подступала тошнота. Она сглотнула, заставляя себя дышать медленнее.

За складами открывались пути. Там стоял эшелон: длинный, тёмный, с несколькими пассажирскими вагонами между товарными. На дверях белой краской были выведены номера. Из труб локомотива валил пар. В окнах уже мелькали лица. К вагону шестому вела узкая деревянная платформа, с одной стороны ограниченная стеной склада, с другой — открытым краем над путями.

Над дверью висела дощечка:

ЭШЕЛОН 42 ВАГОН 6 СЕКТОР Б

Вера прочла надпись дважды.

У входа в вагон солдат проверял бирки.

— По одному, — кричал он. — Не толкаться! Багаж сначала передаём, потом сами!

Люди не слушали. Женщина с ребёнком без варежки пыталась протиснуться вперёд, потому что мальчик начал плакать и проситься в уборную. Парень с клеткой спорил с солдатом:

— Птицу возьму. Она маленькая.

— Не положено животных.

— Какая она животная? Канарейка.

— Не положено.

— Она у сестры после мужа осталась.

— Гражданин, отойдите.

Клетка дёргалась в его руках. Птица металась внутри, цепляясь лапками за жердочку.

Громкоговоритель хрипнул:

— Посадку завершить в течение десяти минут. Повторяю: в течение десяти минут.

Почти сразу другой голос, не тот, что раньше, выкрикнул:

— Посадку приостановить на третьем пути! Медицинскую бригаду к четвёртому коридору!

Люди обернулись.

Вера тоже посмотрела. Медицинский пост находился шагах в сорока, у края навеса. Возле него образовалось плотное кольцо. Сначала она увидела только спины: санитар в белом халате, милиционер, женщина в тёмном платке. Потом толпа качнулась, и между плечами мелькнул мужчина.

Он был лет тридцати пяти, может, старше. Без шапки, в расстёгнутом пальто, хотя снег садился ему на волосы. Он сидел на складном стуле, но сидел неправильно — выгнувшись, упираясь ногами в землю, будто стул жёг его. Лицо было мокрым от пота. Он шурился от прожектора и прикрывал глаза ладонью.

Санитар держал его за плечо.

— Гражданин, назовите фамилию.

Мужчина что-то сказал.

— Громче.

— Домой.

— Где вы живёте?

— Домой надо.

Женщина в платке наклонилась к нему.

— Петя, Петенька, это я. Ты меня слышишь?

Он резко отшатнулся. Его глаза бегали по лицам, по свету, по белым халатам. Вера не слышала, что он бормотал, но различала повторяющееся слово:

— Не надо... не надо... не надо...

Мария остановилась.

— Вера.

— Я вижу.

— Это не обычная горячка.

В её голосе не было паники. От этого стало хуже.

Вера повернулась к солдату у вагона.

— Товарищ сержант.

— Потом!

— У медицинского поста больной. Агрессивный, дезориентирован.

— Там медики.

— Передайте начальнику охраны.

Солдат посмотрел в сторону поста. Мужчина на стуле вдруг вскочил так быстро, что санитар не успел удержать его. Женщина в платке попыталась обнять его за пояс.

— Петя!

Он оттолкнул её. Не с размаху, не намеренно жестоко — всем телом, как от опасности. Женщина упала на колени в снег. Санитар кинулся к нему, схватил за рукав.

Мужчина повернулся и вцепился зубами санитару в руку.

Крик был коротким, сорванным. Санитар попытался вырваться, ударил свободной рукой по плечу нападавшего. Белый рукав мгновенно потемнел у запястья.

Несколько секунд никто не понял, что произошло.

Кто-то засмеялся нервно: пьяный, мол, дерётся. Кто-то крикнул: «Милиция!» Женщина в платке завывала и поползла к мужчине. Другой санитар кинулся к раненому, но Мария крикнула так, что её услышали даже у вагона:

— Не трогайте кровь руками! Перчатки!

Санитар замер. Второй уже тянулся к товарищу, но отдёргнул руку.

Мужчина с кровью на губах развернулся к толпе. Милиционер бросился к нему сбоку. Тот ударил его лбом в лицо, вырвался и рванул к коридору между ограждениями.

Туда, где стояли люди с детьми и вещами.

Паника началась не криком. Она началась с движения назад. Один человек пятился, упёрся в другого, тот повернулся, увидел бегущего мужчину и толкнул третьего. Ленты между стойками провисли. Кто-то закричал, что стреляют, хотя никто ещё не стрелял. Женщина с мальчиком без варежки потеряла равновесие, ребёнок выскользнул у неё из рук.

— К вагону! — приказала Вера матери. — Не отходи от двери!

— А ты?

— За мной.

Она схватила Марию за руку и повела вдоль стены склада. Но люди уже давили из дальнего коридора, не разбирая, куда бегут. Солдат у входа в вагон кричал, чтобы не толкались, и пытался удержать поток плечом.

— По одному! По одному, я сказал!

Мужчина в расстёгнутом пальто налетел на ограждение, опрокинул стойку. За ним бежали двое милиционеров. Один держал дубинку, второй — пистолет, но не поднимал его: перед ним были люди.

— Всем назад! — кричал милиционер. — Назад от прохода!

Никто не мог пойти назад. Сзади давили те, кто ещё не видел причины.

Мария прижалась к стене склада, открыла саквояж прямо на ходу.

— Зачем? — спросила Вера.

— У санитаров кровь. Если его донесут сюда, нужны перчатки.

— Мама, сейчас не до него.

— До крови всегда до.

Она вытащила резиновые перчатки, сложенный бинт, маленький флакон. Саквояж не застёгивался: из него торчал край старого полотенца.

У самого трапа мальчик без варежки упал. Его мать, прижатая толпой к перилам, не могла до него дотянуться.

— Миша! Миша!

Ребёнок оказался на мокрых досках, прямо перед ногами взрослых. Вера увидела, как на него заносится тяжёлый сапог, и отпустила руку матери.

— К двери! — сказала она.

— Вера!

Она уже наклонилась, протиснулась вниз между чужими коленями и чемоданами. Чья-то сумка ударила её по плечу. Кто-то наступил ей на ладонь. Вера схватила мальчика за воротник пальто, потянула к себе. Он плакал без звука, широко раскрыв рот.

— Тише. Держись за меня.

Она подняла его, но в ту же секунду толпу качнуло в сторону путей. Деревянный трап скрипнул. Женщина, мать мальчика, упала на колени у двери вагона, и её потащили назад чужими плечами.

Вера толкнула ребёнка к ней.

— Берите!

Женщина вцепилась в сына, закрыла его собой.

Слева раздался удар. Мужчина в расстёгнутом пальто прорвался к трапу. Один из милиционеров висел у него на рукаве, второй пытался перехватить сзади. Мужчина мотал головой, хрипел, дёргался с такой яростью, что люди вокруг отшатнулись. Он увидел Марию — белые перчатки в её руках, открытый саквояж — и рванулся в её сторону.

Вера успела между ними.

Она не думала, что делает. Просто толкнула мать к двери вагона, а сама выставила руку, заслоняя её. Мужчина налетел на неё плечом. От него пахло потом, мокрой шерстью и чем-то кислым, больничным. Его лицо было совсем близко. Вера увидела воспалённые глаза, кровь на зубах.

Она ударила его рукоятью пистолета в висок.

Удар вышел слабее, чем нужно. Мужчина качнулся, но не упал. Он схватил её за рукав. Вера вывернулась, чувствуя, как ткань трещит на плече. Милиционер наконец навалился на него сбоку, и оба рухнули на доски.

— Не бейте его по лицу! — крикнула Мария. — Не голыми руками!

— Уведите людей! — заорал солдат.

Мужчина на полу дёрнулся, вцепился милиционеру в воротник. Милиционер ударил его локтем, вырвался. Вера увидела, как у милиционера на щеке появилась тонкая кровавая полоса. Он машинально провёл по ней ладонью.

— Руку не трогать! Лицо не трогать! — Мария бросила ему перчатки. — Наденьте!

Милиционер смотрел на неё пусто, не понимая.

— Наденьте, сказала!

Он взял перчатки.

Из-за вагонов донёсся выстрел. Потом второй. Толпа закричала уже по-настоящему. Кто-то побежал обратно к складам, кто-то, наоборот, бросился в открытые двери вагонов. Солдат у трапа перестал проверять бирки и начал просто заталкивать людей внутрь, стараясь не дать им сбить друг друга.

— Вагон закрыть! — крикнул кто-то в мегафон. — Шестой вагон закрыть немедленно!

— Там ещё люди! — заорала женщина у двери.

— Закрыть проход!

Мария была уже на ступеньках. Одной рукой она держалась за поручень, другой пыталась удержать саквояж. Вера стояла ниже, между ней и толпой. На платформе у их ног лежал мужчина с клеткой: клетка вылетела из рук, дверца распахнулась. Маленькая жёлтая птица метнулась в белый свет прожектора и исчезла над путями.

— Мама, внутрь!

— Ты со мной!

— Сейчас.

Вера обернулась. У края трапа, почти у рельсов, лежала девочка в сером пальтишке — та самая, которую Мария заметила у санитарного поста. Её отец пытался вытащить её за руки, но люди сзади давили так, что он едва держался на ногах. Девочка не плакала. Она смотрела вверх мутными глазами.

Один из товарных вагонов на соседнем пути лязгнул сцепкой. Локомотив подал длинный гудок.

Вера увидела, что между девочкой и боком вагона оставалось меньше метра. Если состав тронется, если толпа качнётся ещё раз, ребёнка затолкают под колёса.

Она отпустила поручень.

— Вера! — крикнула Мария.

Но Вера уже прыгнула вниз.

Она протиснулась к девочке, упала на колени в снег и грязь. Отец ребёнка тянул её в одну сторону, Вера — в другую.

— Отпустите руку! Под плечи берите!

— Она больная!

— Я вижу. Под плечи!

Мужчина послушался. Вместе они подняли девочку. Она была лёгкая, слишком лёгкая, и горячая даже через пальто. Вера передала её отцу.

— К стене! Не в вагон, к стене!

— Жена там! — закричал он.

— К стене!

Она подтолкнула его к узкому зазору у склада. В ту же секунду солдаты опустили деревянную перекладину на входе к трапу. Несколько человек оказались снаружи, несколько — внутри. Милиционеры натянули поверх перекладины брезентовую ленту.

— Назад! Закрытый сектор!

— Там моя мать! — Вера рванулась к проходу.

Солдат выставил винтовку поперёк груди.

— Нельзя!

— Уберите оружие. Я лейтенант МГБ.

— Приказ начальника охраны!

— В шестом вагоне моя мать.

— Там семьи уже размещают.

— Она одна.

— Не одна она, там полный вагон.

Вера показала удостоверение. Солдат даже не посмотрел.

— Назад, товарищ лейтенант. Там прорыв. Вы хотите, чтобы вас туда затоптали?

За его плечом, в дверном проёме, появилась Мария. Её втокнули внутрь, но она держалась за край двери. Платок сбился набок. На одной руке была натянута резиновая перчатка, в другой она сжимала ремень саквояжа.

— Вера!

Вера ударила ладонью по перекладине.

— Мама! Не закрывайте дверь!

Но проводник уже тянул тяжёлую створку. Мария успела наклониться к щели.

— Не лезь обратно! Слышишь?

— Я сейчас пройду!

— Не беги за поездом!

Дверь закрылась. Осталось мутное окно, исчерченное потёками. Вера увидела за ним силуэт матери, поднятую ладонь. Потом вагон дёрнулся.

Сначала медленно, почти незаметно. Люди вокруг ещё кричали, пытались спорить с охраной, стучали в двери. Потом колёса закричали громче, сцепки натянулись. Поезд пошёл.

Вера обогнула солдата, вырвалась к краю платформы. Её сапог скользнул на мокрой доске. Она удержалась, побежала вдоль вагона, прижимая к боку сумку, в которой тяжело стукнулся пистолет.

— Товарищ лейтенант! Стойте! — крикнул кто-то.

Она не остановилась.

В окнах проносились лица. Женщина прижимала ребёнка к стеклу. Старик с медалью стоял в проходе, держась за верхнюю полку. Парень без клетки смотрел в дверь, сжав пустые руки. Потом мелькнуло лицо Марии, уже дальше, за следующим окном. Она что-то сказала, но Вера не услышала.

Снег летел в лицо. Под ногами блестели рельсы. Вера пробежала ещё несколько шагов, пока вагон не набрал ход. Солдат схватил её за шинель сзади и резко дёрнул.

— Под колёса хотите?!

Она вырвалась не сразу. Потом остановилась.

Последний вагон прошёл мимо, на его задней стенке горел красный огонёк. Он дрогнул в снежной мгле, стал маленьким, ушёл за склады и исчез.

На платформе осталась грязная вода, раздавленный чемодан с вывалившимися детскими вещами, одна шерстяная варежка. У стены плакал мальчик, которого Вера вытащила из давки, — теперь он держался за мать обеими руками, и шарф размотался по снегу.

У медицинского поста работали санитары. Раненого милиционера вели к машине, закрыв щеку бинтом. Санитар с укушенной рукой сидел на ящике, бледный и неподвижный; вокруг него никого не подпускали. Мужчину в расстёгнутом пальто Вера не видела. Только на досках у опрокинутого стула темнели следы, которые санитары заливали чем-то из металлического ведра.

Громкоговоритель снова ожил:

— Граждане, сохраняйте спокойствие. Происшествие локализовано. Посадка остальных групп производится по распоряжению начальника пункта. Просьба не покидать территорию без разрешения.

Люди слушали и не верили. Одна женщина требовала открыть вагон, хотя эшелон уже ушёл. Мужчина в шинели кричал, что его сестру отправили без него. Кто-то говорил, что это нападение бандитов. Кто-то — что на станции тиф. Слово «карантин» повторяли всё чаще, но каждый вкладывал в него своё.

Вера пошла к регистрационному навесу.

Там было почти пусто. Столы торопливо складывали. Списки убирали в ящики. Тот самый худой регистратор стоял у грузовика и спорил с офицером.

— Где маршрут эшелона сорок второго? — спросила Вера.

Регистратор обернулся.

— Товарищ лейтенант, я не знаю.

— Где начальник пункта?

— Не знаю.

— Кто знает?

— Вам же сказали, маршрут меняется.

Вера схватила его за рукав.

— В эшелоне моя мать. Мария Ильинична Соколова. Вагон шестой. Куда он идёт?

Регистратор побледнел.

— Отпустите.

— Отвечайте.

— У меня нет маршрута! Поезда уходят по закрытым распоряжениям. Я только сажаю людей по спискам.

Вера разжала пальцы.

На столе лежал мокрый лист, прижатый чернильницей. Наверху крупно, неровно было выведено:

ЭШЕЛОН 42 ОТПРАВЛЕН: 05:37

Она смотрела на цифры, пока чернила не начали расплываться от падающего снега.

— Лейтенант Соколова?

Голос прозвучал сзади.

Вера обернулась. Перед ней стоял капитан МГБ в промокшей фуражке. Она не знала его. За капитаном ожидала чёрная машина с работающим мотором.

— Да.

— По распоряжению майора Левина вы должны немедленно следовать со мной.

— Нет.

Капитан моргнул.

— Что?

— Сначала вы дадите мне маршрут сорок второго.

— У меня нет таких сведений.

— Тогда свяжитесь с тем, у кого есть.

— Лейтенант, у нас чрезвычайная ситуация.

— У меня мать в этом эшелоне.

Капитан посмотрел на уходящие за складами пути, потом на неё. На лице у него не появилось сочувствия; возможно, оно было, но времени на него не осталось.

— Я понимаю.

— Нет.

— Приказ майора Левина. Немедленно.

Вера сжала мокрый лист так, что бумага порвалась по сгибу.

— Куда?

— В служебный сектор. В машине объяснят.

— Я никуда не поеду, пока не узнаю, куда отправили эшелон.

Капитан понизил голос:

— Если хотите потом искать свою мать, вам придётся сейчас ехать.

Это не было обещанием. Это было сказано ровно, почти бесцветно. Но Вера услышала в словах не ответ, а приказ, прикрытый возможностью.

Она посмотрела на лист в своей руке.

Эшелон 42. Отправлен: 05:37.

Мария была жива, когда закрылась дверь вагона. Стояла в проходе, держалась за ремень саквояжа, кричала ей не бежать за поездом.

Больше Вера не знала ничего.

Она сунула мокрый обрывок в карман, застегнула шинель до горла и пошла к чёрной машине, не оглядываясь на пустеющий путь.

Номер сорок два остался единственной ниткой, которую она успела удержать.

Глава 5

Чёрная машина шла по ещё тёмной Москве без сирены, но ей уступали. Неохотно, с запозданием, впритирку к сугробам, которые за ночь успели стать серыми, рыхлыми, пропитанными грязной водой. Вера сидела на заднем сиденье, не снимая пальто. На коленях у неё лежал сложенный вчетверо лист — единственное, что осталось у неё от станции, кроме запаха пара, угля и чужого страха.

Эшелон 42. Отправление: 05:37.

Цифры не менялись, сколько ни смотри.

Капитан сидел рядом с шофёром, прямой, в застёгнутой до горла шинели. Он ни разу не обернулся. Машина тряхнулась на рельсах, пересекла пустую улицу, где у трамвайной остановки стояли люди с узлами и чемоданами. Трамвай подошёл с опозданием, тяжело звякнул, и никто не двинулся к дверям. Все смотрели на санитарный автомобиль, припаркованный у дома напротив.

На его задних окнах были опущены плотные шторы.

Вера развернула лист.

— Куда ушёл сорок второй?

Капитан медленно повернул голову.

— Мне не сообщили маршрут.

— Вам приказали забрать меня со станции. Вам должны были сообщить хотя бы направление.

— Мне сообщили место назначения для вас, товарищ лейтенант.

— Я не спрашиваю о себе.

Он посмотрел на бумагу у неё в руках. На мгновение в его лице появилось что-то усталое, почти человеческое, но тут же исчезло.

— Номер отправления зафиксирован, — сказал он. — Это уже больше, чем есть у многих.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Вера сложила лист снова, тщательно совместив края. Бумага была влажной в сгибах: она не помнила, когда успела сжать её так сильно.

За стеклом проплывали фасады, знакомые до бессмысленности. Булочная с закрытыми ставнями. Афишная тумба, заляпанная талым снегом. Дворник в ватнике, отгонявший метлой чёрную воду от подъезда. У одного из домов стояли двое солдат с повязками на руках; они проверяли документы у женщины в мужском пальто. Женщина держала ребёнка, завернутого в одеяло, и ребёнок не плакал — только смотрел поверх её плеча.

У перекрёстка машина притормозила. Впереди медленно тянулась колонна грузовиков. На брезенте двух машин белели нанесённые кистью красные кресты. На третьей крестов не было, зато в кузове стояли деревянные ящики, обитые железной полосой.

Вера спросила:

— Это «Вектор»?

— Нет.

— Тогда что?

Капитан не ответил.

Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Перед ней сразу возникла мать — не такой, какой Вера видела её в последний раз, в дверях шестого вагона, а домашней: в халате, с заколотыми волосами, наклонившейся над столом. Мария всегда держала медицинский сак-

воляж собранным. Вера прежде считала это профессиональной привычкой. Теперь сакволяж уехал с ней, в неизвестность, и эта мелочь стала единственным доводом против паники.

Мать жива. Она была в сознании. Она знала, что делает.

Не бежать за поездом.

Вера открыла глаза.

Машина свернула в сторону, где город уже редел. Дома стали ниже, между ними проступили заборы, складские ворота, пустые участки с чёрными деревьями. На воротах впереди не было вывески. Только маленькая табличка из тёмного металла: «Проезд запрещён». За ней стояла кирпичная стена, слишком высокая для обычной больницы.

Шофёр посигналил один раз.

Ворота открылись внутрь.

Первый часовой проверил документы через опущенное стекло. Второй заглянул в салон, задержал взгляд на Вере, сверил её лицо с пропуском и отступил. Машина въехала во двор.

Объект выглядел старым госпитальным корпусом, который много лет перестраивали, не решаясь снести. Главное здание было трёхэтажным, с белёными стенами и тёмными окнами. К нему примыкали низкие кирпичные пристройки, между которыми шли закрытые переходы. На крыше стояли антенны и тонкие трубы. В одном окне горел жёлтый свет, в другом мелькнула фигура в белом халате.

Во дворе было больше охраны, чем у Лубянки в обычное утро.

У бокового входа разгружали ящики с красными крестами. Двое санитаров в длинных резиновых перчатках переносили брезентовые носилки к машине с закрытыми окнами. На носилках кто-то лежал, укрытый до подбородка. Из-под одеяла виднелась только мужская рука, стянутая ремнём к металлической раме.

Дверь корпуса открылась.

Изнутри донёсся короткий крик — хриплый, сорванный, больше похожий на приступ боли, чем на просьбу о помощи. Его тут же оборвали: дверь захлопнули.

Вера взялась за ручку.

— Не трогайте ничего голыми руками, — сказал капитан.

Она посмотрела на него.

— Я знаю, как передаётся инфекция.

— Тогда вам будет проще пройти осмотр.

— Где майор Левин?

Капитан вышел первым. Морозный воздух ударил в лицо, пахнул мокрой шерстью, выхлопом и хлоркой. Он обошёл машину, придержал дверцу. У крыльца их ждал худой мужчина в белом халате поверх серого костюма. На халате темнело пятно возле кармана, и мужчина машинально прикрывал его ладонью.

— Лейтенант Соколова? — спросил он.

— Где майор Левин?

— Майор находится в лабораторном блоке. Он ожидает вас после осмотра.

— Я должна говорить с ним сейчас.

— Сначала осмотр.

— У меня нет времени.

Мужчина посмотрел на капитана, потом на неё.

— У вас был контакт со станцией сбора, где зарегистрированы случаи заражения. Обязательная процедура, товарищ лейтенант.

— У меня не было контакта с заражённой кровью.

— Это выясним.

— Я уже сказала.

— И всё же выясним.

Капитан отвёл взгляд. Вера поняла: спорить здесь можно было сколько угодно, но двери от этого не откроются.

— Как вас зовут? — спросила она у мужчины.

— Врач Орлов. Идёмте.

— Если это способ задержать меня...

— Это способ убедиться, что вы не принесёте инфекцию туда, где уже достаточно больных.

Он сказал это без угрозы. Почти устало. Оттого спорить стало труднее.

Внутри было жарко. Воздух пах спиртом, хлорной известью, лекарствами и перегретой проводкой. В коридоре, отделённом стеклянной перегородкой, стояла каталка с привязанными ремнями. На подоконнике лежали сложенные марлевые повязки, в углу гудел электрический обогреватель. По стенам шли таблички: «Блок Б», «Карантин», «Посторонним вход запрещён». На одной двери красной краской было написано: «Биоматериал. Не вскрывать».

Сотрудники проходили мимо быстро и молча. Некоторые были в халатах, некоторые — в шинелях с медицинскими сумками. Никто не смотрел ей в лицо дольше необходимого.

Орлов провёл её в небольшой кабинет. Металлический стол, клеённая кушетка, шкаф с пузырьками и ампулами, раковина, высокий табурет. У окна сидела медсестра лет сорока в очках с тонкой проволочной дужкой. Её халат был чистым только на плечах; на рукавах виднелись серые разводы. На краю стола стояла кружка с чаем, покрытым тёмной плёнкой.

Медсестра поднялась.

— Пальто снимите, пожалуйста.

Вера не двинулась.

— Сначала скажите, где проходит сорок второй эшелон.

Орлов снял очки, протёр их платком.

— У меня нет этой информации.

— У кого есть?

— У майора Левина. Вероятно, у транспортного отдела.

— Вероятно?

— Товарищ лейтенант, я не занимаюсь эвакуационными маршрутами.

— А чем вы занимаетесь?

— Тем, чтобы люди, которых привозят сюда после таких станций, не становились причиной новых заражений.

Он говорил спокойно. За стеной щёлкнул телефон. Медсестра поправила очки, посмотрела на Веру с неловким сочувствием и повторила:

— Пальто.

Вера сняла его. Повесила на спинку стула, не отдавая в руки. Орлов записал что-то в бланке.

— Раны, порезы, уколы за последние сутки?

— Нет.

— Контакт с кровью?

— Нет.

— Слюна на глаза, рот, нос?

— Нет.

— Укус?

— Нет.

— Вы были рядом с человеком, у которого были судороги, спутанность речи, приступ агрессии?

— На станции были десятки людей. Я не прикасалась к ним.

— К вам прикасались?

Она вспомнила толчки, чужие локти, руку, скользнувшую по рукаву. Пар над платформой. Женщину, которая падала между людьми. Мать, исчезающую за дверью вагона.

— Не знаю.

Орлов поднял на неё взгляд.

— Это не ответ.

— Тогда запишите: не знаю.

Он записал.

Температура оказалась тридцать шесть и восемь. Пульс — слишком частым, по словам Орлова, хотя Вера не чувствовала ничего, кроме усталости. Он послушал её дыхание холодным металлическим стетоскопом, осмотрел ладони, запястья, шею. Медсестра светила ей в глаза маленькой лампочкой, просила следить за кончиком карандаша.

— Головокружение? — спросил Орлов.

— Нет.

— Тошнота?

— Нет.

Слова вылетели слишком быстро. Запах спирта от ватного тампона вдруг поднялся к горлу так резко, что Вера отвернулась.

Медсестра молча подала ей эмалированный лоток. Вера отстранила его.

— Не надо.

Орлов посмотрел внимательнее.

— Тошнота бывает по утрам?

— Бывает от запахов.

— Как давно?

— Не знаю.

— Аппетит?

— Нормальный.

— Слабость?

— Я не спала ночь.

— До этой ночи?

Вера стиснула зубы.

— Это имеет отношение к станции?

— Имеет отношение к вашему состоянию.

— Я приехала сюда не жаловаться на состояние.

— А я не предлагаю вам жаловаться. Я задаю вопросы.

Он отложил карандаш.

— Последняя менструация когда была?

Вера подняла голову.

— Что?

— Когда была последняя менструация?

— Это не имеет отношения к Nachtrot.

— К инфекции может и не иметь. К вашему состоянию — имеет.

— Говорите прямо, врач.

Орлов помолчал.

— У вас задержка?

Вера хотела сказать «нет» немедленно. Но вместо этого вспомнила календарь в кухне, оставленный на октябре. Несколько дней, которые она отметила карандашом и потом перестала считать. Сентябрьскую усталость, которой не придавала значения. Тошноту в архиве, когда вскрыли коробку с отсыревшими накладными. Она решила тогда, что это бумажная пыль и недосып.

— Возможно, — сказала она.

Медсестра переставила кружку с чаем дальше от края стола.

— На сколько? — спросил Орлов.

— Не знаю.

— Примерно.

— Две недели. Может, больше.

Орлов снова записал. Потом сказал медсестре:

— Возьмём кровь из вены. И реакцию по полному набору.

Вера протянула руку.

Игла вошла уверенно. Тёмная кровь медленно наполнила стеклянную пробирку. Медсестра прижала к сгибу локтя вату, закрепила бинтом.

— Посидите, — сказала она.

— Я не буду сидеть.

— Тогда стойте. Только не уходите.

Орлов поставил пробирки в металлический лоток. На одной наклеил узкую полоску бумаги с её фамилией. На другой уже была наклейка.

Вера увидела её раньше, чем врач накрыл лоток салфеткой.

«Соколова В. А.»

Написано аккуратным печатным почерком. Ниже стоял номер, которого она не знала.

— Откуда у вас была заготовлена пробирка? — спросила она.

Медсестра застыла.

Орлов положил ладонь на край лотка.

— Здесь заранее готовят маркировки для сотрудников, прибывающих по распоряжению.

— По какому распоряжению?

— По вашему направлению.

— Я не видела направления.

— Его передали с вашим пропуском.

— Покажите.

Орлов не ответил. Он забрал лоток и вышел в соседнюю лабораторную комнату. Дверь осталась неплотно закрытой.

Вера повернулась к медсестре.

— Где моя карта?

— У врача.

— Та, которую он заполнял сейчас.

— Она у него.

— Я видела папку на столе до того, как вошла. Где она?

Медсестра сняла очки, протёрла стекло краем халата. У неё дрожали пальцы — едва заметно, но Вера увидела.

— Товарищ лейтенант, вам лучше не трогать служебные бумаги.

— Это моя медицинская карта.

— Не всякая бумага с фамилией является личной картой.

— Тем более покажите.

В коридоре кто-то пробежал. За стеклянной перегородкой мелькнул санитар в перчатках. Медсестра сделала шаг к столу, но Вера оказалась быстрее.

Папка лежала в нижнем ящике, который закрыли не до конца. Простая картонная обложка, потемневшая на сгибах. На корешке — номер и чёрная полоса. Вера вытащила её.

Медсестра сказала тихо:

— Не надо.

Вера уже раскрыла папку.

Первая страница была свежей: направление на санитарный осмотр, дата — восьмое ноября. Ниже — её звание, фамилия, возраст. Всё это можно было собрать за полчаса.

Вторая страница была старше. Бумага желтее, машинописный текст выцвел по краям. В левом верхнем углу стояла ведомственная печать. Год — сорок девятый.

Вера прочла собственное имя.

«Соколова Вера Андреевна».

Адрес, место службы, краткая характеристика. Строка о состоянии здоровья. Потом — подчёркнутое синим карандашом слово: «наблюдение».

Она перелистнула.

Между страницами была вшита внутренняя вкладка, помеченная красной полосой. Большая часть текста оказалась заклеена широкими бумажными лентами. На свободном поле темнел штамп: «Особая папка. Не копировать».

Вера наклонилась ближе.

«Программа Колыбель».

Ниже — машинописная строка, почти стёртая от стигма:

«Кандидатка 7. Наблюдение продолжить».

Под строкой была дата. И подпись.

Не полная. Две буквы фамилии, загнутый росчерк, знакомый ей по служебным резолюциям.

Левин.

Дверь лаборатории распахнулась.

— Товарищ лейтенант, — резко сказал Орлов.

Вера не подняла головы.

— Что такое «Колыбель»?

Орлов остановился. В его руках были две пробирки в металлической подставке. Он посмотрел на медсестру, и та опустила глаза.

— Отдайте папку.

— Что такое «Колыбель»?

— Я не могу обсуждать с вами документы, к которым у вас нет допуска.

— Там моя фамилия.

— Отдайте папку.

— Там написано: «кандидатка номер семь». Что это значит?

Орлов поставил подставку на стол. Лицо у него стало серым, усталым и старше.

— Это должен объяснить вам майор Левин.

— А вы?

— Я получил эту карту уже оформленной.

— Вы врач. Вы проводите обследование. Вы обязаны понимать, что делаете.

— Я понимаю достаточно, чтобы сказать: вам не следовало узнавать всё в таком порядке.

— Значит, я должна была не узнать вовсе?

Он не ответил.

Вера сжала папку сильнее. Картонный край врезался в ладонь.

Орлов посмотрел на пробирки, потом на неё.

— Результат подтверждён.

Она не сразу поняла, о чём он говорит.

— Что?

Медсестра шагнула к столу, но остановилась.

Орлов произнёс ровно:

— Анализ показывает беременность. По сроку — приблизительно семь или восемь недель. Для точной оценки потребуются дополнительные исследования, но ошибка маловероятна.

Вера смотрела на него.

В кабинете продолжал гудеть обогреватель. На подоконнике медленно таял кусок снега, занесённый на чьём-то сапоге. Капля сорвалась на батарею, зашипела.

— Повторите, — сказала Вера.

— Вы беременны.

— Повторите анализ.

— Мы повторили.

— Ещё раз.

— Можем повторить. Результат не изменится.

— Вы уверены?

— Да.

Она опустила взгляд на папку. Слово «Колыбель» расплзлось перед глазами чёрными буквами. Кандидатка 7. Наблюдение продолжить.

Семь или восемь недель.

Вера знала, что в эти недели делала. Дежурила в управлении. Ездила в архив. Возвращалась домой поздно. Спорила с матерью из-за того, что та снова взяла ночную смену. Жила в собственной квартире, ходила по знакомым улицам, отвечала на служебные звонки. Ничего в этой цепочке не содержало ответа. Ничего, что она могла бы назвать согласием.

Она подняла голову.

— Что вы со мной сделали?

Медсестра тихо втянула воздух.

Орлов закрыл глаза на секунду, потом снял очки.

— Я не участвовал в принятии решений.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Вы брали у меня кровь раньше?

— Не я.

— Вы меня осматривали?

— Нет.

— Кто?

— Вам должен объяснить майор Левин.

— Он подпись поставил.

Орлов не стал отрицать.

— Да.

Вера положила карту на стол так, что бумага хлопнула о клеёнку.

— Где он?

— Лабораторный блок, второй этаж.

— Я не закончила осмотр.

— Осмотр закончен.

— Нет. Вы не осмотрели меня на предмет того, что, по вашим бумагам, уже сделали.

Орлов выпрямился.

— Товарищ лейтенант, если вы сейчас пойдёте к майору, я не смогу остановить вас. Но прошу: не ходите одна по коридорам карантинного сектора. Дождитесь сопровождающего.

— Я не пациентка.

— Сейчас вы человек, который может быть истощён, обезвожен и беременен. Это медицинский факт, а не статус.

— Идите к чёрту.

Она взяла пальто, не застегнула его и вышла.

Коридор встретил её тем же запахом хлорки. Но теперь Вера замечала всё слишком отчётливо: белую шелушащуюся краску на перилах, тонкую царапину на стекле, красный след на манжете санитара, который торопливо шёл в противоположную сторону. За одной из дверей кто-то тяжело дышал — неровно, с короткими паузами. За другой слышался мужской голос, повторявший одни и те же слова. Вера не разобрала какие.

На лестнице её догнал капитан.

— Товарищ лейтенант.

Она остановилась, держась за перила.

— Вы здесь всё время были?

— Ждал распоряжений.

— Вы знали, куда меня везёте?

— На объект «Вектор».

— Вы знали, зачем?

Капитан помолчал.

— Мне не сообщили.

— Все сегодня ничего не знают.

Он посмотрел ей прямо в лицо.

— Не все, товарищ лейтенант.

Это было почти дерзостью. Или предупреждением. Вера не стала выяснять.

— Где лабораторный блок?

Капитан кивнул в конец коридора.

— Вторая лестница. Там пропуск.

— У меня есть пропуск.

— Там другой.

Он пошёл впереди. На втором этаже постовой в сером халате поверх формы сверил бумагу, которую капитан достал из внутреннего кармана, и открыл дверь ключом. За дверью было тише. Не спокойнее — тише. Здесь пахло спиртом сильнее, а ещё горячей пылью от ламповой аппаратуры.

Вдоль стен стояли металлические шкафы с пломбами. На столах за стеклом виднелись микроскопы, штативы с пробирками, ящики для предметных стёкол. В одном помещении двое лаборантов работали молча, склонившись над аппаратурой с проводами и тускло светящимися лампами. В другом мужчина в противогазной маске раскладывал бумаги в металлический лоток.

Капитан остановился перед узкой дверью без таблички.

— Здесь.

— Вы остаётесь?

— Нет.

— Почему?

— Мне приказано вернуться на станцию.

Вера посмотрела на него.

— Там ещё есть люди?

Он ответил не сразу.

— Там есть работа.

Он открыл дверь, постучал один раз и ушёл, не дожидаясь разрешения войти.

Левин сидел за столом в маленькой архивной комнате. На стенах — стеллажи с папками. На подоконнике — телефонный аппарат, рядом механические часы в чёрном корпусе. На столе

горела настольная лампа под зелёным абажуром. Свет выхватывал его руки, папку перед ним и край пепельницы, хотя сигареты в ней не было.

Он поднял глаза.

Потом увидел папку у неё в руках.

И закрыл ладонью другую — толстую, с красной полосой на обложке.

На ней было написано: «Колыбель».

— Вера Андреевна, — начал он.

Она подошла к столу и положила перед ним свою карту.

— Что такое «Колыбель»?

Левин не стал спрашивать, где она взяла документы. Не сделал вид, что не понимает. Только медленно убрал руку с папки.

— Сядьте, пожалуйста.

— Нет.

— Вы только что прошли осмотр.

— Что такое «Колыбель»?

Он посмотрел на часы. Стрелка минутной шкалы дрогнула и пошла дальше.

— Закрытая программа.

— Это я прочла.

— Она была создана после войны. На основе материалов, которые были получены в Германии и частично в Восточной Европе.

— Для чего?

— Для изучения защиты от определённых биологических угроз.

— Каких?

— Сейчас я не могу назвать вам всё.

— Почему?

— Потому что часть сведений относится не только к вам.

— Я беременна по вашей программе. Сведения относятся ко мне.

Левин опустил взгляд на её карту. Его лицо не изменилось, но Вера заметила, как пальцы его правой руки сжались на краю стола.

— Да, — сказал он. — Беременность является частью программы.

Она ждала, что после этих слов станет легче говорить. Не стало.

— Что именно вы хотите сказать?

— Я говорю, что это не случайный результат обследования.

— Когда?

— Вера Андреевна...

— Когда?

Он поднял глаза.

— Несколько недель назад.

— Где?

— Я не отвечу на этот вопрос в такой форме.

— В какой форме вы ответите?

— В той, в которой не нанесу вам дополнительного вреда.

— Вы уже решили, какой вред мне можно наносить?

Левин побледнел едва заметно. Он всегда умел держать лицо. Оттого эта малость была хуже оправданий.

— Нет, — сказал он. — И это не делает произошедшее приемлемым.

Вера взяла карту, раскрыла на нужной странице и развернула к нему.

— Кандидатка номер семь. Что это?

— Обозначение в программе.

— Скольких было до меня?

Он не ответил.

— Скольких?

— Я не буду давать вам цифры, смысл которых вы сейчас не сможете проверить.

— Значит, были.

— Да.

Ей захотелось сесть. Не потому, что ноги не держали, — они держали. Просто в комнате стало мало воздуха, а на спинке стула висела чужая шинель, и Вера вдруг подумала, что не имеет права касаться даже этого стула: всё здесь могло быть занято заранее, распределено, подписано.

Она не села.

— Кто дал согласие?

Левин молчал.

— Говорите прямо.

— Формального согласия с вашей стороны не было.

— Тогда кто дал?

— На это я сейчас не отвечу.

— Моя мать?

Его пауза длилась меньше секунды. Но Вера увидела её.

— Я не могу обсуждать роль вашей матери без подтверждённой связи с ней.

— Она знала?

— Я не знаю, что именно ей было известно на сегодняшний день.

— Вы лжёте.

— Нет. Я выбираю слова.

— Это одно и то же, когда человек прячет ответ.

Левин выпрямился.

— Послушайте. Я не буду вам лгать. Я не знаю, где сейчас Мария Сергеевна. Эшелон ушёл по маршруту, который был изменён уже после отправления. Я пытаюсь получить сведения.

— Не о матери. О программе.

— Я участвовал в ней.

— Как?

— Как сотрудник, который подписывал распоряжения, получал материалы, контролировал допуски и пытался ограничить круг людей, имеющих к вам доступ.

— Вы подписали?

— Да.

— Вот здесь?

Он посмотрел на подпись.

— Да.

— Зачем?

Левин провёл ладонью по лицу. Жест был быстрым, почти незаметным; Вера никогда прежде не видела у него такой усталости.

— Потому что в тот момент мне представили выбор между двумя решениями. Одно из них давало мне возможность следить за тем, что происходит. Второе передавало вас людям, которые не сочли бы нужным оставлять вам даже эту возможность.

— Вы подписали вместо меня.

— Да.

— Вы решили, что можете.

— Я решил, что смогу вас защитить.

— От кого?

— От тех, кто считал вас материалом.

— А кем считал меня вы?

Левин посмотрел на папку с красной полосой. Потом на неё.

— Человеком, которого я не сумел защитить правильно.

Она стояла неподвижно. Это признание не было облегчением. В нём не было ни ответа, ни извинения, которое можно принять или отвергнуть. Только ещё одна закрытая дверь.

— Вы знали, что я не помню? — спросила Вера.

— Да.

— Почему я не помню?

— Не всё было сделано так, как должно было быть.

— Что было сделано?

— Я не могу...

— Не можете или не хотите?

Телефон зазвонил.

Левин снял трубку сразу.

— Левин слушает.

Он слушал молча. Вера видела, как его взгляд остановился на стене за её плечом.

— Когда поступило? — спросил он.

Пауза.

— Подтверждено?

Ещё пауза.

— Нет. Никаких самостоятельных действий. Изолировать помещение, людей не выпускать до прибытия группы. Если была кровь — отдельно всех, кто контактировал. Да. Я сказал: отдельно. И не применять оружие, пока нет прямой угрозы.

Он положил трубку.

Вера не спросила, что произошло. Ей было всё равно — на одну секунду. Потом стало не всё равно, потому что за этой дверью, за стенами «Вектора», существовала Москва, а в Москве мог оказаться след эшелона.

— Где сорок второй? — спросила она.

— Не знаю.

— Вы обещали не лгать.

— Я сказал правду.

— У вас есть данные.

— У меня есть неполные сводки.

— Покажите.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что они меняются каждые двадцать минут, а часть из них ложная.

— Лучше ложная сводка, чем никакой.

— Иногда ложная сводка ведёт людей прямо туда, откуда они не вернутся.

— Моя мать в одном из этих эшелонов.

— Я знаю.

— Нет. Вы знаете номер в журнале. Мою мать вы видели два раза и оба раза говорили с ней так, как говорят с человеком, которому уже отведена роль.

Левин замер.

Вера почувствовала, что попала в точку, хотя не знала, какую именно.

— Почему её включили в распоряжение раньше остальных? — спросила она. — Почему в списках она была до станции? Почему мне ничего не сказали?

— Это связано с работой, которую она выполняла.

— С «Колыбелью»?

— Частично.

— Значит, она знала.

— Я сказал: я не знаю, что именно ей было известно.

— Удобная фраза.

— Это единственная честная фраза, которую я могу дать вам сейчас.

Она посмотрела на толстую папку под его рукой.

— А там что?

— Материалы программы.

— Я хочу их прочесть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что там есть данные, которые могут повредить вам и другим людям.

— Я уже пострадала.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете.

Он кивнул, не споря.

За дверью послышались быстрые шаги. Кто-то остановился, постучал. Левин сказал:

— Позже.

Дверь приоткрылась. Молодой сотрудник в помятом халате просунул внутрь голову.

— Товарищ майор, из транспортного отдела передали уточнение по западному направлению. И ещё радиограмма из Бреста.

— Оставьте.

Сотрудник положил на край стола узкую ленту телеграфной бумаги и серую папку. Его взгляд скользнул по Вере, по карте в её руках, по папке «Колыбель». Он быстро ушёл.

Левин взял ленту.

Вера ждала.

Он прочёл первые строки. В его лице ничего не дрогнуло.

Прочёл дальше — и пальцы на бумаге побелели.

— Покажите, — сказала Вера.

— Нет.

— Это про сорок второй?

— Я не знаю.

— Тогда почему вы так смотрите?

Он сложил ленту вдвое.

— Потому что это касается не только вашей матери.

— Что там?

— Новый очаг на товарной станции. Перехвачены документы, связанные с немецкой сетью. Есть сведения о нескольких составах, которые могли быть отмечены заранее.

— Отмечены кем?

— Я выясню.

— А я?

Левин положил радиограмму на стол, прижал ладонью.

— Вы останетесь здесь до вечера.

Вера коротко усмехнулась, без веселья.

— Это приказ или просьба?

— Приказ я могу оформить. Но я прошу.

— Зачем?

— Потому что вы видели бумаги курьера и занимались накладными. Вы заметили несоответствия, которые другие пропустили. В «Векторе» сейчас собирают документы с нескольких направлений. Возможно, вы сможете увидеть связь.

— Вы хотите посадить меня за работу.

— Я хочу дать вам возможность получить сведения, которых вы требуете.

— В обмен на что?

— Не в обмен. Мы оба заинтересованы в том, чтобы найти маршрут.

— Не ставьте нас рядом.

— Хорошо. Вы заинтересованы в том, чтобы найти вашу мать. Я заинтересован в том, чтобы остановить то, что уже вышло за пределы одной станции.

Вера подошла к окну. За стеклом лежал внутренний двор. Санитарная машина, которая стояла у входа, уже уехала. На её месте остались мокрые следы шин. Солдат у ворот курил, прикрывая спичку ладонями. В дальнем корпусе погас свет в одном окне и сразу загорелся в другом.

Мать ехала где-то на запад или на север, или уже свернула на ветку, которой не было на гражданских картах. Вера не знала, в каком вагоне она теперь сидит, есть ли рядом вода, слышит ли Мария стук колёс, держит ли свой саквояж на коленях. У неё не было ни направления, ни фамилии начальника эшелона, ни станции назначения.

Зато здесь, в комнате с папками, лежали люди, которые решали, что ей знать.

Она повернулась.

— Условия.

Левин выпрямился.

— Я слушаю.

— Никакой лжи о Марии. Если поступает любая сводка по сорок второму, я вижу её первой.

— Вы увидите её сразу, как только я смогу подтвердить, что она не поставит под угрозу операцию.

— Нет.

— Вера Андреевна...

— Вы спросили условия. Я сказала.

Он посмотрел на неё долго, потом кивнул.

— Я буду показывать вам всё, что касается эшелона и что находится у меня.

— Не «будете». Покажете.

— Покажу.

— Второе. Никаких осмотров, процедур, анализов, решений обо мне без моего прямого согласия.

Левин отвёл взгляд.

— В условиях карантина я не могу гарантировать отсутствие обязательных осмотров.

— Если это осмотр на инфекцию — врач скажет мне зачем и что берёт. Если это «Колыбель» — без меня ничего не происходит.

— Я сделаю всё, чтобы это правило соблюдалось.

— Это не ответ.

— Я не обладаю здесь абсолютной властью.

— Зато вы подписываете бумаги.

Он принял удар молча.

— Я распоряжусь, чтобы без вашего ведома никто не проводил процедур, не связанных с непосредственной санитарной необходимостью, — сказал он наконец. — И чтобы любые такие распоряжения проходили через меня.

— Через меня.

- Через вас и через меня.
- Третье: доступ к документам по курьеру.
- В пределах допуска.
- Мой допуск вы тоже решили за меня?
- Нет. Ваш допуск уже был.
- Когда?
- Позже.

Вера подошла к столу. Положила ладонь на папку «Колыбель». Левин не убрал её руку и не попытался отодвинуть папку. Лампа освещала её пальцы, бледные после холода и бессонной ночи.

— Я останусь до вечера, — сказала она. — Потом вы дадите мне всё по сорок второму. Все сводки. Все изменения маршрута. Без вырезанных строк.

- Хорошо.
- И я не прощаю вас.
- Я не прошу.
- Не просите ничего, чего не можете получить.

Левин кивнул.

В дверь снова постучали, теперь настойчивее. За ней раздался голос:

— Товарищ майор, лаборатория просит вас немедленно. Там новый образец. И телеграфисты ждут ответа по Бресту.

Левин взял папку «Колыбель», но Вера накрыла её ладонью прежде, чем он успел убрать её в ящик.

- Она остаётся здесь, — сказала она.
- Нет.

- Тогда я иду с вами.
- В лабораторию нельзя.
- Вы обещали доступ.

— Я обещал документы по эшелону и материалы, с которыми вы сможете работать. Не допуск в заражённый блок.

- Там заражённые?
- Там биологический материал.
- Он не передаётся по воздуху.
- Я знаю. Но это не делает лабораторию безопасным местом.

Вера убрала руку. Левин взял папку, однако не стал прятать её в ящик. Положил сбоку, поверх радиограммы.

— Вам подготовят комнату в административном корпусе, — сказал он. — Принесут документы курьера и транспортные журналы. Орлов зайдёт позже. Ему нужно убедиться, что вы пьёте воду и не падаете в обморок из принципа.

- Я не падаю в обморок.
- Надеюсь.

Он направился к двери, потом остановился.

— Вера Андреевна.

Она не ответила.

- Я не рассчитывал, что всё останется скрытым.
- Нет, — сказала она. — Вы рассчитывали, что успеете решить, когда мне можно знать.

Он медленно кивнул.

— Да.

Телефон на подоконнике зазвонил снова. Резко, требовательно.

Левин снял трубку. Его голос стал служебным:

— Левин.

Вера взяла со стола свою карту. Бумага дрогнула у неё в пальцах, и она сжала её крепче.

— Говорите, — сказал Левин в трубку.

Он слушал, и в комнате снова появились только часы, лампа, папки и утренний свет за окном. Потом его взгляд упал на Веру.

— Понял, — произнёс он. — Передайте: документы не уничтожать. Никого не выпускать. Я буду через пять минут.

Он положил трубку.

— Что там? — спросила Вера.

Левин не ответил сразу.

На столе между ними лежала папка с красной полосой. «Колыбель».

— Это касается не только вашей матери, — сказал он.

Вера посмотрела на папку, потом на него.

— Тогда перестаньте решать за меня.

Глава 6

Вера проснулась оттого, что кто-то прошёл по коридору слишком быстро.

Шаги затихли за матовым стеклом двери, потом послышался приглушённый голос, скрипнула тележка с колёсами, и опять стало тихо. Не по-настоящему тихо — в здании работали трубы, где-то щёлкнул телефонный аппарат, за стеной коротко звякнул металл. Но эти звуки не требовали от неё ответа.

Она лежала поверх чужого одеяла, не раздеваясь. Китель был расстёгнут у горла, ремень лежал на стуле рядом с сумкой. Сапоги стояли у койки, носками к двери. На левом сапоге засох серый полукруг — грязная вода, которую она принесла со станции. Вера смотрела на этот след, пока он не перестал быть следом и не стал просто пятном.

За окном медленно серело. В узкой полосе между двумя корпусами «Вектора» виднелась кирпичная стена, чёрная водосточная труба и край голой ветки. Снега ещё не было, но утро выглядело зимним: белёсым, сырым, без цвета.

На тумбочке стоял стакан воды и стакан с чаем. Чай остыл так давно, что на поверхности появилась тонкая плёнка. Рядом лежал лист, который она несколько раз складывала и направляла за ночь.

Эшелон 42.

Отправление: 05:37, 8 ноября.

Вагон шестой.

Фамилия: Соколова Мария Павловна.

Вера взяла лист двумя пальцами, проверила загнутый угол, разгладила его ладонью. Бумага была тонкая, служебная, с неровным машинописным текстом. Ничего в ней не обещало, что мать найдётся. Ничего не говорило даже о том, куда ушёл эшелон. Только номер, время, вагон.

Она закрыла глаза и сразу увидела другое: тёмное окно, исцарапанное грязью; материнскую ладонь с растопыренными пальцами на стекле; лицо, которое мелькнуло между головами, шарфами, чужими плечами. Потом поезд дёрнулся, толпа подалась вперёд, и Веру отрезало от вагона людской спиной, железным перилом, криками.

Она открыла глаза.

Внутри сумки лежало удостоверение. Вера вынула его, раскрыла. Фотография была сделана два года назад: гладко зачёсанные волосы, прямой взгляд, слишком ровные губы. Лейтенант государственной безопасности Вера Андреевна Соколова. Она задержала большой палец на печати, потом убрала удостоверение обратно.

Пистолет она разобрала на коленях почти машинально. Проверила обойму. Семь патронов. Ещё один в ствол не досылала. Запасная обойма — в боковом кармане сумки. Она пересчитала патроны дважды, хотя знала их число с первого раза, протёрла ладонью холодный металл и собрала оружие.

В дверь постучали.

— Войдите.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял врач из вчерашнего кабинета — тот самый, с сухими руками и усталым лицом, которое не менялось, когда он сообщал человеку то, чего тот слышать не хотел. Сегодня поверх белого халата на нём был серый шерстяной жилет. За его плечом мелькнула медсестра с металлическим лотком.

— Доброе утро, лейтенант Соколова, — сказал врач.

— Утро.

Он вошёл, не приближаясь к койке без необходимости. Медсестра поставила лоток на тумбочку. На нём лежала ампула, градусник и маленькая бутылка с мутноватой жидкостью.

— Вам нужно выпить воды, поесть хотя бы немного и прийти на повторный анализ до полудня.

— Нет.

Врач посмотрел на неё без раздражения.

— Это не просьба, связанная с распорядком учреждения. После вчерашнего осмотра мы должны исключить осложнения.

— Исключайте без меня.

— Это невозможно.

Вера села, поставила ступни на холодный пол. Голова отозвалась тупой тяжестью, но она не дала себе задержаться на этом ощущении.

— Почему вы говорите так, будто я соглашусь здесь остаться?

Врач чуть помедлил. Медсестра опустила глаза на лоток.

— Вы вольны покинуть объект, лейтенант Соколова. Вам никто не объявлял задержание.

— Вольна?

— Да.

— И за воротами меня пропустят?

— В городе вводятся ограничения. Проверяют документы, отдельные районы перекрывают, на вокзалах усилены санитарные посты. Это касается всех.

— А наблюдение за моим состоянием касается не всех.

— Нет, — ответил врач. — Не всех.

Он говорил ровно, без притворного сочувствия. За это Вера почти была готова уважать его.

— Я не буду принимать никаких препаратов без объяснения, — сказала она.

— Согласен. Это раствор глюкозы с аскорбиновой кислотой. Вы почти не ели. У вас признаки обезвоживания.

— Анализ крови?

— Только если вы разрешите.

Она посмотрела на него. Врач не отвёл взгляд.

— Вчера вы брали кровь.

— Вчера у нас был общий допуск на осмотр. Сегодня — нет.

Вера взяла бутылку, прочла этикетку. Печатные буквы расплывались на секунду, пришлось моргнуть. Глюкоза. Аскорбиновая кислота. Дата. Номер партии.

— Оставьте.

Медсестра молча забрала лоток, оставив бутылку и градусник. На выходе она вдруг остановилась.

— Каша в столовой до девяти, товарищ лейтенант, — сказала она тихо. — Если захотите, я принесу сюда.

Вера кивнула, не обещая ничего.

Когда дверь закрылась, она снова взяла лист об эшелоне. На обороте карандашом было выведено: «Сведения уточняются». Почерк принадлежал не Левину. Жёсткие наклонные буквы, сильно продавленные в бумагу.

Сведения уточняются.

Это означало, что кто-то знает больше, чем написал. Или что никто не знает ничего.

Часы на стене показывали без двадцати восемь. Вера поднялась, застегнула китель до конца и надела ремень. В зеркальце над умывальником отразилось лицо с серыми тенями под глазами. Она умылась ледяной водой, не вытирая шею полотенцем до конца, и взяла сумку.

В коридоре пахло хлоркой, спиртом и вчерашним табаком. У стены стоял металлический шкаф с красным крестом, рядом — два стула, на которых никто не сидел. Дежурный у дальнего поста поднял голову, увидел её удостоверение в руке и кивнул.

Никто не остановил её.

Свобода, подумала Вера, в этом здании выглядела как коридор, по которому можно идти только в ту сторону, где тебя уже ждут.

Кабинет Левина находился на втором этаже, за поворотом от рентгеновской. Дверь была открыта. Он сидел за столом в той же тёмной гимнастёрке, что и ночью, только без кителя. На подоконнике дымился стакан крепкого чая. Пепельница была полна окурков.

Левин поднял на неё глаза.

— Вы рано.

— Вы обещали материалы.

— Обещал.

Он протянул руку к закрытому металлическому шкафу, достал ключ из ящика стола, открыл. Внутри стояли папки одинакового серо-зелёного цвета. Он вынул одну, положил перед Верой.

На обложке стоял гриф: «Для служебного пользования. Особый порядок». Ниже от руки было дописано: «Курьер. Материалы по задержанию».

— Часть листов изъята, — сказал Левин. — Я не буду выдавать это за полный доступ.

— Что изъято?

— Оригинал микрофильма, протокол внутреннего допроса до ухудшения состояния задержанного и данные по нескольким адресам.

— Почему?

— Потому что не все эти данные находятся в моём распоряжении.

— А те, что находятся?

— Перед вами.

Вера села напротив. Левин не предложил ей чаю, и она была благодарна за это: любой жест заботы сейчас выглядел бы оскорблением.

В папке сверху лежала копия протокола задержания. Бумага ещё пахла копиркой.

«8 ноября 1950 г., 02 ч. 14 мин. Район товарной ветки, участок между складом 3 и путепроводом...»

Далее шли сухие строки: неизвестный мужчина, предположительно немец, без удостоверяющих документов, при задержании оказал сопротивление; при досмотре обнаружены ложные накладные, железнодорожные коды, ключ от камеры хранения, таблетница, обрывок фотоплёнки.

Вера пролистнула страницу.

На фотокопии лежали два листа грузовых накладных. Штампы были смазаны, номера частично закрашены тушью, но серию она узнала сразу.

Она наклонилась ниже.

— Откуда это?

— Из вещей курьера.

— Я вижу.

На листе значилось: «Техническое стекло. Тридцать ящиков». Получатель — московское снабженческое управление, адрес несуществующего склада. Внизу — номер партии: 4-17/Б. Серия бланка: ТЖ-09, подсерия 36.

У Веры пересохло во рту.

Вчера утром, ещё до станции, до паники, до чужой крови на полу Лубянки, она разбирала дело о пропавших железнодорожных бланках. Десятки чистых накладных исчезли из районной конторы. Тогда это казалось мелкой, неприятной работой: халатность, хищение, возможно, кто-то гонял дефицитный товар мимо учёта. Она заметила, что пропали не все бланки подряд, а листы из нескольких конкретных пачек. В одной из них была серия ТЖ-09, подсерии с тридцать второй по сорок первую.

Она подняла голову.

— Эти бланки числились утраченными.

— Какая именно серия?

— ТЖ-09. Подсерия тридцать шестая. Утром я запросила районную контору. Они прислали опись. Их печать совпадает по форме, но не по составу краски.

Левин подался вперёд.

— Вы уверены?

— Я не буду говорить, если не уверена.

Она придвинула фотокопию к настольной лампе. Печать действительно была похожа на подлинную: круг, звезда, буквы по краю. Но в настоящей печати, которую она видела на описи, буква «Ж» в слове «железнодорожный» имела короткий верхний штрих. Здесь штрих был длиннее и толще. Подделка была сделана с хорошего оттиска, но не с оригинала.

— Накладную печатали не в конторе, — сказала Вера. — Пишущая машинка другая. У них «е» даёт выбитый край справа. Здесь ровно. И бумага не та.

— Бумага?

— В районной конторе бланки сероватые, с волокном. Эти слишком белые. Если это копия, разница могла уйти. Но номерная серия осталась.

Левин молчал, пока она листала дальше.

Следующий лист был обрывком накладной, вырезанным неровно, возможно, изорванным при обыске. На нём сохранились только графы «отправитель», «вес» и кусок маршрута. В графе отправителя стояли две буквы: «В. К.». Внизу — карандашная пометка по-немецки.

Voraus durch Brest.

Вера знала немецкий хуже, чем Левин, но смысл поймала.

— Через Брест? — спросила она.

— «Вперёд через Брест» или «предварительно через Брест». Формулировка не вполне ясна.

— Это не маршрутный штамп.

— Нет.

На следующей странице лежал список железнодорожных кодов. Москва, Смоленск, Орша, Брест. Несколько цифр были обведены красным карандашом. Рядом с Брестом стояло «Q-4». Ниже, уже другим почерком, значилось: «Spette?».

— Карантин? — спросила Вера.

— Вероятно.

— Вероятно — это не ответ.

— Точного значения Q-4 мы пока не установили. Но в служебных сводках западных санитарных узлов встречается похожая маркировка.

Она перевернула лист. Под ним оказалась карта, снятая с какого-то старого немецкого документа. Чёрная линия шла от Москвы на запад, дробилась возле Смоленска, затем снова сходилась у Бреста. Дальше тянулась за край карты. Возле одной из веток было зачёркнуто слово, прочесть которое можно было и без усилий.

WALDHAUS.

Чернила поверх слова были свежими, густыми. Кто-то провёл по нему несколько раз, но буквы проступали.

— Что это? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Вы не знаете или не можете сказать?

Левин посмотрел на карту.

— В данном случае — не знаю. В материалах есть название. Объяснения нет.

Она хотела спросить ещё, но увидела под картой сероватую полоску с перфорацией по краю. Микрофильм. Не сам рулон — только фотография его фрагмента. На увеличении виднелись клетки таблицы и обрывки немецкого текста. В одной колонке повторялись номера грузов. В другой — даты. В третьей были короткие отметки, часть которых закрывала чёрная полоса.

Среди них она различила фамилию, перечёркнутую почти до неузнаваемости: «Falk».

— Это кто?

— Фамилия в документах. Больше пока ничего.

Вера положила лист обратно.

— Курьер вёз не лекарства и не стекло.

— Похоже, нет.

— Он вёз маршрут.

— Похоже.

— И кто-то в Москве пользовался украденными гражданскими бланками, чтобы двигать по железной дороге то, чего не должно существовать в бумагах.

Левин кивнул.

— Мы пока не знаем, сколько звеньев в этой цепи. Возможно, часть документов была подготовлена здесь. Возможно, их просто подбросили в общий поток перевозок. Но вы были правы, когда не закрыли дело утром.

Вера не ответила сразу. От этих слов не стало легче. Её утреннее дело, затерянное среди десятков других, оказалось ниткой, которая вела к ночному курьеру, к крови на Лубянке, к немецкой бумаге и к Бресту. Но признание её правоты не возвращало ей ни одного часа, в котором она не знала, что её жизнь давно лежит в чужой папке под обозначением «К-7».

— У меня была заявка на проверку товарной ветки, — сказала она. — Её кто-то остановил.

— Я знаю.

— Кто?

— Не я.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу подтвердить сейчас.

Она встала так резко, что край стола качнулся. Перед глазами на мгновение потемнело. Вера опёрлась ладонью о папку, переждала слабость и только потом выпрямилась.

Левин заметил это, но не сказал ни слова.

— Данные по эшелону, — произнесла она.

Он кивнул и достал вторую папку. Эта была тоньше первой, почти пустая на вид. На обложке значилось: «Санитарно-эвакуационный поток. 08.11.1950». Номера эшелонов были вписаны от руки.

— Это всё? — спросила Вера.

— Это всё, что удалось получить к утру.

— Вы обещали доступ, а не утешительный листок.

— Я дал вам доступ к тому, что есть у меня.

— Покажите.

Левин повернул папку к ней.

Первой лежала служебная карточка: номер 42, состав — двенадцать вагонов, направление — Москва, 05:37. В графе назначения стояло: «По распоряжению штаба санитарной эвакуации». Ни города, ни станции. В графе «контрольные точки» была печать и машинописная строка: «Проверка маршрута: западный узел».

Вера листнула дальше.

Там имелся список нескольких десятков фамилий. Мария Соколова была в середине, под номером сорок семь. Возраст. Диагноз не указан. Отметка: «Эвакуация. Сопровождение не предусмотрено».

Она прочла фамилию матери дважды, хотя буквы не менялись.

— Почему не предусмотрено? — спросила она.

— Эшелон формировали в спешке. Для части пассажиров сопровождение не было решено.

— Это я уже знаю.

— Да.

Под списком лежала узкая карточка со штампом железнодорожной службы. На ней было написано всего две строки:

« 42. Западное направление. Контроль: БРЕСТ. Передача пакета — по особому каналу».

Ниже стояла дата, но не час. Рядом — подпись, неразборчивая, будто чернила размазали мокрым пальцем.

Вера коснулась слова «Брест» ногтем.

— Почему Брест?

Левин сложил руки на столе.

— Через него проходят основные железнодорожные маршруты на запад, карантинные грузы и военные линии связи. После войны там сохранилась сложная система складов, перевалочных пунктов, закрытых веток. Если эвакуационный поток выводили из Москвы по защищённому маршруту, Брест мог быть контрольной точкой.

— Мог быть.

— Да.

— А мог не быть.

— Мог.

— Эшелон уже там?

— Я не знаю.

— Он прошёл туда?

— Я не знаю.

— Он вообще вышел с первой контрольной станции?

Левин посмотрел на карточку.

— После этой отметки данные обрываются.

Вера медленно выдохнула через нос. Она не позволила себе сжать бумагу. Не потому, что берегла документ. Потому что не хотела давать ему, этому кабинету, этому человеку напротив, права увидеть, насколько легко её сейчас сломать.

— Что значит «передача пакета»?

— Не установлено.

— Не установлено у вас или у тех, кто отправлял эшелон?

— У нас.

— А у них?

— Я запросил архив штаба. Ответа пока нет.

— Кто может его остановить?

— Многие.

— Назовите.

— Нет.

Это короткое «нет» прозвучало спокойнее всего, что он говорил с утра. Вера подняла на него взгляд.

— Вы начали выполнять мои условия, майор, и тут же нашли, где оставить запертую дверь.

— Я не могу назвать людей, пока не знаю, кто из них имеет отношение к исчезновению документов.

— А я должна ждать?

— Нет. Вы можете работать с тем, что есть.

— Моя мать не «то, что есть».

Левин побледнел едва заметно. Может быть, это был только утренний свет.

— Я знаю.

— Нет. Вы знаете её фамилию в списке.

Он не стал возражать.

За дверью раздались быстрые шаги. Кто-то остановился, постучал два раза и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь. На пороге появился капитан, который доставил Веру со станции. Фуражку он держал в руке. На его лице была та же служебная настороженность, что и ночью, но глаза покраснели от недосыпа.

— Товарищ майор, из западного отдела. Срочная линия.

Левин встал.

— Говорите.

Капитан протянул ему листок. Левин прочёл, и его лицо стало ещё более неподвижным.

— Я приму, — сказал он. — Свободны.

Капитан задержался на секунду, глянул на Веру, затем вышел.

— Что там? — спросила она.

— Сообщение из Бреста.

— Читайте.

— Сначала нам нужно закончить этот разговор.

— Нет. Сначала вы прочитаете.

Левин положил листок на стол, но руку не убрал.

— Послушайте. В Брестском карантинном узле произошёл инцидент с грузом, который проходил по документам, близким к тем, что мы нашли у курьера. Есть пострадавшие. Подробности пока не подтверждены.

— Заражение?

— Возможно.

— Воздушный путь?

— Нет. По предварительным данным — контакт с биологическим материалом. Один человек получил глубокую рану при задержании. Второй контактировал с кровью. Это всё, что известно.

Вера почувствовала знакомую сухость в горле. Не страх перед словом, не перед болезнью как таковой. Страх перед тем, как быстро чужая ошибка превращается в закрытый коридор, запёртую станцию, списки без назначения.

— Там есть эшелон 42?

— В сообщении нет.

— Тогда почему вы думаете, что это связано?

— Потому что на месте обнаружили номер грузовой партии 4-17/Б.

Тот же номер, что на поддельной накладной.

Вера посмотрела на фотокопию, лежавшую под лампой.

— Техническое стекло, — сказала она.

— Да.

— И какой груз был на самом деле?

— Неизвестно.

— Вы всё время говорите «неизвестно».

— Потому что я не стану заменять отсутствие данных удобной ложью.

Она усмехнулась без веселья.

— Поздно для этого.

Левин опустил руку с листка.

Несколько секунд они молчали. Из коридора доносился гул голосов, за стеной зазвонил телефон. Кто-то снял трубку, сказал: «Соединяю». Потом опять заскрипела тележка.

Вера закрыла папку с эшелонном, положила ладонь сверху.

— Теперь ответьте на другое, — сказала она.

— На что именно?

— Почему я.

Левин не шевельнулся.

— Мы уже говорили об этом ночью.

— Мы говорили, что вы поставили подпись. Это не ответ.

— Я не могу раскрыть всё, что относится к программе.

— Тогда раскройте то, что можете. Как давно за мной наблюдали?

Он сел обратно.

— После войны программа собирала данные о людях, которые могли представлять интерес для медицинского отдела. Ваше имя появилось в документах несколько лет назад.

— Сколько?

— Четыре года.

Вера кивнула, будто слышала номер дела.

Четыре года. Ей было двадцать два. Она училась, поступала на службу, жила с матерью в комнате на две семьи, спорила с Марией из-за того, что та слишком долго стоит у плиты, потому что от сырости болит спина. Всё это время кто-то заполнял карточки, ставил отметки, решал, годится ли она для чего-то, чего ей не называли.

— По каким данным?

— Медицинским. Биографическим. Служебным.

— Кто передавал?

— Я не знаю всех источников.

— Знала ли моя мать?

Левин ответил не сразу.

— Мария Павловна не давала согласия на то, о чём вы думаете.

— Это не ответ.

— Это единственное, что я могу сказать честно.

— Она знала, что меня включили в программу?

— Не могу подтвердить.

— Не можете или не хотите?

— Не могу.

Вера отвернулась к окну. На стекле лежала тонкая полоса конденсата. За ним по двору шёл санитар в белом халате, неся ящик с бутылками. Он двигался быстро, опустив голову от сырого ветра.

— Были другие кандидатки? — спросила она.

— Да.

— Шесть.

— Да.

— Что с ними?

— Я не скажу.

Она резко обернулась.

— Потому что это секрет?

— Потому что у меня нет права раскрывать чужие личные данные.

— А у вас было право распоряжаться моими?

Левин смотрел на неё прямо.

— Нет.

Это слово не прозвучало признанием, которое могло что-то исправить. Оно только легло между ними тяжёлой вещью, не сдвигая ничего с места.

— Что означает номер семь?

— Вы были седьмым случаем в рабочем списке программы.

— «Случаем».

— Формулировка документа.

— Называйте как хотите. Вы сделали из людей нумерацию.

— Да.

Вера сжала край папки. Кожа на пальцах побелела.

— Зачем?

Левин перевёл взгляд на свои руки.

— Я думал, что смогу ограничить ущерб.

Она ждала продолжения. Он не добавил ничего.

— Вы сделали меня ущербом в отчёте, — сказала Вера.

— Да.

Он произнёс это тихо, почти ровно. И от этой ровности ей захотелось ударить его — не по лицу, не потому что это что-то изменит, а чтобы на секунду вывести из его безупречной дисциплины, заставить его почувствовать простую физическую боль вместо слов, папок, подписей.

Она не двинулась.

— Вы сказали, что пытались остановить программу.

— Пытался.

— Когда?

— Когда понял, что она перестала быть исследованием и стала способом распоряжаться людьми.

— А до этого?

— До этого я убеждал себя, что контролирую последствия.

— Контролировали?

— Нет.

Вера смотрела на него долго. В его ответах не было оправдания. Но не было и полной правды. Он держал её перед собой, как дверь, которую приоткрыли ровно настолько, чтобы она увидела темноту за порогом.

— Беременность, — сказала она. — Она связана с программой. Вы это признали.

— Да.

— Что сделали со мной?

Левин медленно вдохнул.

— Я не могу сообщить вам детали, которых у меня нет подтверждённого права раскрывать.

— У вас есть право скрывать?

— Формально — да.

— А по-человечески?

Он посмотрел на неё. Впервые за всё утро в его лице мелькнуло нечто живое и плохо скрытое — усталость, стыд или страх назвать это вслух.

— По-человечески я не считаю, что имею такое право.

— Но всё равно скрываете.

— Да.

Вера взяла со стола папку курьера и папку эшелона. Она собиралась уйти, но Левин остановил её голосом.

— Послушайте. Вам не нужно принимать решения сейчас.

Она повернулась.

— Все решения уже приняли без меня.

— Не все.

— Какие остались?

Левин постучал пальцем по листку из Бреста.

— «Вектор» формирует оперативную группу. Западное направление. Нужно доставить материалы, проверить следы грузовой цепочки, установить, кто пользовался накладными, и получить доступ к архивам карантинного узла. Возможно, появятся данные по вашему эшелону.

— Возможно.

— Да.

— Вы хотите отправить меня?

— Нет.

Она не ожидала этого и потому не сразу ответила.

— Что?

— Я предлагаю вам остаться в Москве. Пройти наблюдение, восстановиться, получить доступ к тем сведениям, которые сможем собрать отсюда.

— Под надзором.

— Под медицинским наблюдением.

— Назовите это как хотите.

— Я не собираюсь отдавать вам приказ.

— Почему? Потому что теперь боитесь, как это будет выглядеть?

— Потому что после всего, что вам стало известно, приказ с моей стороны был бы ещё одним принуждением.

Вера поставила папки на стол так, что нижняя ударилась углом о дерево.

— А без приказа вы считаете, что я останусь?

— Я считаю, что вы имеете право остаться.

— А если я не останусь?

— Тогда я не буду вас удерживать.

— Даже если это риск?

— Даже если.

Она подошла ближе к столу.

— В Бресте след документов курьера. Там номер партии. Там контрольная отметка эшелона. Вы только что сказали мне, что после Бреста данные обрываются. И вы предлагаете мне сидеть здесь, пока кто-то другой решит, какие страницы мне положено увидеть?

— Я предлагаю вам не ехать туда в состоянии, в котором вы сейчас находитесь.

— В каком?

— Вы не спали. Почти не ели. У вас может начаться ухудшение самочувствия. И вы знаете о своей беременности меньше суток.

— Это не медицинское заключение. Это повод убрать меня с дороги.

— Нет.

— Тогда скажите прямо: вы боитесь, что я увижу то, что вы скрыли.

Левин поднялся.

— Я боюсь, что вы окажетесь в ситуации, где никто не сможет вас защитить.

— Вы уже защищали.

Эти слова остановили его. Он выпрямился, но плечи у него на мгновение стали тяжелее.

Вера продолжила:

— Я еду.

— Вы не обязаны.

— Я не говорила, что обязана. Я сказала: еду.

Он молчал.

— Я работала с накладными, — сказала она. — Я видела серию, которую вы, вероятно, не заметили бы до вечера. Я знаю, как районные конторы оформляют документы, где подделывают печати и как прячут груз в гражданских потоках. Если номер сорок два связан с западным узлом, я буду там.

— Это может оказаться ложным следом.

— Может.

— Там может не быть сведений о вашей матери.

— Может.

— Там может быть опасно.

— Здесь тоже опасно. Только здесь у меня нет выбора.

Левин медленно сел. Он взял чистый лист из стопки, положил его перед собой.

— Если вы поедете, то на каких условиях?

Вера услышала в его вопросе не уступку. Проверку. Возможно, попытку понять, насколько далеко она готова зайти, прежде чем он снова найдёт способ решить за неё. Она не стала отвечать сразу.

— Первое. Я еду как оперативный сотрудник, — сказала она. — Не как пациентка. Не как объект. Не как «К-7».

Левин кивнул.

— Второе. Все сведения об эшелоне 42, которые появятся у группы или у вас, передают мне без задержки.

— В пределах допуска...

— Нет. Если речь о моей матери, без задержки.

— Я могу это обеспечить со своей стороны.

— Так и запишите: со своей стороны.

Он записал.

— Третье. Никаких процедур, обследований, изъятий образцов и прочего без моего прямого согласия.

— Если возникнет прямая угроза вашей жизни—

— Вы объясните, в чём она. И спросите.

Он поднял глаза.

— Хорошо.

— Четвёртое. Любые данные, касающиеся Марии Соколовой, сообщаются мне сразу. Даже если вы не можете раскрыть источник.

— Если данные будут достоверными.

— Если будут новыми.

— Вера Андреевна, непроверенная информация может быть опаснее отсутствия информации.

— Тогда вы скажете: непроверенная. Но не спрячете.

Он сжал карандаш. Потом написал ещё одну строку.

— Пятое, — сказала она. — Немецкие документы, если в них есть «Колыбель», я сама или что-либо, относящееся ко мне, вы мне показываете.

Левин положил карандаш.

— Я не могу обещать вам доступ ко всем архивам.

— Я не просила обещать за архивы. Я сказала: вы показываете.

— Если документ будет у меня и если его содержание касается вас лично, я покажу его.

— И «Колыбели».

— Если документ касается «Колыбели» и не создаёт прямой угрозы операции.

— Это слишком удобно.

— Это предел того, что я могу взять на себя без права распоряжаться чужими службами.

Вера посмотрела на лист. Пять пунктов, написанных его аккуратным почерком. Условия не возвращали ей ничего из прошлого. Не отвечали, откуда взялась беременность. Не говорили, жива ли мать. Не делали «Вектор» менее опасным местом.

Но теперь на бумаге были слова, которые он должен был нарушить открыто, если решит нарушить.

— Добавьте, — сказала она. — Если вы не можете сказать правду, вы говорите, что не можете. Без подмены.

Левин кивнул.

— Добавлю.

Он написал шестой пункт. Затем развернул лист к ней.

Вера прочла всё от начала до конца. На последней строке было: «Условия согласованы для участия лейтенанта Соколовой В. А. в оперативной поездке западного направления».

— «Согласованы»? — спросила она.

— Формулировка вам не подходит?

— Подходит. Пока.

— Подпись?

Она не взяла ручку.

— Сначала распоряжение.

Левин почти незаметно кивнул, как человек, которому напомнили очевидное.

— Разумно.

Он снял трубку телефона.

— Соедините с капитаном Гордеевым... Да, срочно.

Вера отошла к окну. Её мутило, и она не понимала, от голода ли, от усталости или от того, что её тело теперь казалось ей территорией, план которой составили без неё. Она положила ладонь на подоконник. Дерево было холодным, покрытым тонкой пылью.

Через несколько минут капитан вошёл с новой папкой. Он остановился у двери, увидел Веру и Левина, затем положил папку на стол.

— Проект группы, товарищ майор.

— Оставьте.

Капитан вышел, закрыв за собой дверь.

Левин открыл папку. Внутри лежало машинописное распоряжение с ещё не поставленной печатью. В верхней части: «Оперативная группа. Направление: Москва — Брест. Цель: сопровождение специальных материалов, проверка перевозочных документов, взаимодействие с карантинным узлом».

Ниже шёл список.

«Климов И. П.»

«Белова Н. С.»

«Вайс Э. Р.»

Ещё две фамилии, незнакомые Вере, были зачёркнуты красным карандашом. В самом низу стояла её строка.

«Соколова В. А. — особый объект сопровождения. К-7».

Она читала её так долго, что буквы начали распадаться на чёрные значки.

Левин увидел.

Ничего не объясняя, он взял карандаш, перечеркнул всю строку одной ровной линией. Потом перевернул лист, нашёл чистое место внизу и написал:

«Соколова В. А. — оперативный сотрудник. Документальная проверка».

Он подвинул распоряжение к ней.

Вера смотрела на исправление.

— Не надо делать вид, что это отменяет прошлое.

— Не отменяет, — сказал Левин.

— И не делает меня вашей сотрудницей по доброй воле.

— Вы были сотрудницей до этой ночи.

— Нет. До этой ночи я думала, что служу системе, которая хотя бы сообщает человеку, когда использует его жизнь.

Он не ответил.

Вера взяла лист. Фамилии Климова, Беловой и Вайс ничего ей не говорили. Обычные строчки, люди без лиц, с которыми через несколько часов ей предстояло ехать в сторону, где на картах кончались понятные сведения. Она задержалась на слове «Брест».

Слово было знакомым по учебникам, по фронтовым рассказам, по железнодорожным сводкам. Город на границе, узел путей, старые склады, военные линии, чужие языки в бумагах. Теперь он стоял рядом с номером партии, немецкими пометками и исчезнувшим маршрутом эшелона.

— Когда выезд? — спросила она.

— Предварительно сегодня вечером. Если западный узел подтвердит приём, отправитесь военным составом. Если нет — на рассвете.

— Откуда?

— Закрытый грузовой двор. Адрес вам выдадут отдельно.

— Оружие?

— Служебное. Ограниченный боезапас. Дополнительное получите перед выездом, если будет распоряжение.

— Вещи?

— Тёплая одежда, документы, санитарный комплект. Никаких личных вещей сверх необходимого.

— Я возьму свою сумку.

— Возьмёте.

Вера кивнула. Она уже думала не о вещах, а о том, что может спрятать в подкладку, какие записи переписать от руки, какие номера запомнить до того, как папки опять исчезнут за железными дверцами.

Левин вынул из ящика небольшой блокнот в тёмной обложке.

— Возьмите.

— Что это?

— Чистый блокнот.

— У меня есть.

— Этот без учёта. Не для официальных записей.

Она не протянула руку.

— Это тоже часть вашей защиты?

— Нет. Это возможность оставить себе копии того, что вы увидите.

— А вы не станете требовать его обратно?

— Стану, если будет приказ. Но до этого — нет.

Вера взяла блокнот. Бумага была плотная, с водяным знаком. Она перелистнула несколько страниц. Пусто.

— Если в нём окажется что-то лишнее, я пойму, откуда, — сказала она.

— Понимаю.

Он говорил правду или умел произносить её голосом, который звучал как правда. Теперь Вера не могла отличить одно от другого. И не собиралась делать вид, что способна.

В дверь снова постучали. Медсестра заглянула внутрь.

— Товарищ лейтенант, простите. Каша остынет.

Вера посмотрела на часы. Почти девять.

— Несите сюда, — сказала она.

Медсестра исчезла и вернулась с миской, накрытой тарелкой, и ломтем чёрного хлеба. Поставила на край стола, стараясь не смотреть на служебные бумаги.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Когда она ушла, Вера взяла ложку. Каша была жидкая, пшённая, с привкусом подгоревшего молока. Первые две ложки дались тяжело. На третьей тошнота поднялась к горлу, и она остановилась.

Левин встал, налил ей воды из графина.

— Не надо, — сказала она.

— Это вода.

— Я вижу.

Он поставил стакан рядом с миской и отошёл.

Вера съела ещё несколько ложек, медленно, не поднимая глаз. Ей не хотелось принимать от него ничего, даже воду, даже совет врача. Но ей нужно было ехать. Для этого требовалось держаться на ногах, читать документы, не падать в коридоре перед чужими людьми.

Она выпила половину стакана.

— Повторный анализ я сдам до полудня, — сказала она.

— Хорошо.

— Только общий. И в моём присутствии всё подпишут.

— Я распоряжусь.

— Не распоряжайтесь. Передайте врачу мои условия.

Левин едва заметно кивнул.

— Передам.

Она доела хлеб, оставив кашу почти нетронутой. Затем достала из сумки карандаш и переписала в блокнот номера: ТЖ-09, 36; 4-17/Б; Q-4; Москва — Брест; эшелон 42; шестой вагон. Отдельной строкой — WALDHAUS. Она не знала, зачем записала последнее слово. Может быть, потому что его пытались вычеркнуть.

Потом убрала блокнот во внутренний карман кителя.

— Я хочу копии этих листов, — сказала она.

— Копии по курьеру — да. По эшелону — только выписки.

— Почему?

— Оригиналы должны остаться в архиве объекта.

— Я не просила оригиналы.

— Карточка эшелона содержит данные других эвакуированных.

— Закройте фамилии. Номер и маршрут оставьте.

Левин посмотрел на неё с коротким вниманием, в котором не было ни одобрения, ни удивления. Просто признание того, что она продолжала работать.

— Сделаем.

— И копию карты.

— С зачёркнутыми фрагментами.

— Если фрагменты уже зачёркнуты, что вы ещё собираетесь скрыть?

— Координаты служебных объектов.

- Я не просила координаты.
- Тогда получите карту с маршрутом.
- Хорошо.
- Она произнесла это без благодарности.

К полудню «Вектор» стал шумнее. По коридорам ходили люди в халатах и форме, переносили ящики с ампулами, папки, металлические контейнеры с пломбами. В одном из кабинетов спорили о вагонных креплениях; из-за закрытой двери долетали слова «санитарный режим» и «герметичная тара». Никто не говорил о болезни громко. Её называли грузом, материалом, случаем, инцидентом. Вера уже знала, что за аккуратными словами могут скрываться живые люди с лихорадкой, судорогами, потемневшими глазами и чужой кровью на губах.

Она прошла повторный осмотр в маленькой процедурной. Врач объяснил каждое действие прежде, чем к нему приступить. Медсестра вскрыла стерильную иглу при ней, подписала пробирку и повернула этикетку так, чтобы Вера прочла: «Соколова В. А. Общий анализ». Вера отметила это машинально. Не доверяла — проверяла.

- Вам нужен покой, — сказал врач, когда закончил.
- Не сегодня.
- Тогда хотя бы сон до выезда.
- Постараюсь.
- Не носите тяжёлое.
- У меня будет оружие.
- Я имел в виду ящики.
- Я тоже.

Врач устало потёр переносицу.

— При первых признаках сильной боли, кровотечения, потери сознания, высокой температуры вы обязаны сообщить сопровождающему.

- Я сообщу, если это будет необходимо.
- Это необходимо всегда.
- Нет. Не всегда.

Он посмотрел на неё, но спорить не стал.

На обратном пути Вера задержалась у окна в конце коридора. За территориальной оградой Москва жила своей обычной, поломанной тревогой. По улице шёл трамвай, медленно, с тускло освещёнными окнами. Возле булочной стояли люди. У перекрёстка милиционер проверял документы у двух мужчин с чемоданами. Вдали завывала сирена — не длинно, не как воздушная тревога, а короткими предупреждающими гудками. Несколько прохожих подняли головы, но никто не побежал.

Город ещё держался на привычке. На очередях за хлебом, на расписаниях трамваев, на женщинах в платках, несущих сетки, на кондукторах, которые продолжали требовать билеты. Но под этой привычкой уже лежало другое: карантинные посты, закрытые платформы, люди, которые не знали, можно ли прижать ладонь к лицу раненого, не станет ли кровь на рукаве смертельной ошибкой.

Вера вспомнила конвоира на Лубянке. Его крик. Рывок. Выстрел Левина.

Она не видела тогда всей картины. Не знала названия инфекции, не понимала, почему немецкий курьер двигался так, будто боль и страх уже не принадлежали ему. Теперь знала достаточно, чтобы не путать болезнь с мистикой. Nachtröt не поднимал мёртвых. Он ломал живых — нервы, память, тормоза, способность узнать своего. От этого было не легче.

В кабинете Левина её ждали копии. Курьерская папка стала тоньше: из неё убрали несколько листов, но оставили накладные, карту, список кодов и выдержку из протокола. В отдельном конверте лежала выписка по эшелону 42. Фамилии остальных эвакуированных были аккуратно закрашены чёрной тушью. Мария Соколова осталась.

К листам прилагалось распоряжение о выезде. Теперь на нём стояла печать.

«Сбор: 20:00. Грузовой двор, сектор 4. Маршрут: Москва — Брест. Участникам иметь при себе служебное удостоверение, оружие, тёплое обмундирование, средства индивидуальной защиты. О времени отправления сообщить дополнительно».

Строка с её фамилией была перепечатана. «Оперативный сотрудник. Документальная проверка».

Вера прочла её и положила лист.

— Вы быстро работаете, — сказала она.

— Когда нужно.

— А когда не нужно?

Левин не ответил.

На краю стола лежал её лист с условиями. Теперь под текстом стояла его подпись. Рядом оставалось пустое место.

— Если я подпишу, это не значит, что я вам верю, — сказала Вера.

— Я понимаю.

— И не значит, что я согласна с тем, что было сделано.

— Понимаю.

— И если вы нарушите хоть один пункт, я не буду решать это в вашем кабинете.

— Это ваше право.

Она взяла ручку. Чернила легли на бумагу ровной тёмной линией. Вера Андреевна Соколова. Подпись была привычной — такой она подписывала протоколы, рапорты, запросы. Но никогда прежде её подпись не казалась такой тяжёлой.

Она отодвинула лист.

— Я приду к восьми.

— Вам выделили комнату до выезда. Можете отдохнуть.

— Могу.

— Вера Андреевна.

Она уже была у двери.

— Что?

Левин стоял за столом, положив ладони на папки. Лицо его опять стало собранным, служебным. Только пепельница рядом с локтем говорила, что он не спал не меньше её.

— Брест не гарантирует ответ.

— Я знаю.

— И поездка не приблизит вас к матери, если документы окажутся ложными.

— Я знаю.

— Тогда почему вы соглашаетесь?

Вера посмотрела на него.

Ей хотелось сказать: потому что вы не оставили мне ничего другого. Но это было бы неправдой. Другой выбор был. Остаться. Лечь на узкую койку под чужое одеяло. Пить сладкую воду, сдавать анализы, ждать, пока кто-то принесёт новую папку или не принесёт её вовсе. Позволить слову «К-7» снова стать главной строкой в её деле.

Она не хотела ехать. Не хотела видеть западные карантинные посты, чужие грузы, документы, от которых пахло старой немецкой пылью. Не хотела садиться в военный эшелон, когда мать исчезла в другом, под номером сорок два. Не хотела быть беременной и не знать, что именно у неё отняли вместе с правом согласиться.

Но Брест был первым местом, которое существовало не только в тумане чужих обещаний. Его название стояло на карточке эшелона. На накладной курьера. На карте. В донесении о заражённом грузе.

— Потому что там след, — сказала она. — И потому что я не отдам его вам.

Левин кивнул.

— Понимаю.

— Нет, — сказала Вера. — Но вы хотя бы слышите.

Она вышла в коридор.

Дверь закрылась за спиной тихо, почти без звука. Вера остановилась у окна, достала распоряжение и ещё раз прочла первую строку.

Москва — Брест.

Потом сложила бумагу вчетверо и убрала во внутренний карман, рядом с блокнотом и удостоверением.

Это уже не было направлением, которое ей выдали. Это была нить, за которую она собиралась держаться сама.

Глава 7

Машина остановилась перед глухими воротами без вывески. За воротами горели прожекторы, и мокрый снег, падавший редкими тяжёлыми хлопьями, пересекал их свет косыми белыми полосами.

Вера не сразу открыла дверцу.

Она сидела на заднем сиденье, стиснув между коленями потёртую полевую сумку. В сумке лежали документы, выданные ей час назад, запас белья, фляга, две пары шерстяных носков и папка, которую Левин назвал рабочей. Папка была тонкой. Слишком тонкой для всего, что она должна была содержать.

На переднем сиденье водитель «Вектора» молчал, уставившись в ветровое стекло. Левин вышел первым. Его шинель сразу потемнела от снега у плеч.

— Приехали, — сказал он.

Вера взяла сумку и выбралась наружу.

Холод ударил в лицо сырой железной ладонью. Пахло углём, машинным маслом, мокрой древесиной и резкой дезинфекцией. За воротами тянулись грузовые пути. На рельсах лежал серый снег, растоптанный сапогами и присыпанный чёрной сажой. Между составами ходили люди в шинелях, ватниках и железнодорожных куртках. Кто-то катил тележку с ящиками. Где-то хлопнула дверь вагона. Паровоз коротко, зло выпустил пар.

Поезд стоял на третьем пути.

Тёмные товарные вагоны, один почтово-служебный, санитарный с белой полосой и красными крестами на боках, две открытые платформы под брезентом. У платформы солдаты грузили оружейные ящики. Отдельно, под присмотром санитара в резиновом фартуке, переносили невысокие серые контейнеры с красными крестами. На ступенях санитарного вагона другой солдат распылял из ручного баллона едкую жидкость и тут же протирает металл тряпкой.

Поезд не походил на транспорт. Он выглядел приказом, которому придали колёса.

У ближнего вагона железнодорожник в промокшей фуражке спорил с офицером. Железнодорожник размахивал листом, офицер держал руку на кобуре и говорил тихо, но так, что спорить с ним было трудно.

На борту одного из вагонов мелом была выведена цепочка станций. Начало уже размазало снегом и рукавами грузчиков. Читались только две буквы, затем длинная белая полоса и слово «западн.».

Вера задержалась у ворот, разглядывая состав.

— Этот эшелон идёт тем же путём, что сорок второй? — спросила она.

Левин не посмотрел на неё. Он следил, как у платформы натягивают брезентовый ремень.

— До западного узла маршруты могут пересекаться.

— Могут?

— Именно поэтому вы здесь.

Вера повернула к нему голову.

— Вы обещали не лгать о матери.

— Я не лгу. Точной нитки у меня нет.

— У вас её не было или вы мне её не дали?

Левин помолчал. На его воротнике таял снег, собираясь тёмными каплями.

— Сейчас важнее другое, — сказал он.

— Для вас.

— Для всех.

Она могла бы продолжить, но заметила, как он сжал пальцы в кармане шинели. Не от злости. От привычки удерживать то, что нельзя было сказать.

Вера взяла сумку удобнее и пошла к составу.

У вагона, который должен был стать их служебным, стоял высокий человек в старом военном плаще поверх гимнастёрки. Плащ сидел на нём неровно: одна пола была темнее, протёрта по краю, на другой белела засохшая полоска мела. Человек проверял ремень автомата, потом оттянул застёжку кобуры, взглянул на неё и застегнул снова. Движения были спокойные, без показной тщательности.

Он заметил Левина, выпрямился.

Лицо у него было усталым, сухим. На скуле, от виска к щеке, тянулся старый светлый шрам. Глаза смотрели прямо, но без вызова.

— Капитан Климов, — сказал Левин. — Это лейтенант Соколова.

Климов перевёл взгляд на Веру, на её петлицы, на сумку, на мокрые ботинки. Потом кивнул.

— Иван Петрович.

— Вера Андреевна.

Он не протянул руки. И она не стала.

Левин достал из внутреннего кармана сложенный лист с печатью.

— Лейтенант Соколова входит в состав оперативной группы. Работает с перевозочными документами, материалами задержанного курьера и архивными копиями. Имеет допуск к папкам, отмеченным литерой «С».

Климов принял лист, пробежал глазами несколько строк.

— Она полевой сотрудник?

— Да.

— Или московский наблюдатель?

Левин поднял на него взгляд.

— Она будет работать в составе группы.

— Работать с нами или за нами?

Вопрос прозвучал ровно. Вера поняла, что он был задан не для того, чтобы задеть её. Климов спрашивал о вещи, от которой зависело, кого он должен будет вытаскивать из вагона под огнём или уводить из заражённого помещения.

Левин ответил не сразу.

— С вами.

— А если распоряжения из Москвы будут противоречить тому, что у меня на месте?

— Решение по полевой безопасности остаётся за вами.

— Хорошо.

Климов вернул бумагу Левину, но на Веру посмотрел ещё раз.

— В документах сказано: допуск особый. Что именно вы умеете?

— Читать накладные. Сопоставлять маршруты. Задавать вопросы, если номера не сходятся.

— Стрелять?

— Да.

— Перевязку делать?

— Базовую.

— В холодном вагоне двое суток без сна работать можете?

— Могу.

— Это мы проверим в дороге.

Вера кивнула.

— Я не прошу для себя отдельного вагона и не собираюсь мешать вам делать работу.

— Отдельного вагона у нас и нет, — сказал Климов. — Есть один, который не разваливается на ходу. Берегите его.

Левин вмешался, прежде чем разговор успел стать жёстче.

— У Соколовой есть право знакомиться со всеми материалами, касающимися эшелона номер сорок два, западных карантинных маршрутов и немецких бумаг, связанных с делом курьера. В пределах допуска, который указан.

Климов глянул на него.

— А если бумаги окажутся важнее, чем люди?

— Не окажутся.

— Это вы так думаете?

Левин не ответил.

Климов коротко выдохнул через нос и повернулся к Вере.

— В вагон. Там Белова выдаст снаряжение. Через двадцать минут проверка груза. Потом отправление, если железная дорога не придумает новый способ нас задержать.

Он пошёл вдоль состава, проверяя на ходу крепления брезента. Один из солдат вытянулся при его приближении, но Климов только указал на ослабший ремень.

— Подтянуть. На первом торможении ящик уйдёт под колёса.

— Есть.

Вера шагнула к двери служебного вагона. На металлической ступени лежала тонкая корка льда. Она ухватила за поручень — холод прожёл ладонь через перчатку — и поднялась.

Внутри пахло древесиной, железом и старой печью. Вагон был разделён на два тесных отсека. В первом стояли узкие лавки, складной стол, ящик с полевой радиостанцией и две койки, прибитые к стенам. Во втором, за неплотно прикрытой дверью, виднелись шкаф с документами, печка и ещё несколько мест для сна.

На полу, расставив вокруг себя медицинские сумки, сидела женщина в сержантской гимнастёрке. Она проверяла стеклянные ампулы на свет, потом складывала их в мягкие гнёзда футляра. Волосы были собраны под платок, рукава закатаны до запястий. Рядом лежали катушки провода, наушники и прямоугольный корпус радиостанции.

Она подняла глаза.

— Новенькая?

— Лейтенант Соколова.

— Нина Белова. Старший сержант. Если собираетесь падать, предупредите заранее — я хотя бы поймаю, а не наступлю.

Вера сняла сумку с плеча.

— Постараюсь не создавать вам работы.

— Это все так говорят.

Нина встала, открыла длинный ящик у лавки и стала доставать вещи.

— Перевязочный пакет. Фляга. Две пары резиновых перчаток. Не лучшие, но целые. Марлевая повязка — от пыли, дыма и запахов, не от чудес. Карманный фонарь. Таблетки от головы, если не успели заболеть всем остальным.

Она протянула Вере свёрток. Вера взяла его.

— Оружие при вас?

— Пистолет.

— Покажите.

Вера без комментариев расстегнула кобуру, вынула пистолет, поставила на предохранитель и подала рукоятку вперёд.

Нина осмотрела его быстро и умело, проверила магазин, вернула.

— Нормально. Запасной магазин?

— Есть.

— Хорошо. В санитарный вагон без разрешения не заходите. Если придётся заходить — сначала зовёте меня. Кровь голыми руками не трогать. Неважно, чья. Если на вас попала кровь, слюна или что-то из груза, говорите сразу. Раны, царапины, укусы тоже сразу. Не геройствуйте.

— Я не собираюсь.

— Это тоже все говорят.

Вера убрала перчатки в боковой карман сумки.

Нина бросила на неё короткий взгляд, задержавшись на лице.

— Ели сегодня?

— Утром.

— Утром было давно.

— Справлюсь.

— Не сомневаюсь. Но в дороге люди чаще падают от голода, чем от пуля. Секунду.

Она достала из своего вещмешка завернутый в бумагу кусок чёрного хлеба и небольшой жестяной коробок.

— Сухари. Не ресторан, но не отравлены.

Вера хотела отказаться. Запах хлеба, тёплый и кисловатый, вдруг подступил слишком близко. В желудке неприятно сжалось. Она отвернулась к окну, где стекло было затянуто влагой.

Нина ничего не сказала. Только положила свёрток на край стола.

— Потом съедите.

— Спасибо.

— Не благодарите. Я потом припомню.

Вера села на край лавки, открыла сумку и проверила документы. Под бумагами лежала её записная книжка. На первом чистом листе она написала дату: «8 ноября 1950. Вечер». Ниже — «западный маршрут». Потом остановилась.

Нина присела перед радиостанцией и подсоединила провод к аккумулятору.

— До Бреста с нами? — спросила она, не оборачиваясь.

— Пока не найду то, за чем еду.

— Ясно.

В её голосе не было любопытства. Только отметка: услышала, поняла, отложила до времени, когда вопрос станет нужным.

Снаружи кто-то крикнул:

— Белова! Аптечку к санитарному!

Нина сразу поднялась.

— Не разбирайте мои провода, лейтенант. Они мстительные.

Она накинула на плечо медицинскую сумку и вышла.

Вера осталась одна на несколько секунд. Вагон покачивался от чужих шагов на сцепке. За стеной стучали ящики. У печки кто-то недавно сушил мокрые рукавицы: пахло шерстью и железом.

Она вынула лист, который дал Левин утром. Пропуск на поезд. Фамилия, звание, подпись. Ниже — сухая строка: «Включить в группу без ограничений по перемещению в служебном вагоне». Без ограничений. Формулировка, которую можно было прочесть как свободу или как новый вид учёта.

Вера сложила лист и убрала обратно.

— Лейтенант Соколова?

Голос был тихий, ровный. Он прозвучал из соседнего отсека.

Вера поднялась и прошла за перегородку.

За складным столом сидела женщина в тёмном шерстяном платье под короткой военной курткой. На столе горела закрытая лампа. Свет ложился на карту западных железнодорожных линий, фотокопии накладных, куски кальки и маленький увеличитель в металлической оправе.

Женщина держала в руке пинцет. Ногти у неё были коротко подстрижены, пальцы — тонкие, с чернильным пятном у основания большого.

— Эстер Вайс, — сказала она. — Я работаю с немецкими материалами.

— Вера Соколова.

Эстер кивнула на свободный край стола.

— Если хотите, посмотрите. Ваше дело упоминали в сопроводительной записке.

Вера подошла.

На верхнем листе была немецкая накладная, снятая с микрофильма. Изображение было зернистым, местами выеденным белыми пятнами. В углу стоял прямоугольный штамп. Несколько строк перечёркивала густая чёрная полоса — цензура или чья-то поспешная рука.

Эстер указала пинцетом на номер.

— Видите? Пять цифр, затем буква «К». Это не обычная нумерация медицинского груза. Для заводских партий она слишком короткая, для армейских поставок — слишком разрозненная.

— Что обозначает буква?

— Пока не знаю. Возможно, участок перевозки. Возможно, внутреннюю категорию.

Вера наклонилась ближе. Бумажная пыль, запах старой фотохимии, тонкая кислая нота проявителя. Ей пришлось на секунду задержать дыхание.

В середине листа темнело слово, отпечатанное машинкой: WALDHAUS.

— Что это? — спросила она.

Эстер помолчала, будто выбирала между несколькими равными по неточности ответами.

— «Лесной дом».

— Название места?

— По-немецки может быть и названием места. Может быть названием дома, учреждения, объекта. Но здесь оно стоит не там, где обычно указывают адрес.

— Значит, код?

— Возможно. Или старое обозначение сети. Я не стала бы утверждать точнее.

Вера посмотрела на неё.

— Вы знаете это слово?

Эстер опустила пинцет. Кончик её указательного пальца коснулся строки с WALDHAUS и задержался там чуть дольше, чем требовалось. Потом она убрала руку.

— Я видела его раньше, — сказала она. — В бумагах. Давно.

Она не добавила ничего больше и вернулась к накладной.

Вера не стала давить. Левин научил её: человек, который не хочет говорить, либо боится, либо ждёт, что его заставят. В обоих случаях первые ответы обычно оказывались бесполезны.

— Здесь есть Брест, — заметила Вера.

На карте тонкая синяя линия уходила от Москвы на запад и ветвилась перед крупным узлом.

— Есть железнодорожная ветка, проходящая через него, — поправила Эстер. — Само название в накладной отсутствует. Но номер участка совпадает с серией, которую нашли среди бумаг курьера. И с частью маршрутов, поднятых из вашего первого дела.

— Поддельные накладные.

— Да.

Эстер переложила рядом другой лист. На нём была русская копия ведомости, составленной неровным канцелярским почерком.

— Здесь грузы проходили под видом санитарных материалов. Там — под видом оборудования для карантинных пунктов. Названия менялись. Цифры в середине номера — нет.

Вера провела пальцем по воздуху над строкой, не касаясь бумаги.

— Это мог быть тот же человек?

— Человек, группа, архив. В перевозочной сети документы живут дольше тех, кто их подписывал.

— А эшелон сорок два?

Эстер подняла на неё глаза. В них не было ни жалости, ни раздражения. Только осторожность.

— У него была плановая контрольная точка в западном направлении. Нам это известно.

— Мне известно.

— Тогда вы понимаете, почему я не скажу больше.

— Потому что вам не дали.

— Потому что у меня нет больше.

Вера выпрямилась.

— Если найдёте связь, скажете сразу.

— Скажу.

За стеной хлопнула дверь. В вагон вошёл Климов, стряхивая с плаща снег.

— Через пять минут все наружу. Проверка груза.

Он бросил взгляд на стол, на документы, затем на Веру.

— Нашли что-нибудь, что заставит поезд ехать быстрее?

— Нашли, что он уже слишком долго стоял, — сказала Эстер.

Климов кивнул.

— Это полезнее.

Он повернулся к Вере.

— Соколова, вы со мной. Раз уж знаете эти бумаги, посмотрите ящик. Может, железная дорога решила сама помочь следствию.

Снаружи снег усилился. Он лип к рукавам и таял на лицах. У санитарного вагона уже собрались трое солдат, железнодорожник в фуражке и двое санитаров. На платформе стоял серый ящик размером с дорожный сундук. Белая краска на крышке облупилась. Красный крест был нанесён трафаретом, но поверх него тянулась свежая чёрная полоса.

Одна пломба висела на проволоке, разломанная пополам.

Нина стояла рядом в резиновых перчатках и держала санитарскую сумку раскрытой. Лицо у неё стало собранным, жёстким.

— Никому не подходить, — сказала она. — По ступеням назад. Вы двое, отойдите от ящика. Нет, не туда. К стене вагона, руки видно.

Железнодорожник вспыхнул.

— Да он с сортировочной прибыл уже проверенный! У меня в бумагах отметка.

— Бумаги потом покажете, — ответила Нина. — Сначала отойдите.

— Мне состав выпускать надо, товарищ старший сержант.

— Вам сейчас надо отойти.

Климов подошёл к ящику, не переступая проведённую Ниной границу.

— Кто обнаружил пломбу?

Один из солдат поднял руку.

— Я, товарищ капитан. Когда груз снимали с тележки. Она уже была сорвана.

— Кто принимал?

Железнодорожник вытащил из-под полы пачку документов.

— Вот накладная. Груз из санитарного склада. Пункт назначения в ведомости стоит, всё как положено. Я не распоряжаюсь, я передаю.

Климов взял бумагу за край, не касаясь пальцами того места, где её держал железнодорожник.

— Белова.

Нина достала из сумки маленький флакон, смочила кусок марли и протёрла документ с обеих сторон.

— Теперь можно.

Климов передал бумагу Вере.

На накладной стояли печати двух московских складов, подпись дежурного и номер партии. Первые цифры были другими, но сочетание последних трёх — «417-К» — Вера уже видела. Утром, в папке по делу курьера. Там номер был обрезан на фотокопии, но окончание читалось ясно.

Она почувствовала, как холод уходит из пальцев.

— Этот номер встречался в материалах курьера, — сказала она.

Железнодорожник побледнел.

— Какого курьера?

— Вам не нужно знать, — отрезал Климов. — Вам нужно вспомнить: откуда ящик доставили.

— Со второго санитарного склада. Через тупик у ремонтных мастерских. Там всё по ведомости. Мне сказали — перегрузить до отправления.

— Кто сказал?

— Начальник смены. Фамилию не знаю. В серой шапке, с пропуском.

Климов посмотрел на него с тем выражением, с каким смотрят на человека, который сообщил, что видел вчера дождь.

— Найдите его.

— Сейчас?

— Сейчас.

Железнодорожник замялся.

— Но поезд...

— Поезд подождёт.

У ящика тихо звякнуло стекло.

Все замерли.

Звук был слабый, почти случайный. Но Вера увидела, как Нина мгновенно перевела взгляд на крышку, как солдат у платформы непроизвольно отступил на шаг.

Климов поднял ладонь.

— Никому не двигаться.

Нина наклонилась к ящику, не касаясь его. Через щель у сорванной пломбы тянулась тёмная нить жидкости. Она уже подсыхала на краю дерева.

— Кровь? — спросил один из санитаров.

— Не знаю, — сказала Нина. — И вы не будете проверять пальцем.

Она открыла сумку, вынула металлические щипцы, дополнительную пару толстых перчаток и защитные очки.

— Нужно перенести в изоляцию.

— Сначала вскрыть, — сказал санитар.

Нина повернула к нему голову.

— На открытой платформе, под снегом, без бокса и без нормального света?

— Если там человек...

— Там ящик.

— Там может быть биоматериал.

— Именно поэтому он поедет не с нами.

Климов посмотрел на Левина. Тот подошёл незаметно; Вера не видела, откуда он появился. Он стоял на расстоянии, руки в карманах шинели, лицо неподвижное.

— Ваше решение? — спросил Климов.

Левин окинул ящик взглядом.

— Оставить на объекте. Вскрытие проводить в изоляции.

— А поезд?

— Отправлять без груза.

Железнодорожник, всё ещё стоявший у стены, выдохнул так шумно, что на него обернулись.

— Товарищ майор, там же документы...

— Документы останутся с грузом.

— Мне за это голову снимут.

— Если вы сегодня будете выполнять то, что вам сказано, голову вам оставят.

Левин сказал это без угрозы. От этого слова прозвучали хуже.

Эстер подошла ближе, остановилась рядом с Верой.

— На крышке есть надпись, — сказала она.

Под слоем грязи и старой краски, ниже красного креста, виднелись несколько букв, нанесённых чёрной тушью. Их почти смыло водой.

Эстер прищурилась.

— Не трогайте, — предупредила Нина.

— Не трогаю.

Эстер наклонилась.

— «Nicht öffnen...» Не открывать. Дальше не видно.

— Почему по-немецки? — спросила Вера.

— Потому что ящик мог быть старым. Потому что его могли использовать повторно.

Потому что кто-то хотел, чтобы надпись прочёл только тот, кто умеет.

— И вы умеете.

— Да.

Климов посмотрел на Левина.

— Неплохой груз для санитарного склада.

— Это не наш груз, — ответил Левин.

— Теперь уже наш.

Нина выпрямилась.

— Мне нужны двое в перчатках и брезент. Пломбу не трогаем. Оборачиваем целиком.

Потом в изоляционный бокс.

— Я дам людей, — сказал Климов.

— Дайте тех, кто умеет слушать.

Он кивнул на двух солдат.

— Слышали?

— Так точно.

— Если она сказала «не трогать», значит, не трогать. Если я скажу «бежать», значит, бежать быстро. Остальное потом.

Солдаты подошли к Нине. Она выдала им перчатки, объяснила, где держать брезент, как не касаться щели. Один из них, молодой, с красными от холода ушами, спросил:

— Товарищ старший сержант, а через ткань...

— Через ткань не заразитесь, если не испачкаете руки и лицо. Работайте головой. Она пока у вас есть.

Он сглотнул и кивнул.

Вера стояла рядом с Климовым. Тот держал ладонь на ремне автомата, но смотрел не на людей, а на пространство вокруг: на открытые двери вагонов, на железнодорожника, на санитаря, на снег, который ложился на крышку ящика и тут же таял возле щели.

— Вы видели этот номер в своих бумагах? — спросил он тихо.

— Последние цифры. И букву.

— Насколько это надёжно?

— Для того, чтобы не брать ящик с собой, достаточно.

— Я не про ящик.

Вера посмотрела на него.

— Пока не знаю.

— Хороший ответ.

— Другого нет.

Климов несколько секунд молчал.

— В поле плохие ответы часто лучше уверенных.

Нина с солдатами уже натягивала брезент. Двигались они аккуратно, медленно. Ящик скрылся под серой тканью. Где-то далеко на путях лязгнули сцепки, и Вера вздрогнула раньше, чем успела это остановить.

Климов заметил, но ничего не сказал.

Левин подозвал одного из сотрудников в тёмной шинели и передал ему папку.

— Изоляция, опись, проверка всех сопроводительных лиц. Накладные отдельно. Никого из присутствующих не отпускать до опроса.

— А железнодорожника?

— Особенно железнодорожника.

Тот побледнел ещё сильнее.

— Я не...

— Я знаю, — перебил Левин. — Поэтому и расскажете всё по порядку.

Когда брезентовый свёрток увезли по направлению к складу, движение во дворе стало возвращаться к прежнему нервному ритму. Солдаты снова потащили ящики. Паровоз дал длинный гудок. Железнодорожник, сопровождаемый сотрудником, ушёл, оглядываясь через плечо.

Климов вытер мокрый снег со лба тыльной стороной перчатки.

— По местам. Отправление через десять минут.

— Через семь, — поправил его голос с путей. — Если тормоза дадут!

— Через семь, — повторил Климов. — Белова, связь?

— Проверяю.

— Вайс, документы закрепить. Соколова...

Вера ждала.

— Возьмите своё. И не пропадайте.

Она коротко кивнула.

Левин остался у санитарного вагона, разговаривая с человеком из изоляционной службы. Вера пошла к своему вагону, но на середине платформы остановилась.

Снег здесь почти не долетал до земли: его сдувало паром и горячим дыханием локомотива. Рельсы блестели под прожектором. За составом виднелись дальние пути, на которых стояли другие вагоны — пустые, заколоченные, с распахнутыми дверями. У одного толпились люди в шинелях. У другого санитар в белой повязке на рукаве водил фонарём по чьим-то документам.

Где-то на этой железной дороге, в темноте между узлами, шёл или стоял шестой вагон эшелона номер сорок два. Мать могла сидеть у окна, держать на коленях свёрток, слушать скрип колёс и не знать, что Вера смотрит сейчас на другой состав, на ту же чёрную сеть путей.

— Соколова.

Она обернулась.

Левин шёл к ней один. В руке он держал сложенный лист.

Он остановился в шаге, не пытаясь приблизиться больше.

— Вы можете остаться.

— Что?

— До отправления ещё несколько минут. Если передумаете, я не буду удерживать вас физически. Вас вернут на объект.

Вера посмотрела на него.

— Вы решили предложить мне выбор?

— Да.

— После того как уже решили, куда меня везти, что мне сообщать и под каким номером записывать?

Левин не отвёл глаз.

— Я не буду спорить.

— Это удобно.

— Возможно.

Она почувствовала, как усталость поднимается тяжёлой волной, смешиваясь со злостью. Хотелось сказать много. О матери. О папках с её фамилией. О слове «кандидатка», напечатанном чужой рукой так спокойно, будто речь шла о детали прибора. О том, что он стоял рядом и знал больше, чем говорил.

Но поезд уже ждал. И запад оставался единственным направлением, где могла быть хоть какая-то отметка.

— Я не останусь, — сказала Вера.

Левин протянул лист.

— Частично открытая сводка по эшелону номер сорок два. Больше мне пока не дали.

Она взяла бумагу.

В верхней строке стояла дата. Ниже — номер состава. Несколько граф были закрыты чёрными прямоугольниками. Вера пробежала глазами: «последняя подтверждённая контрольная отметка отсутствует». «Западный узел — плановая точка». «Сведения о последующем прохождении требуют проверки».

Она перечитала последнюю строку.

— Это всё?

— Это всё, что подтверждено.

— А неподтверждённое?

— Неподтверждённое я не стану выдавать за факт.

— Вы многое умеете не выдавать.

— Да.

Она сложила лист пополам. Пальцы дрожали от холода, и ей пришлось сжать их сильнее.

— Если получите что-то ещё?

— Передам по радиоканалу. Или лично, если буду рядом.

— Говорите прямо, Левин.

— Я говорю прямо. След есть только до западного направления. Дальше — пустота.

Вера убрала сводку в папку.

— Тогда я поеду в пустоту.

Левин кивнул.

Он посмотрел на её сумку, на ремень кобуры, на расстёгнутую верхнюю пуговицу шинели. Поднял руку, но остановился, не коснувшись её. Потом всё-таки указал пальцем.

— Застегните ворот. На ходу будет холоднее.

Она застегнула.

— Ещё что-нибудь?

— Нет.

Он помедлил.

— Берегите себя.

Вера посмотрела на него без благодарности.

— Теперь это моя работа.

Из вагона высунулась Нина.

— Лейтенант! Если вы решили ночевать на платформе, берите хотя бы одеяло!

Вера повернулась и пошла к двери.

Левин остался под прожектором. Снег оседал на его плечах, но он не шевелился, пока она не поднялась в вагон.

Внутри стало теснее. Климов сидел у двери, проверяя список личного состава. На полу возле его сапог лежали три автомата, закреплённые ремнями к стене. Он называл фамилии, и люди отвечали из разных концов вагона.

— Белова.

— Здесь.

— Вайс.

— Здесь.

— Соколова.

— Здесь.

Климов поднял глаза от листа.

— Выходить без команды не будете. Документы не оставлять. Если состав остановится ночью, сначала ждёте приказа. Если начнётся проверка — оружие не вытаскивать, пока не поймёте, кто перед вами. Понятно?

— Понятно, — ответила Вера.

— Вайс, бумаги?

Эстер сидела за столом, затягивая брезентовым ремнём металлический ящик с папками.

— Закреплены.

— Белова, связь?

Нина в наушниках крутила ручку настройки. Радиостанция тихо потрескивала. Рядом с ней стояла фляга Веры и свёрток с хлебом, который Нина успела подвинуть ближе, не спрашивая разрешения.

— Основной канал есть. Запасной шумит, но слышно. До первого узла должны вести.

— Должны — плохое слово.

— Другого у меня нет, товарищ капитан.

Климов хмыкнул.

— Тогда работайте.

Вера села у окна. Стекло было мутным, по нему ползли тонкие струйки воды. Она провела рукавом, освобождая узкую полоску обзора.

Снаружи люди отходили от состава. Дежурный махнул фонарём. Где-то впереди хлопнуло железо, потом раздался короткий ответный удар сцепок. Вагон дёрнуло так, что Вера упёрлась ладонью в край стола.

Нина мгновенно придержала радиостанцию.

— Вот за что я люблю железную дорогу, — сказала она. — Всё прикручено, а всё равно хочет жить отдельно.

— Прикрути лучше, — ответил Климов.

— Уже.

Эшелон тронулся медленно, тяжело. За окном поплыли прожекторы, штабеля ящиков, чёрные силуэты людей. Промелькнул санитарный вагон, оставшийся на соседнем пути. У его двери стояли двое в резиновых фартуках. Дальше — ворота, будка охраны, столб с облезлой табличкой, которую Вера не успела прочесть.

Москва начала уходить назад.

Сначала медленно, рывками, между складами и путями. Потом быстрее. В окне мелькнули фабричные трубы, чёрные от копоти стены, редкие жёлтые окна. На мосту стоял часовой, подняв воротник. Провода тянулись над путями тонкими тёмными линиями. Снег ложился на крыши вагонов и тут же слетал от ветра.

Вера положила папку на колени, но не открывала её.

Напротив сидела Эстер. Она сняла перчатки, аккуратно сложила их в карман и посмотрела в окно.

— Слово на ящике, — сказала Вера. — Вы успели прочесть что-то ещё?

Эстер перевела взгляд на неё.

— Только «не открывать». Остальное стёрто.

— Это мог быть тот же груз, что в немецкой накладной?

— Мог. Но у нас слишком мало данных.

— Вы часто так отвечаете?

— Когда данных мало — да.

Вера кивнула.

Эстер чуть помолчала.

— В документах иногда важнее не то, что написано. Важнее, куда бумагу положили, кто поставил печать не в той графе, какой маршрут вычеркнули слишком тщательно. Тот ящик мог быть случайностью. Но случайности редко требуют немецких предупреждений.

— Или кто-то хотел, чтобы мы так подумали.

— И это возможно.

Климов, не поднимая головы от списка, сказал:

— Хорошо. Значит, думаем оба варианта. По делу.

Нина сняла один наушник.

— Капитан, по графику мы должны пройти первый контрольный пост до полуночи. Потом связь через узел.

— Если узел живой.

— Очень бодрая мысль.

— Я стараюсь.

Нина посмотрела на Веру.

— Хлеб всё ещё лежит.

— Я вижу.

— Отлично. Значит, осталось только съесть.

Вера развернула бумагу. Хлеб был холодный, плотный. Она отломилась небольшой кусок, заставила себя прожевать. Нина не следила, но угол её рта чуть дрогнул.

Паровоз тянул состав на запад. Колёса отбивали ровный, глухой ритм. Вагон качался, и от этой качки у Веры ненадолго потемнело перед глазами. Она закрыла глаза, сделала медленный вдох через нос.

Нина заметила.

— Укачивает?

— Нет.

— Хорошо. Тогда просто сидите ближе к окну. Там прохладнее.

— Я в порядке.

— Это не вопрос был.

Вера хотела возразить, но не стала. Пересела чуть ближе к стеклу. Холод от окна успокаивал.

Климов закончил со списком, убрал его в планшет и поднялся. Прошёл по вагону, проверяя ремни на ящиках. У каждого задерживался на секунду, подтягивал пряжку, слушал, как стучит металл. Возле стола Эстер он остановился.

— Бумаги должны быть под рукой.

— Они под рукой. И закреплены.

— Если затормозим резко, ящик уйдёт.

— Не уйдёт.

Климов потянул ремень. Тот не поддался.

— Хорошо.

Он прошёл дальше и у двери посмотрел на Веру.

— Соколова.

— Да?

— Вы были на станции сбора?

Вопрос прозвучал неожиданно. Вера не ответила сразу.

— Да.

— Там, откуда ушёл сорок второй?

— Да.

— Что видели?

Она сжала хлеб в пальцах.

— Людей. Давку. Списки, которые менялись быстрее, чем их переписывали. Санитарные машины. Охрану. Вагоны.

— Медицинские грузы?

— Не там.

— Подозрительных?

— Все были подозрительными. Никто не понимал, кого и куда везут.

Климов кивнул, принимая ответ.

— Ладно.

— Зачем спрашиваете?

— Сверяю картину.

— С чьей?

— С той, которую мне дали.

— И какая вам дана?

Он посмотрел на неё внимательно.

— Слишком чистая.

Вера ничего не сказала.

Климов сел на прежнее место.

— Мне сообщили, что на западных линиях перебои с карантинными составами. Что где-то пропадают документы, где-то — люди, где-то приходит груз без отправителя. Мне дали переводчицу, связистку, двух бойцов и вас. Значит, кто-то наверху считает, что бумаги важны.

— Они важны.

— Я знаю. Вопрос — кому.

— Мне, — сказала Вера. — Потому что в них может быть след моей матери.

Вагон качнуло. Нина перестала возиться с проводом. Эстер опустила глаза на карту.

Климов не изменился в лице.

— Понял.

— Это меняет что-то?

— Нет. Но я понял.

Он помолчал.

— В поле есть правило. Если человек едет по личному делу, он либо держится лучше всех, либо ломается раньше остальных. Я не знаю, какой вариант ваш.

— Я тоже.

— Узнаем.

Вера отвернулась к окну.

За стеклом тянулись чёрные окраины. Потом склады кончились. Появились пустые полосы земли, редкие дома, огни переездов. Москва растворялась за спиной, пряталась в дыму и снегу.

Радиостанция треснула.

Нина подняла голову. Потрескивание повторилось, стало резче.

— Приём, «Западный-четыре», — сказала она в микрофон. — «Западный-четыре», подтвердите прохождение состава семьдесят один. Приём.

Ответа не было. Только сухой шум.

Нина повернула ручку настройки.

— «Западный-четыре», ответьте. Состав семьдесят один вышел по графику. Приём.

Радиостанция зашипела. Потом из динамика донёсся чужой голос, далёкий, прерывистый. Слова тонули в помехах.

Нина быстро записывала карандашом на листке.

— Повторите. Повторите медленнее.

Вагон затих. Даже Климов перестал проверять ремни.

Голос прорезался снова, на этот раз отчётливее:

— ...карантинный пост... Берест-2... связь отсутствует с ноль четырёх десять... повторяю: контрольная точка не отвечает... причины не установлены...

Связь оборвалась.

Нина сняла наушники.

— Берест-2 молчит с утра, — сказала она.

Климов посмотрел на карту, потом на тёмное окно.

— Передайте диспетчеру: приняли. Запросить резервный канал и ближайшие посты.

— Уже.

Эстер медленно раскрыла папку и положила рядом лист с немецкой накладной. Слово WALDHAUS лежало под светом лампы, чёрное и сухое.

Вера прижала ладонь к папке со сводкой по эшелону номер сорок два.

Поезд набирал ход.

Первая контрольная точка на западе уже молчала.

Глава 8

Служебный эшелон сбросил ход так плавно, что Вера заметила остановку не по толчку, а по тому, как за окном перестали ползти чёрные шпалы. Паровоз впереди тяжело выдохнул, и этот выдох долго тянулся над путями белой полосой, которую ветер тут же рвал на куски.

За стеклом стояла ночь — мокрая, низкая, с редким снегом, летевшим почти горизонтально. Прожекторы карантинного поста били в неё жёлтыми конусами. Один освещал открытый шлагбаум, другой — пустую площадку перед диспетчерской, третий упрямо светил в боковой путь, где стоял санитарный вагон с запотевшими окнами.

Ни людей, ни караула.

Нина сидела у переносной радиостанции, прижав наушник к одному уху. На лице у неё была та сосредоточенность, которая появлялась всякий раз, когда аппаратура упрямо отказывалась вести себя как аппаратура.

— Берест-2, ответьте, — сказала она в микрофон. — Берест-2, это служебный эшелон «Запад-четыре». Подтвердите приём.

В наушниках зашуршало. Коротко щёлкнуло. Потом снова только ровный, сухой треск.

Нина повторила вызов на другой частоте. Затем на третьей. Повернула регулятор, прислушалась, нахмурилась.

— Радиостанция поста включена, — сказала она. — Несущая есть. Людей нет.

Климов стоял у двери вагона, придерживая ладонью ремень автомата. Он не смотрел на Веру, но говорил так, чтобы слышали все.

— Двери не открывать. Сначала пути и посты.

— Видно что-нибудь? — спросила Вера.

Он кивнул в сторону окна.

Она подошла ближе. Внизу, у самой насыпи, грязный снег был исчерчен следами. Сапоги. Несколько пар, шедших к пропускному пункту. Потом следы расплзались: одни уходили к складу, другие к медбарaku, третьи — к санитарной машине. У машины была распахнута водительская дверь. Внутри горела лампочка, отбрасывая на сиденье тусклый прямоугольник.

На главном пути, под дальним прожектором, стояла дрезина. Её двигатель, видимо, недавно работал: над капотом ещё дрожал пар. Но в кабине никого не было.

— Берест-2, — тихо сказала Эстер, глядя на карту, расправленную на откидном столике. — Формально передовой карантинный пункт Брестского узла. Не город. Товарная ветка перед развилкой. Здесь проверяли санитарные маршруты, перегружали изолированные грузы и выпускали составы дальше по направлениям.

Вера посмотрела на условные линии. До Бреста оставалось меньше тридцати вёрст. Толстая линия магистрали уходила на запад, к узлу. От неё расходились тонкие ветки, отмеченные карандашом и чернилами. Берест-2 находился у самой горловины, как пробка в бутылочном горле.

Если здесь оборвали работу, дальше могло быть что угодно.

Климов коротко постучал в перегородку. Машинист выглянул из тамбура.

— Пар держать. Свет в вагонах приглушить. Никого наружу без моего приказа.

— Есть.

— Если услышите стрельбу, состав не двигать, пока не получите сигнал от Беловой. Понятно?

— Понятно, товарищ капитан.

Климов повернулся к группе.

— Слушать внимательно. Пост мёртвый — это ещё не значит, что там никого нет. Возможен больной, возможно, несколько. Вера — со мной, диспетчерская и склад. Эстер — только

рядом с нами, бумаги и схемы. Нина, проверяешь связь снаружи, потом медпункт. Аптечка, перчатки, фонарь. Если требуется войти —ходишь не одна. Оружие наготове. Без самодея-тельности.

Нина подняла на него глаза.

— А если связь оживёт и начнёт рассказывать мне сказки?

— Запишешь.

— Очень люблю сказки в три часа ночи.

Климов не ответил. Нина встала, закинула через плечо сумку с красным крестом, взяла рацию. Её сухая усмешка исчезла, едва она проверила застёжки на сумке.

Вера достала пистолет. Металл был холоднее пальцев. Она проверила предохранитель, магазин, снова посмотрела в окно. Открытый шлагбаум качнулся от ветра и тихо ударил по ограничителю.

Климов отпер дверь. В вагон немедленно ворвался снег с угольной пылью.

— По местам.

Они спустились на гравий.

Снег под ногами был серым. Рельсы блестели, покрытые тонкой водой. От застывшего локомотива тянуло мокрым железом, мазутом и старым дымом. Прожектор щёлкнул, дрогнул, но не погас.

Климов шёл первым, не торопясь, осматривая окна, дверные проёмы, пространство между вагонами. Вера держалась на шаг левее. Эстер была позади неё, прижимая к груди кожаную папку с картами. Нина замыкала короткую цепочку, то и дело поглядывая на радиостан-цию.

У пропускного пункта в грязи лежала фуражка. На околыше темнела мокрая полоса, не кровь — просто талая вода и сажа. Рядом валялся карабин. Затвор был открыт, ремень затоптан.

Климов присел, не касаясь оружия.

— Патронов нет.

— Унесли? — спросила Вера.

— Или успели расстрелять.

Он поднял взгляд на окна будки. Стекло в одном было разбито изнутри. На подоконнике торчали щепки.

— Дальше.

Диспетчерская стояла в двадцати шагах за шлагбаумом. Низкое деревянное здание, оби-тое тёмными досками, с выцветшей табличкой над дверью. Дверь была не заперта и раскачи-валась на петлях. Каждый порыв ветра двигал её на ладонь; петли отвечали тонким скрипом.

Климов остановился у крыльца, поднял руку. Прислушался.

Внутри щёлкала телеграфная аппаратура.

— Я справа, — сказал он. — Вера, за мной. Эстер, Нина — здесь. Не входить, пока не позову.

Он толкнул дверь носком сапога и сразу ушёл к стене. Вера вошла следом.

В комнате горела настольная лампа под зелёным абажуром. Свет ложился на раскрытый журнал смены, на чернильницу без крышки, на кружку с коричневым ободком по краю. Чай в ней застыл тёмной плёнкой. Телефонная трубка лежала на полу возле стола. Провод был натянут и уходил под шкаф, где его срезали неровно, тупым ножом или кусачками.

На стене висела большая схема путей. Красным карандашом на ней были проведены стрелки, кружки, номера вагонов. В нижнем углу — таблица с расписанием дежурств. Под ней кто-то оставил одну резиновую перчатку, вывернутую наизнанку.

Вера почувствовала запах. Хлорка, сырая шерсть, железо. И ещё что-то едкое, от чего горло сжалось.

Она отвернулась к окну, сделала медленный вдох через рукав.

— Плохо? — тихо спросил Климов.

— Нет. Запах.

Он кивнул без лишних слов.

На полу у стола виднелись следы мокрых подошв. Несколько чётких отпечатков уходили от входа к дальней двери. Там они сбивались, накладывались друг на друга. Два следа тянулись боком, оставляя длинные полосы от каблуков, словно человека волокли или он сам не мог удержаться на ногах.

На пороге дальней двери была маленькая бурая клякса. Вера присела, не дотрагиваясь.

— Кровь, — сказала она.

— Немного, — отозвался Климов. — Не наступать.

Он обошёл комнату, проверил шкаф с оружием. Дверца была выломана, замок вырван вместе с шурупами. Внутри лежала только пустая маслénка и два грязных бинта.

— Караул разоружили или разбежались с оружием, — сказал он.

— Вторая дверь? — спросила Вера.

Климов дёрнул ручку. Та не поддавалась.

— Заперто изнутри.

Из-за двери не доносилось ничего.

Вера подошла к столу. Журнал был раскрыт на странице за восьмое ноября. Почерк дежурного сначала шёл ровными мелкими строчками: время прибытия, номера вагонов, отметки о санитарной проверке, фамилии. После полуночи буквы стали крупнее, чернила расплывались от воды или пота.

23:40 — санитарный вагон С-19. 00:15 — груз закрытый, ведомость приложена. 01:05 — осмотр задержан по распоряжению...

Дальше запись обрывалась. Перо прочертило длинную косую линию до самого края листа.

Вера перевела взгляд на схему путей.

Возле боковой ветки, уходившей к северо-западу, стоял красный кружок. Рядом — почти стёртая цифра. Она наклонилась ближе. Верхняя часть числа была размазана ладонью, но два знака ещё различались.

4... 2.

Она не стала говорить сразу. Взяла карандаш со стола, сравнила нажим и цвет. Красная отметка была старше, чем свежие чёрные записи в журнале; карандаш тупой, линия проведена несколько раз.

— Климов, — сказала она. — Посмотрите.

Он подошёл.

— Что?

— Здесь номер. Частично стёрт. Может быть сорок второй.

— Может быть, — сухо ответил он. — Или сорок седьмой. Не стройте маршрут из пятна.

— Не строю. Фиксирую.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось, потом кивнул.

— Фиксируйте.

Снаружи хрипло пискнула рация.

— Климов, это Белова, — донёсся голос Нины. — Вышла на линию поста. Аппарат жив, кабель — нет. Его резали у распределительного ящика. Не один раз, а с запасом. Идите к медпункту. Там дверь открыта, внутри свет.

— Принял. Не входи одна.

— Я уже научилась считать до двух.

Климов посмотрел на запертую дальнюю дверь.

— Эстер.

Она вошла тихо, сняв перчатки с пальцев, чтобы не испачкать бумагу. Увидела схему, журнал, телефонный провод. Лицо её осталось спокойным, но взгляд задержался на выломанном оружейном шкафу.

— Здесь диспетчер? — спросила она.

— Если жив, то за этой дверью или где-то на территории, — сказал Климов.

Эстер приблизилась к столу, осторожно перелистнула несколько листов журнала.

— Бумаги здесь перебирали, — сказала она. — Видите края? Папки открывали мокрыми руками. Некоторые листы вытащены не по порядку.

Вера обошла стол. В корзине под ним лежали комки бумаги, карточки, обрывки копировальной ленты. Один листок был разорван пополам, но не выброшен: его зажалой ножкой шкафа.

Она наклонилась, подцепила бумагу кончиком карандаша и вытащила.

Это была половина транспортной карточки. Вверху виднелся штамп Береста-2, ниже — машинописная строка: «Транзит. Ожидаемый». Номер состава оказался на оборванном краю. Сохранились только последние две цифры: 42.

Вера почувствовала, как пальцы сжали карандаш.

— Вот, — сказала она.

Эстер посмотрела через её плечо.

— Не трогайте руками. Бумага влажная.

— Уже поздно для чистоты, — заметил Климов.

— Для читаемости не поздно.

Она достала из папки прозрачный конверт, в который обычно убирали особенно хрупкие документы, и Вера передала ей карточку за край. На обороте, почти у самого разрыва, карандашом было написано: «далее». Потом шла стрелка, но её конец ушёл вместе с отсутствующей половиной.

Нина появилась в дверях, не входя полностью.

— Медпункт пустой, — сказала она. — Но там были люди. Двое лежащих мест освобождены наспех. Носилки сдвинуты, ремни расстёгнуты. Карточки на месте. И там есть кровь. Мало. Но есть.

— Сколько пациентов? — спросил Климов.

— По карточкам — трое. Один санитар. У одного температура сорок и две, светобоязнь, спутанность речи. Потом запись: «возбуждение, попытка нападения». У второго — рваная рана предплечья. Третий поступил без фамилии, из санитарного груза.

— Где они?

Нина пожала плечами.

— Если бы знала, не стояла бы в дверях.

Климов оглядел комнату.

— Запертую дверь открываем. Нина — сюда. Эстер, за Веру. Вера, фонарь.

— Может, там диспетчер, — сказала Вера.

— Может, — ответил Климов. — Поэтому без резких движений.

Он поставил плечо к двери.

— Кто внутри? — громко спросил он. — Говорит капитан Климов. Откройте.

Никто не ответил.

— Откройте дверь. Мы из МГБ, карантинная группа.

За дверью что-то тихо царапнуло пол.

Вера подняла пистолет. Нина уже натягивала вторую пару резиновых перчаток поверх первой.

— Пароль, — вдруг раздался голос. Хриплый, сорванный. — Назовите пароль.

Климов не шевельнулся.

— Какой пароль?

— Дежурный пароль. Для смены.

— Паролей не передавали. Откройте.

— Не открывать, — сказал голос. Потом быстрее: — Не открывать никому. Они... они говорят нормально, пока не подойдут.

Нина посмотрела на Веру. Та медленно опустила пистолет стволом вниз.

— Мы не будем ломать дверь, — сказала она. — Но вы должны сказать, есть ли у вас рана. Укус. Кровь.

По ту сторону двери долго молчали.

— Нет, — произнёс голос. — Не знаю. Нет. Я не... Я сидел здесь.

— Один?

— Да.

— Назовитесь.

— Дежурный диспетчер Орлов. Павел Григорьевич.

Климов спросил:

— Оружие есть?

— Нет.

— Отойдите от двери. Медленно откроете. Руки держите перед собой.

Щёлкнул замок. Дверь приоткрылась на ладонь, потом шире.

В тесной кладовой между ящиками с бланками сидел мужчина лет сорока в расстёгнутой форменной тужурке. Лицо у него было серым, щетина темнела на щеках. Он держал перед собой нож для вскрытия конвертов — маленький, с тупым лезвием. Увидев Климова, он сразу положил нож на пол и поднял обе руки.

Вера прежде всего посмотрела на его кисти, на шею, на лицо. Следов укуса не видно. Левая ладонь была обмотана грязным платком.

— Это что? — спросила Нина.

Орлов опустил глаза.

— Стекло задел. Когда лампу... разбили.

— Покажите.

Он не пошевелился.

— Я не заражён, — сказал он. — Я их не трогал. Я дверь держал. Они стучали. Потом перестали.

— Покажите руку, — повторила Нина.

В её голосе не было угрозы, только усталое нетерпение человека, которому надоело, что окружающие считают страх объяснением всему.

Орлов медленно разматывал платок.

Царапина шла через основание большого пальца. Неглубокая, уже покрытая грязной коркой. Крови не было.

Нина присела перед ним, не касаясь сразу.

— Когда?

— Не знаю. Ночью.

— До или после того, как началось?

— До. Я стекло прикрывал. До всего.

— В грязи копались?

— Нет.

— Чужая кровь попадала?

— Нет. Я... я не подходил.

Нина осмотрела кожу вокруг раны, вытащила из сумки пузырёк, марлю, чистый бинт.

— Руку держите. Не дёргайтесь. Если соврёте, хуже будет не вам одному.

Орлов кивнул. Его губы дрожали.

Пока Нина промывала царапину, Вера оглядела кладовую. На полу стояла пустая бутылка из-под воды. У стены — ведро. На ящике лежал огрызок карандаша и ещё один журнал, маленький, карманный. Орлов заметил её взгляд и схватил тетрадь раньше, чем Вера успела наклониться.

— Это моё, — сказал он.

— Что там? — спросила она.

— Дежурные пометки.

— Покажите.

Он прижал тетрадь к груди.

Климов шагнул ближе.

— Орлов.

Тот сдался. Протянул журнал Вере.

Страницы были исписаны сокращениями, временем, номерами осей, фамилиями стрелочников. Последние записи шли неровно, карандаш вдавливался в бумагу так, что буквы прорывали лист.

01:20 — от склада к сан. вагону. 01:28 — кричат. 01:31 — Панов укушен? 01:36 — охрана закрыла мед. 01:48 — кабель. 02:05 — «немцы» груз не выпускать. 02:17 — Вальдхаус?

Последнее слово было написано русскими буквами, криво, с вопросительным знаком.

Вера подняла глаза.

— Кто сказал «Вальдхаус»?

Орлов сглотнул.

— Не знаю. Из склада. Там человек был, не наш. В пальто, с папкой. До того как... Он ругался с начальником поста. Немецкое слово всё повторял. Я думал, фамилия.

Эстер взяла журнал. Её палец остановился над неровной записью. На мгновение она побледнела так заметно, что Вера увидела это даже в жёлтом свете лампы.

— Waldhaus, — тихо произнесла Эстер. — «Лесной дом».

Орлов посмотрел на неё.

— Это место?

— Возможно, — ответила она. — Иногда так называют место. Иногда — пункт передачи. Иногда — условное обозначение. Нужны документы.

— А человек? — спросила Вера. — Вы его видели?

— Со спины. Высокий. Шляпа или кепка, не помню. Мне не до него было. Санитар кричал. Потом Панов выстрелил, я подумал — в воздух. Потом телефон замолчал.

— Что именно произошло? — спросила Вера.

Орлов закрыл глаза. Нина закончила перевязку и закрепила бинт.

— К вечеру пришёл санитарный вагон. Не этот, другой. С двумя больными и ящиками. Бумаги были с печатями, всё как положено, но начальник ругался: почему без предупреждения, почему не через Брест. Один больной лежал спокойно. Второй бредил, закрывал глаза рукой, просил погасить свет. Его хотели перенести в медпункт. Потом он... — Орлов сжал пальцы на колене. — Он кинулся на санитаря. Укусил. По-настоящему. В руку.

— И после этого? — спросил Климов.

— Паника. Люди решили, что зараза везде. Кто-то натянул марлю на лицо, кто-то побежал к воротам. Начальник кричал, что по воздуху не передаётся, но его уже не слушали. Охрана закрыла медпункт. Потом кто-то перерезал кабель. Я видел искры в окне. А у склада... Там было движение. Груз надо было уводить. Так говорили.

— Кто говорил?

— Не знаю.

— Куда увели?

Орлов покачал головой.

— Я не выходил. Я слышал дрезину. Потом ещё что-то тяжёлое по рельсам. Потом выстрел. Потом тишина.

Он произнёс последнее слово почти шёпотом, с таким стыдом, что Вера поняла: он слышал не тишину. Он слышал, как кто-то звал за дверью, и не открыл.

Нина убрала использованную марлю в металлический контейнер.

— Царапина чистая. Я не вижу причин изолировать его как заражённого, — сказала она. — Но до утра он под наблюдением. И руки не распускать.

Орлов кивнул, не споря.

Климов посмотрел на часы.

— Вера, Эстер — бумаги. Нина, с Орловым в медпункт. Не заходить глубоко, пока не проверим склад. Орлов, сможете показать территорию?

Тот стиснул зубы.

— Смогу.

— Не геройствуйте. Покажете из двери.

— Я и не геройствовал, — вырвалось у него.

Нина бросила на него быстрый взгляд.

— Это сейчас не важно. Важно, чтобы вы не упали в обморок на лестнице.

Она поднялась и проверила застёжки на сумке.

— Климов, в медпункте две пустые койки и три карточки. Один больной, возможно, ушёл сам. Один мог быть ранен. Ещё один — санитар. Значит, там может быть кто угодно.

— Поэтому вместе.

Они вышли из диспетчерской.

Медпункт находился через двор, в длинном бараке с белой полосой под окнами. На крыльце валялся таз. Вода в нём замёрзла по краям, а внутри плавали обрывки бинта. Дверь была распахнута. Изнутри бил яркий свет.

Климов остановил группу у стены.

— Орлов, где последний раз видели больного?

— У санитарного вагона. Потом... потом он побежал к складу. Или его туда погнали. Я не видел.

— Раненый санитар?

— Медпункт. Его закрыли там.

Нина посмотрела на Веру.

— Значит, сначала медпункт.

Вера кивнула.

Внутри барака было теплее, чем на улице, и от этого ещё тяжелее. Пахло хлоркой, мокрой ватой, лекарствами и чем-то кислым, человеческим. Вдоль стен стояли металлические койки. На двух лежали смятые одеяла, третья была застелена ровно, но матрас на ней отсутствовал. У печки сохли чьи-то рукавицы.

На столе — раскрытые карточки пациентов. Рядом лежал градусник с разбитым кончиком, коробка ампул и блюдце, полное сероватого раствора.

Нина сразу надела белый халат поверх шинели, затянула завязки на маске. Маска не спасала от крови и слюны, Вера это знала. Но Нина надевала её не из страха перед воздухом. Ей требовалось не касаться лица грязными руками.

— Сюда не наступать, — сказала она, указывая на темнеющую полосу у третьей койки. — Здесь след.

Климов светил фонарём в глубину барака. Дверь в конце коридора была закрыта. На ней висела табличка: «Изоляция».

— Замок? — спросил он.

Нина подошла ближе, но не вплотную.

— Снаружи. Обычный навесной.

Замок висел открытым. Дужка была цела.

— Кто-то выпустил, — сказала Вера.

— Или вышел сам, — ответила Нина.

На полу возле двери лежала перчатка. Вторая нашлась в трёх шагах, у стены. Вера вспомнила вывернутую перчатку в диспетчерской — ту же плотную серую резину, санитарный складской тип.

Орлов стоял в дверях, не решаясь войти.

— Здесь Панов был, — сказал он. — Санитар. Его укусили. Он ещё кричал, что перевяжется и всё нормально. Потом стал ругаться. Очень громко.

— Он был вооружён? — спросил Климов.

— Нет. Он носилки таскал.

— Кто открыл изоляцию?

— Не знаю.

Нина подняла карточку с пола, держа её пинцетом.

— Панов, Николай Савельевич. Укус предплечья, 01:19. Сознание ясное... — Она перелистнула страницу. — В 01:42: жар, дрожь, спутанность. В 02:06: фиксирован, необходима изоляция. Запись закончена.

— Второй пациент? — спросила Вера.

Нина нашла другую карточку.

— Без фамилии. Прибыл вместе с грузом. Светобоязнь, высокая температура, дезориентация. «Требуется отправки по особому распоряжению». Подпись неразборчива.

Эстер стояла у стены, не заходя за линию, которую Нина обозначила светом фонаря. Она смотрела не на койки, а на шкаф с архивными папками.

— Там документы, — сказала она.

— Сейчас не трогать, — отозвалась Нина. — Я сначала осмотрю помещение.

— Я не пройду к ним, — спокойно ответила Эстер.

Климов присел у двери изолятора. На дереве у самого пола темнели царапины — не глубокие, но частые, от чего-то металлического или от ногтей.

Вера подняла фонарь. Луч осветил коридор за дверью. Дальше, за изолятором, находилась хозяйственная комнатка с открытой фрамугой. Оттуда тянуло холодом.

— Окно, — сказала она.

Климов посмотрел.

— Выход во двор.

Нина тихо выругалась.

— Значит, он не в бараке.

За стеной, со стороны склада, глухо ударило железо.

Все замерли.

Звук повторился. Один раз. Потом послышалось царапанье, тяжёлое и неровное.

Орлов побледнел.

— Там, — прошептал он. — Там склад.

Климов поднялся.

— Назад к диспетчерской никто не идёт. Орлов, остаётесь здесь, у печки. Дверь запереть изнутри. Нина, даёшь ему воду, рацию и объясняешь сигнал. Эстер — с нами, но за спиной. Вера, прикрываешь правую сторону.

— У него одна рация, — заметила Нина.

— У нас вторая.

— Если вы уйдёте к складу, медпункт останется без связи.

— Он останется за запертой дверью.

Нина секунду смотрела на него. Потом вынула из сумки карманный свисток, протянула Орлову.

— Три коротких — если кто-то пытается войти. Не открывать никому, пока не услышите мой голос. Даже если скажут, что приказ.

Орлов взял свисток.

— А если это Панов?

Нина застегнула сумку.

— Тогда особенно не открывать.

Склад стоял на краю поста, ближе к боковому пути. У его ворот виднелись штабеля ящиков, укрытые брезентом. Между ними чернела узкая полоса, где от ветра хлопала оторванная часть полотнища.

Дверь склада была приоткрыта. Из щели падал свет — не электрический, слабый, дрожащий. Керосиновая лампа или фонарь.

На снегу перед воротами оставались колеи от ручной тележки. Колеи шли к дрезине, затем обрывались. Рядом лежал обрывок бечёвки и кусок сургучной печати.

Эстер наклонилась, не касаясь его.

— Немецкая накладная могла быть на ящиках, — сказала она.

— Могла, — ответил Климов. — А внутри мог быть человек.

— Это факт или догадка? — спросила Вера.

— Догадка, — сказал он. — Поэтому проверим.

Он толкнул дверь.

Склад оказался длиннее, чем Вера ожидала. По обе стороны тянулись стеллажи с ящиками, мешками, свёрнутыми брезентами. Посередине шла узкая дорожка из досок. Под потолком висела единственная керосиновая лампа; фитиль почти догорел, стекло закоптилось.

В дальнем конце, возле погрузочной платформы, стояла ручная тележка. На ней лежали два ящика с сорванными крышками. Солома вылезала наружу. Один ящик был пуст, второй закрыт брезентом.

Климов поднял ладонь.

Где-то за штабелем справа тяжело дышали.

Вера поняла, почему его не заметили раньше: от входа эту часть склада закрывали ящики с маркировкой санитарного имущества. Между штабелем и стеной оставался проход меньше метра. Человек мог лежать там, зажатый между досками и мешками, и видеть дверь, не показываясь.

Нина стояла на шаг позади Веры, с фонарём и металлической коробкой для перевязочного материала. Эстер осталась ближе к выходу, прижав папку к боку.

— Панов? — громко спросил Климов. — Николай Савельевич, слышите меня?

Дыхание оборвалось.

Потом из-за ящиков донёсся голос:

— Не светите.

Он говорил невнятно, но слова можно было различить.

— Панов? — повторил Климов.

— Свет выключите... голова...

Нина сделала движение вперёд.

— Не надо, — сказал Климов.

— Он может быть жив и ранен.

— Он жив. Поэтому и не надо.

Вера держала пистолет двумя руками. В горле пересохло. Она видела край сапога за ящиками, грязную штанину, неподвижную ладонь на полу. Ладонь была без перчатки. На пальцах темнело что-то влажное.

— Николай Савельевич, — сказала Нина. — Это медик. Я не подойду, пока вы не покажете руки. Медленно. Ладони вверх.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом рука исчезла из поля зрения.

Климов тихо сказал:

— Назад.

Но Панов вышел раньше.

Он не прыгнул и не бросился через весь склад. Сначала поднялся на колени, цепляясь за ящик. Голова его была опущена. Лицо блестело от пота, волосы прилипли ко лбу. На правом предплечье висела разодранная повязка, пропитанная тёмным. Он щурился от света так, что веки почти не раскрывались.

— Не светите, — повторил он. — Уберите...

Нина не двинулась.

— Николай Савельевич, вы понимаете, где вы?

— Домой надо. Вагон... вагон закрыли. Он там...

Его голос сорвался. Он качнулся, упёрся плечом в ящик.

— Не подходите, — сказал Климов. — Сядьте на пол. Медленно.

Панов поднял голову.

Вера увидела его глаза. Не пустые и не чужие — просто мучительно воспалённые, красные от жара и бессонницы. Он смотрел на свет, на лица, не удерживая взгляд ни на чём. На секунду в его лице появилось понимание.

— Капитан? — спросил он. — Они ушли?

— Кто?

— Груз. Лесной... — Он сглотнул. — Не отдавайте.

Нина сделала шаг в сторону, чтобы не стоять с ним на одной линии. Панов заметил движение. Его взгляд сразу зацепился за белый край её халата.

— Вода, — сказал он.

— Вода будет, если вы сядете, — ответила Нина. — Руки перед собой. Не трогайте лицо.

Панов дышал часто. Потом его плечи напряглись.

Вера увидела это раньше, чем он двинулся: пальцы на здоровой руке сжались, корпус подался вперёд. Не к Нине даже — к светлому пятну халата, к человеку, который оказался ближе.

— Нина, назад!

Нина отступила, но Панов уже рванулся вдоль прохода. Он задел бедром ящик, потерял равновесие, ударился плечом о стеллаж и всё же дотянулся до неё.

Вера перехватила Нину за ремень сумки и дёрнула влево, к стене. Панов схватил воздух там, где секунду назад была её рука. Его пальцы скользнули по рукаву халата, зацепили ткань и оторвали пуговицу.

Климов ударил его прикладом в плечо, не в голову. Панов отшатнулся, издал хриплый звук и снова пошёл вперёд, уже на Климова.

— Стоять! — рявкнул Климов.

Панов не остановился.

Тогда Климов выстрелил.

Выстрел в закрытом складе оказался коротким и тяжёлым. Лампа под потолком качнулась. Панов упал боком между ящиками, ударился локтем о доски и остался лежать, тяжело, с перебоями дыша.

Вера не слышала собственного дыхания. Она стояла, вцепившись в ремень Нининой сумки.

— Рука? — спросила Нина.

— Нет, — ответила Вера.

— Покажи.

— Нет контакта. Ткань только.

Нина быстро осмотрела её рукава, ладони, лицо. Потом себя — перчатки, запястья, шею у воротника. Климов не спускал оружия с Панова.

— Жив? — спросил он.

Нина подошла не ближе чем на два шага. Фонарь осветил грудь санитаря. Она поднималась.

— Жив. Ранен. Не подходить без фиксации.

Панов открыл глаза. В них больше не было злости, только боль и то самое непонимание, которое Вера видела на Лубянке у человека, чьё имя ей теперь не хотелось вспоминать.

— Темно, — выговорил он.

— Да, — сказала Нина. — Темно.

Она не стала обещать ничего другого.

Климов опустил автомат.

— Есть верёвка?

— На тележке, — ответила Вера.

— Я принесу, — сказала Эстер.

— Стой, — резко сказал Климов.

Эстер уже вздрогнула, но остановилась.

— Я вижу её отсюда, — тихо сказала она. — Между нами чисто.

Он оценил расстояние, кивнул.

— Быстро. Ничего не трогать.

Эстер прошла к тележке, вернулась с бухтой пеньковой верёвки. Руки у неё были спокойны, но когда Вера взяла верёвку, заметила, что один палец Эстер побелел от слишком сильного нажима.

Они действовали молча. Климов и Вера, не подходя к рукам Панова, набросили петлю на его голени, подтянули к стойке стеллажа. Нина подала вторую верёвку, следила, чтобы никто не коснулся мокрой повязки на предплечье. Панов слабо сопротивлялся, потом обмяк.

— Дышит, — сказала Нина. — Но температура запредельная. И рана старая, не от пули. Это тот самый укус.

— Оставим? — спросила Вера.

— Здесь нельзя. В медпункте есть изолятор с дверью.

— Нести его не будем, — отрезал Климов. — Риск.

Нина посмотрела на него.

— Тогда нужна тележка. Он зафиксирован. Я повезу с Верой, вы впереди.

— Я повезу, — сказал Климов.

— Вы будете смотреть по сторонам. Это полезнее.

Он помолчал, потом кивнул.

— По моему сигналу.

Панова переложили на тележку, не касаясь повреждённой руки. Вера держала край брезента, которым Нина прикрыла его до плеч. Её мучило от запаха крови и лекарств, от тесного склада, от того, как под колёсами тележки скрипели доски. Но руки не дрожали. Она смотрела на пол, на рельсы у ворот, на темноту за прожекторами и считала шаги.

У медпункта Орлов уже стоял за дверью. Услышав их, он не сразу открыл.

— Это мы, — сказала Нина. — Белова. Открывайте.

— Он с вами?

— Да. Он связан.

Дверь приоткрылась.

Орлов увидел Панова и отступил так быстро, что ударился спиной о печку.

— Он живой, — сказал он.

— Это и было понятно, — ответила Нина. — Держите дверь.

Панова заперли в изоляторе. Климов накинул на дверь цепь, нашёл в хозяйственной комнате второй замок. Нина вымыла руки и перчатки раствором, потом заставила Веру сделать то же самое.

— Ещё раз, — сказала она.

— Я уже.

— Ещё раз. Рукав проверила?

Вера протянула руки. Нина внимательно осмотрела кожу на запястьях, пальцах, под ногтями.

— Чисто, — сказала она наконец. — Но халат оставьте здесь.

— Это ваш халат.

— Тем более.

Эстер ждала у стола, перебирая бумаги, которые вынесла из шкафа в медпункте. Она разложила их на сухой стороне стола, придавив углы кружками и пустой коробкой из-под ампул.

— Нашла накладную, — сказала она.

Вера подошла.

Лист был плотный, немецкий, с аккуратной сеткой граф. В верхнем левом углу стоял штамп, частично закрытый русской печатью карантинного поста. Несколько строк были зачёркнуты синим карандашом. В графе отправителя значилось сокращение, которое Вера не знала. В графе назначения — одно слово, отпечатанное машинкой:

Waldhaus.

Ниже, от руки, по-русски: «передача вне основной линии».

— Переведите всё, — сказала Вера.

Эстер провела пальцем по строкам.

— «Особая перевозка. Не вскрывать на промежуточных пунктах. Передать по ведомости». Здесь... — она задержалась на сокращении, — «Übergabe». Передача, сдача. Не конечная доставка, а именно передача из рук в руки. И вот это: «Waldhaus / Sondertransport». «Лесной дом / специальный транспорт».

— Объект? — спросил Климов.

— Не знаю. Название может быть настоящим. Может быть кодовым. Но это не случайная надпись и не фамилия.

— Где ветка? — Вера наклонилась к карте.

Эстер достала из папки схему, найденную в диспетчерской. Теперь Вера увидела, что красная стрелка от Береста-2 вела не к Бресту, а к тонкой серой линии, почти стёртой на сгибе карты. Ветка отходила от бокового пути за складом, проходила через лесистый участок и заканчивалась квадратиком без названия.

Над квадратиком карандашом было написано: WALDHAUS.

Рядом стоял номер 42.

Не как номер состава в расписании — просто цифры, обведённые двумя короткими линиями.

Вера достала половину транспортной карточки. Эстер положила её рядом. На обороте карточки сохранилась стрелка от слова «далее». Направление совпадало с линией на карте.

— Этого мало, — сказал Климов. — Номер мог относиться к вагону, к накладной, к чему угодно.

— Нет, — сказала Вера.

Он посмотрел на неё.

— Говорите прямо.

Она положила рядом карманный журнал Орлова.

— В диспетчерской была схема с частично стёртым номером у этой же ветки. Здесь — карточка ожидаемого транзита, последние цифры сорок два. Здесь — отметка на карте. Три разных документа, один маршрут. Эшелон номер сорок два ожидали на Бересте-2. Потом его не провели через основную линию или изменили назначение.

— Ожидали, — подчеркнул Климов. — Не значит, что он здесь был.

— Я этого не утверждаю.

— Что вы утверждаете?

Вера подняла глаза.

— Что его след не исчез из-за канцелярской ошибки. Кто-то перенёс его в закрытую схему. Туда же, куда шёл немецкий груз.

В комнате потрескивала печка. За дверью изолятора тяжело дышал Панов. Орлов сидел на табурете, сжав свисток в бинтованной ладони, и смотрел в пол.

Нина развернула ещё одну карточку, найденную среди бумаг.

— Смотрите, — сказала она. — Здесь журнал распределения. Последняя запись за восемь часов до того, как всё началось.

Она прочитала:

— «Транзит 42. Ожидание. Основная магистраль — отмена. Дальнейшее согласование...» Подпись отсутствует. Ниже карандашом: «не в Брест».

Вера взяла лист. Бумага дрогнула в её пальцах, хотя она не хотела этого показывать.

Эшелон номер сорок два. Не прибыл — или не должен был прибыть — на обычный путь. Не в Брест. Дальше, в сторону ветки, которой на общих схемах почти не существовало.

Мать могла быть где угодно. В другом составе. На другой дороге. Номер в журнале ничего не доказывал о ней лично.

Но это был след. Не слух, не чужая оговорка. След, оставленный рукой диспетчера и карандашом на карте.

Климов взял лист из её рук, прочёл сам.

— Резервная группа из Бреста, если она вообще выйдет, будет не раньше рассвета, — сказал он. — Сюда надо оставить людей. Пост не держится. Связь перерезана. Один больной заперт, ещё как минимум один пропал. Возможно, остальные ушли.

— Орлова нельзя оставить здесь одного, — сказала Нина. — И Панова тоже нельзя бросить. У нас нет средств держать изолятор в пути.

— На эшелоне есть отдельное купе, — ответил Климов. — Панова переведём туда. Запрет. Орлова — в соседнее, под наблюдение машиниста. Поедем дрезиной.

Нина посмотрела на него оценивающе.

— Дрезина стоит без топлива?

— Топливо есть. Проверил, пока вы были в медпункте. Бак почти полный. На ней можно пройти по боковой ветке.

— А если пути заняты?

— Тогда остановимся.

— Хороший план.

— Другого нет.

Эстер снова посмотрела на немецкую накладную.

— На карте есть условный знак у лесного склада. Не станция. Перегрузочный пункт. Линия старая, вероятно, ведомственная. Если груз шёл туда, его не хотели проводить через Брестский узел.

— Почему? — спросила Вера.

Эстер покачала головой.

— Я могу прочесть слово. Не могу прочесть намерение человека, который спрятал его в чужую папку.

Нина сложила карточки в конверт.

— А я могу сказать другое: здесь оставаться нельзя. Если Панов был у склада, то второй пациент или кто-то из охраны может быть где-то рядом. Нам повезло, что он не успел добраться до Орлова.

— Не повезло, — тихо сказала Вера. — Мы его слышали.

Нина взглянула на неё и кивнула.

Климов подошёл к окну. За стеклом виднелась дрезина, освещённая косым лучом прожектора. Дальше начинались тёмные рельсы, уходившие между чёрных деревьев. Ветер гнал снег по путям тонкими полосами.

— В Брест по главной линии — это ожидание, проверка, чужие приказы и толпа, — сказал он. — По ветке — риск и одна нитка на руках.

Он повернулся к Вере.

— Если поедет, командую я. На месте — тоже. Бумаги не дают права лезть первой.

— Я не прошу права, — сказала она. — Я прошу не бросать след.

— Не бросим.

— До рассвета не дотянем, — сказала Нина. — Снег усилится, а у нас один фонарь на дрезине и половина поста без людей.

— Значит, выходим сейчас, — решил Климов. — Нина, готовь перевозку Панова и Орлова к эшелону. Эстер, забираешь всё, что можно унести: накладную, карту, журнал, карточки. Вера — со мной к дрезине. Осмотрим стрелку и путь.

— Возьмите рацию, — сказала Нина.

— Возьмём.

Орлов поднял голову.

— Вы уйдёте?

Климов остановился у двери.

— Нет. Мы заберём вас обоих на эшелон. Там запрем вагон и дадим сигнал по линии, как только она появится. Помощь сюда пошлём с первой связью.

— А Панов?

Нина ответила вместо него:

— Панов будет под замком. Я буду за ним наблюдать. Больше вы сделать для него сейчас не можете.

Орлов сжал губы.

— Он был нормальный вчера.

Никто не нашёлся с ответом.

На территории поста они работали быстро, но без суеты. Климов осмотрел стрелочный привод у боковой ветки; рычаг был поставлен в нужное положение, на снегу оставались свежие следы сапог. Один след уходил к лесу, другой возвращался к складу и терялся у дрезины.

Вера светила ему фонарём.

— Видите? — спросил он.

— Путь открывали недавно.

— Да.

— Для дрезины?

— Для чего-то легче состава. Возможно, для неё. Возможно, для одного вагона.

У стрелки, на железном ящике управления, кто-то карандашом написал цифру «42». Ветер и снег почти стёрли её, но Вера успела увидеть.

Она не сказала ничего. Просто достала блокнот и переписала отметку.

Климов заметил.

— Ещё один факт?

— Да.

— Хорошо.

Он выпрямился.

Это «хорошо» прозвучало не как похвала. Скорее как признание того, что она работала правильно.

Когда они вернулись к эшелону, Нина и машинист уже переносили Орлова в последний вагон. Орлов шёл сам, но держался за поручень так, будто палуба качалась под ногами. Панова перевезли на тележке, закрепили в отдельном купе; дверь заперли снаружи, окно приоткрыли на палец, чтобы не было душно. Нина положила у порога ведро с раствором и чистые перчатки.

— Он в сознании? — спросила Вера.

— Иногда. Просит выключить свет. Ругается. Потом молчит. Я не буду давать ему сильное, пока не пойму, как оно подействует при такой температуре.

— Он не вырвется?

— Если вы не забыли привязать его к койке — нет.

— Не забыли.

Нина посмотрела на неё устало.

— Тогда вопрос хороший.

Эстер вышла из вагона с папкой под шинелью. На ресницах у неё таял снег. Она держала карту так, словно боялась, что ветер вырвет её из рук.

— В накладной есть ещё одна строка, — сказала она Вере. — Я заметила уже на ходу. «Отправить до рассвета». Это не приказ по карантину. Частная отметка.

— Чья?

— Подписи нет.

— Печать?

Эстер покачала головой.

— Срезана. Аккуратно. Ножом.

Климов подошёл к ним, проверяя ремень автомата.

— Дрезина готова. На ней четверо. Машинист остаётся с эшелонном. Нина, ты с нами?

— Я медик, связистка и единственный человек, который умеет не ломать радио, — сказала она. — Конечно, со мной.

— Тогда едем.

Он оглядел Берест-2 в последний раз.

Пост продолжал светиться, как оставленный без присмотра дом. Прожекторы резали снег. Диспетчерская лампа горела на столе рядом с остывшим чаем. За закрытым окном медпункта двигалась тень Ниныного фонаря — она ещё раз проверяла замки. Из санитарного вагона на боковом пути тянулся тонкий пар, и Вера не могла понять, от тепла ли внутри или от ветра, забравшегося под неплотно закрытую дверь.

Берест-2 молчал не потому, что оборвался провод. Люди здесь успели испугаться, закрыть двери, резать кабели, уводить груз. Кто-то знал, куда его вести. Кто-то оставил на карте линию, а рядом — номер, который теперь не давал Вере дышать спокойно.

Они заняли места на дрезине. Климов встал у рычагов рядом с водителем из паровозной бригады, которого он взял с эшелона на случай неисправности. Нина закрепила радиостанцию ремнём на ящике с инструментами. Эстер села между ней и Верой, прижав папку коленями.

Дрезина дёрнулась. Колёса заскрежетали по мокрым рельсам.

На стрелке Климов перевёл рычаг сам. Металл ответил тяжёлым щелчком. Основная линия осталась справа, уходя к Брестскому узлу, к огням, которых за снегом почти не было видно.

Боковая ветка повела их в темноту.

Вера развернула карту на коленях. Бумага дрожала от ветра и хода дрезины. Тонкая карандашная линия уходила от Береста-2 между лесными кварталами, к маленькому квадрату без официального названия. Над ним стояло немецкое слово — WALDHAUS.

Рядом темнел номер, знакомый ей до боли: 42.

Она сложила карту, убрала под шинель и посмотрела вперёд, туда, где свет дрезины выхватывал из снега две блестящие полосы рельсов. Климов не оборачивался. Нина слушала треск радио. Эстер держала папку обеими руками.

Они ещё не доверяли друг другу.

Но дрезина шла по одной ветке.

Глава 9

Дрезина шла медленно, с натугой, будто каждый стык на старой ветке приходилось уговаривать пропустить её дальше.

Климов стоял у рычага, широко расставив ноги на мокрой дощатой площадке. Левую руку он держал на тормозе, правой время от времени подталкивал рычаг подачи, слушая, как под кожухом надсадно кашляет маленький двигатель. Фонарь на переднем кронштейне бросал на рельсы дрожащий жёлтый конус. В нём мелькали чёрные шпалы, забитые мокрой листвой, комья серого снега, вода в колеях между путями.

Лес подступал вплотную.

Ели стояли по обе стороны насыпи, тяжёлые от сырости. Их нижние ветви скребли по борту дрезины, царапали брезент, цеплялись за рукава. Иногда из темноты выныривал телеграфный столб — кривой, с лопнувшими изоляторами, с обрывками проводов, которые раскачивались на ветру и стучали о дерево.

Вера сидела на узкой скамье у борта, зажав между коленями сумку с документами. В перчатках было неудобно держать карандаш, но она всё равно делала пометки на листке, лежавшем на твёрдой папке: время, направление, стрелки, ответвления, приметы пути. Почерк выходил неровный. Дрезину трясло, пальцы мёрзли, свет фонаря то пропадал за ветками, то бил прямо в бумагу.

Восемнадцать минут от Береста-2.

Потом двадцать две.

Нина сидела напротив, наклонившись над переносной радиостанцией. Аппарат был закреплён ремнём к полу, провод антенны тянулся к тонкой складной штанге, выставленной за борт. В наушниках потрескивало. Нина то подкручивала ручку настройки, то говорила в микрофон ровно, без надежды, но настойчиво:

— Берест-2, я «Ветка». Берест-2, ответьте. Приём.

В ответ шёл шорох, короткие щелчки и один раз — далёкий, размытый голос, в котором нельзя было разобрать ни слова.

Эстер держала на коленях карту, прикрыв её полкой плаща. На карте старая ветка была проведена тонкой чёрной линией и обрывалась в лесном квадрате, где не стояло ни названия станции, ни обозначения склада. Только номер пути, почти стёртый штамп и карандашная стрелка, нанесённая кем-то позднее.

Она поднесла карту ближе к фонарю.

— Здесь должна быть стрелка, — сказала она.

Климов не обернулся.

— Какая?

— Не главная. Отвод вправо. После насыпи или перед ней. На немецком плане есть пометка.

— На плане много чего есть.

— Это не предположение, — ответила Эстер. — Рельеф совпадает. Слева низина. Справа сосна с раздвоенным стволом.

Вера посмотрела вперёд. В жёлтом свете мелькнуло тёмное пятно воды, затянутое по краям тонкой ледяной коркой. За ним поднималась короткая насыпь. На её гребне действительно темнели две сросшиеся сосны.

— Подтверждаю, — сказала она. — Низина слева. Двойная сосна справа.

Климов сбросил ход.

Дрезина заскрипела тормозом, подалась вперёд ещё на несколько метров и остановилась. Двигатель продолжал неровно стучать. Климов погасил передний фонарь ладонью, оставив только слабый боковой свет под козырьком.

— Нина, связь.

— Пока нет. На основной частоте пусто. На резервной тоже. Могу дать короткий вызов.

— Дай.

Нина нажала тангенту.

— Берест-2, «Ветка». Мы на старом ответвлении. Связь неустойчива. Приём.

Шорох оборвался. На секунду в наушниках возникла чужая несущая — ровный тон, затем три коротких щелчка. И всё.

Нина сняла наушники.

— Или проводка где-то ловит, или кто-то рядом работает на близкой частоте. Не наш позывной.

— Дальность? — спросил Климов.

— Не скажу. Здесь лес, низина, старые провода. Может быть в двух километрах, может — дальше.

Климов кивнул и сошёл на шпалы.

Вера поднялась следом. Холодный металл поручня прилип к перчатке. Снег под ногами был не белым, а серым, перемешанным с песком и мелкой угольной пылью. Рельсы уходили прямо, в темноту. Справа, почти скрытая прошлогодней травой, начиналась вторая колея.

Климов присел у стрелочного механизма.

— Свет.

Вера направила фонарь вниз.

Стрелка была старая, с глубокой ржавчиной на болтах и потёками чёрной воды на металле. Но тяга блестела. Не ярко, не свежей заводской смазкой — тонкой тёмной плёнкой, которой не могло быть десять или пять лет. На рычажной коробке лежала мокрая ветошь, пропитанная машинным маслом.

Климов коснулся её кончиком ножа, понюхал.

— Недавно.

— Насколько? — спросила Вера.

— В такую сырость — день, может два. Не больше.

Вера наклонилась. Рядом со стрелкой снег был затоптан. Не одинокий след путевого обходчика, а несколько отпечатков сапог: широкие каблуки, рифлёные подошвы, одна пара с набойкой, стёртой на правом краю. На внешней стороне рельса темнела свежая полоса металла: что-то тяжёлое проходило здесь недавно.

— Тележка, — сказала она. — Или вагон.

— Вагон по этой ветке не проведёшь без локомотива, — заметила Нина с дрезины.

— Значит, локомотив.

— Маленький, — сказала Эстер. Она стояла, придерживая карту обеими руками. — На старой схеме после этой стрелки есть разворотный тупик. Там могла работать маневровая машина.

Климов выпрямился.

— Могла. Это не значит, что работала.

Вера посмотрела на блестящую тягу.

— Работала.

Он встретил её взгляд. В темноте лица почти не было видно, только светлое пятно щёки под полями шапки.

— Лейтенант, договоримся заранее. Первый признак прямой опасности — разворачиваемся. Без споров.

— Что вы называете прямой опасностью?

— Люди с оружием. Следы свежей инфекции. Перекрытый путь. Любая вещь, из-за которой мы не сможем вернуться.

— Цифра сорок два уже есть. И особая отметка на стрелке была на Бересте. Мы не можем развернуться от каждого следа.

— Я не предлагаю разворачиваться от следа. Я предлагаю не обменивать четверых живых на бумагу.

— Для вас это бумага?

Климов помолчал, глядя мимо неё, в лес.

— Для меня это причина, по которой мы здесь. Не причина перестать смотреть под ноги. Вера хотела ответить, но Нина подняла голову от рации.

— Спорить лучше после того, как доедем живыми. И, Вера, выпейте воды.

Она протянула флягу.

Вера сначала хотела отказаться. Во рту был неприятный металлический вкус, желудок сводило от запаха масла и сырой шерсти. Но Нина ждала молча, и Вера взяла флягу. Вода была холодная, с привкусом алюминия.

— Спасибо.

— Полглотка. Не геройствуйте.

Климов перевёл стрелку. Металл глухо лязгнул. Этот звук ушёл в лес слишком далеко, и Вера невольно задержала дыхание, прислушиваясь. Ничего не ответило. Только с ветки упала тяжёлая капля, ударилась о жестяной борт.

Дрезина двинулась по боковому пути.

Теперь лес нависал ещё ниже. Рельсы здесь были почти спрятаны под грязным снегом. Климову приходилось сбрасывать ход перед каждым наносом, а иногда Вера и Нина сходили, чтобы ногами разгрести мокрую листву у стыков. Эстер не выпускала карту, но всё чаще смотрела не на неё, а в темноту по сторонам.

Через несколько минут ветка пошла вниз.

Вера увидела впереди красноватую точку. Сначала решила, что это отражение фонаря в мокром металле. Потом точка исчезла, вновь появилась и вытянулась тонкой полосой.

— Стоп, — сказала она.

Климов уже тянул тормоз.

Дрезина остановилась так резко, что Нина поймала рацию обеими руками. Перед ними, в полусотне метров, из-за стволов поднимался слабый дым. Он не был виден целиком — только иногда попадал в свет, серый, почти прозрачный, и тут же растворялся в сыром воздухе.

Климов погасил двигатель.

После его кашля лес показался пустым и слишком большим.

— Дальше пешком? — тихо спросила Эстер.

— Дальше накатом, — сказал Климов. — Без света. Нина, за мной. Вера, Эстер — в середину. Не отставать.

Он отпустил тормоз.

Дрезина покатила вниз почти беззвучно, лишь колёса иногда щёлкали на стыках. Вера держалась за борт и смотрела вперёд. Запах дыма становился явственнее. Не лесного костра. Уголь, солярка, мокрая древесина.

За поворотом открылся объект.

Сначала Вера различила платформу — низкую, длинную, почти скрытую сорной травой и снегом. Потом чёрный силуэт склада с покатой крышей. На крыше лежал неровный слой мокрого снега, провалившийся у водостока. К одной стене была пристроена крытая рампа, её деревянные опоры потемнели от времени. За складом стояло кирпичное техническое здание с одной тонкой трубой. Из трубы и тянулся дым.

У края платформы ржавели два товарных вагона. Один был без колёсной пары и сидел на перекошенных шпалах. Второй стоял ровнее; на его борту под облупившейся зелёной краской угадывались старые цифры, но фонаря не хватало, чтобы прочесть.

Место выглядело оставленным.

И всё же на рампе лежали свежие доски, а в снегу перед складом чернели следы колёс. Возле кирпичного здания стояла рельсовая тележка. Её оси были покрыты не инеем, а влажным масляным блеском.

Климов остановил дрезину за стеной из елей, откуда платформу можно было видеть, но не слишком хорошо.

— Снять оружие с предохранителя, — сказал он. — Без команды не стрелять. Нина, проверяете связь и наблюдаете путь. Но одна не остаётся. Эстер с вами, пока мы не осмотрим рампу.

— Нет, — сказала Эстер. — Таблички и документы лучше смотреть сразу. Если там немецкая маркировка, вы можете её не заметить.

— Тогда вместе. Никто не расходится дальше, чем на голос. Сначала платформа. Потом решим.

Вера застегнула воротник выше. От мокрой шерсти пахло холодом. Она проверила, как сидят перчатки, и пошла за Климовым.

Под ногами хрустело не снегом — тонкими щепками. На рампе недавно вскрывали ящики. Между досками лежала светлая упаковочная стружка, ещё не отсыревшая до конца. У стенки валялся обрывок бечёвки, на которой осталась пломба из тёмного воска. Климов присел рядом с ней, не касаясь.

— Не трогать.

Вера осветила пол.

На досках виднелись параллельные следы от колёс. Они шли от рельсов к большой двери склада и возвращались обратно. Следы пересекали отпечатки сапог. Один из людей, судя по следу, хромал: правую ногу ставил коротко и тяжело, носком внутрь.

Нина подошла ближе, держа в руке свёрток с резиновыми перчатками и стеклянными пробирками.

— Крови нет, — сказала она, осмотрев доски. — На вид.

— На вид нам достаточно, пока не понадобится другое, — ответил Климов.

Эстер подняла фонарь к стене склада. Под несколькими слоями краски — серой, потом зелёной, потом снова серой — проступал край металлической таблички. Она была прибита четырьмя крупными винтами, два из них заменили позднее.

Эстер провела пальцами по краске, не касаясь букв.

— Дайте нож. Не остриём. Плоской стороной.

Климов достал складной нож, передал ей рукоятку вперёд.

Эстер осторожно соскоблила тонкий слой серой краски. Под ней показалась чёрная эмаль и белые буквы. Она работала медленно, короткими движениями, пока фонарь дрожал в руке Нины.

WALDHAUS.

Вера прочитала раньше, чем Эстер успела сказать.

Слово было выбито крупно, по-немецки строго, без украшений. Ниже шла строка меньшим шрифтом, частично скрытая краской и ржавчиной.

— «Übergabe...» — прошептала Эстер. — Последнее слово затёрто. Но здесь точно есть «передача».

Климов взглянул на неё.

— Говорите прямо.

— Waldhaus. И, вероятно, Übergabestelle. Пункт передачи. Не склад в обычном смысле.

Вера направила свет выше.

Над немецкой табличкой висела другая, советская. Простая жестяная пластина, покрашенная в тусклый зелёный цвет. На ней чёрным трафаретом было выведено: «УЧАСТОК 4-Б. ПОСТОРОННИМ НЕ ВХОДИТЬ».

Краска на ней тоже была старой, но не военной. На одном краю сохранилась дата приёмки: 1948.

— Использовали после войны, — сказала Вера.

— Да, — ответила Эстер. — И не скрывали этого от тех, кто имел доступ к ветке.

— А от всех остальных скрывали, — сказал Климов.

У большой двери склада висел новый замок. Он был чистый, не тронутый ржавчиной, с полосой свежей смазки в скобе. Рядом на косяке оставались следы старого крепления — когда-то дверь запирали иначе, изнутри тяжёлым поперечным брусом.

Климов подошёл к замку, осмотрел его.

— Советский.

— Новый? — спросила Нина.

— Месяц. Может два. Не дольше.

Слева от двери, почти скрытая ящиками, была узкая боковая калитка. Её не запирали замком, но держали на проволоке. Проволока была перекручена свежо, поверх старого слоя ржавчины.

Климов поднял ладонь, останавливая всех.

Изнутри донёсся звук.

Не удар. Не шаг.

Что-то металлическое медленно провели по полу, потом оно стукнуло о стену. После этого послышалось тяжёлое дыхание — короткое, с сухим свистом.

Нина сразу достала перчатки.

— Может быть раненый, — тихо сказала она.

— Может, — ответил Климов.

— Если раненый, ему нужна вода, а не наши догадки.

Климов посмотрел на неё, затем на Веру.

— Вера, с Эстер назад, к рампе. Нина со мной. Свет вниз. Оружие — только если полезет. Вера не двинулась.

— Если там документы, их могут уничтожить.

— Если там человек с кровью на руках, документы подождут.

Она хотела возразить. Но услышала снова этот звук — теперь ближе к двери. Дыхание сорвалось на кашель, длинный и глухой.

— Хорошо, — сказала Вера. — Но я останусь в дверях.

Климов коротко кивнул.

Он взялся за проволоку, размотал её без лишнего шума. Калитка подалась не сразу. Дерево разбухло от сырости. Климов налёг плечом, и дверь открылась на ладонь, выпустив наружу запах плесени, старого железа, лекарственного спирта и чего-то сладковатого, затхлого.

Нина натянула перчатки до запястий.

— Не касайтесь стен, — сказала она. — Если увидите кровь — стойте. Не переступать.

Климов толкнул дверь шире.

Внутри было темно. Луч фонаря выхватил стеллажи, пустые деревянные ящики, подвешенный к потолку крюк на цепи. В дальнем конце склада белела перегородка из досок. На ней висела железная дверь, покрытая пузырями старой краски.

На полу лежала тележка. Одно колесо было вывернуто набок.

Рядом с ней, прислонившись спиной к стеллажу, сидел человек.

На нём был серый ватник, поверх которого надет резиновый фартук. Голова опущена. Правая рука лежала на полу ладонью вверх. Пальцы были в чёрной грязи или засохшей крови. Лицо в свете фонаря казалось серым, почти восковым.

— Слышите меня? — спросила Нина.

Человек не ответил.

— Слышите?

Он поднял голову.

Ему было лет сорок, может меньше. Щёки ввалились, глаза блестели лихорадочно, но взгляд не цеплялся за лица. Он смотрел мимо, на свет, и моргал так часто, будто свет причинял ему боль.

— Вода, — выдавил он.

Нина сделала шаг, но Климов выставил руку.

— Стой.

— Он живой, — сказала она.

— Вижу.

— Мне нужно посмотреть.

— С расстояния.

Нина не спорила. Она присела, не приближаясь.

— Где рана?

Человек медленно повернул левую руку. Рукав ватника был разорван выше локтя. Под тканью темнела бинтовая повязка. Она промокла. Кровь на ней была не свежей, но края бинта оставались влажными.

— Кто вас перевязывал? — спросила Нина.

Он не ответил. Его губы дрогнули.

— Вода.

— Сначала скажите: кто вас перевязывал?

Человек смотрел на Нину, но, кажется, не слышал вопроса. Потом резко дёрнул головой в сторону железной двери за перегородкой.

— Там... не открывать.

Вера заметила у его сапога стеклянный флакончик. Он был раздавлен. На полу рядом с осколками темнела вязкая полоска. Нина тоже увидела её и замерла.

— Никому не двигаться, — сказала она.

Голос у неё стал другим: тихим, ровным, без обычной мягкости.

Климов не отрывал взгляда от человека.

— Что?

— На полу биоматериал. Не знаю какой. Не наступать. И у него на рукаве кровь не совпадает с местом повязки.

Человек вдруг засмеялся. Смех был короткий, безрадостный, сразу перешёл в кашель. Он попытался встать, опираясь о стеллаж. Левая нога подломилась. Климов поднял пистолет.

— Сидеть.

Тот не послушал. Он шатнулся вперёд, вытянув руку.

— Вода...

— Сидеть, — повторил Климов.

Человек сделал ещё шаг. Его взгляд на секунду стал яснее — и Вера увидела, что он смотрит не на флягу Нины, а на её лицо. На открытую полоску кожи между воротником и шапкой.

Нина отступила.

Тогда человек бросился.

Он двигался неловко, с провалом в левом боку, но быстро. Климов выстрелил не сразу: шагнул в сторону, отбил его руку предплечьем, не давая схватить Нину. Человек врезался в стеллаж, ударился плечом, развернулся.

Вера ухватила Эстер за рукав и потянула назад, к двери.

— Назад.

Эстер не сопротивлялась, но не сводила глаз с пола, где темнела полоска из раздавленного флакона.

Человек снова рванул к Нине. На этот раз Климов выстрелил.

Грохот в тесном складе ударил по ушам. Человек упал на колени, потом на бок. Нина отскочила к стене, прижав флягу к груди. Климов не опускал оружия.

Несколько секунд слышно было только, как дождь капает с крыши на железный лист где-то снаружи.

— Не подходить, — сказал Климов.

— Он ещё дышит, — тихо сказала Нина.

— Не подходить.

Человек на полу шевельнул пальцами. Потом затих.

Вера почувствовала, что слишком крепко держит Эстер за рукав, и отпустила. Пальцы не сразу разжались.

Нина медленно выдохнула.

— У него была высокая температура. Светобоязнь. Дезориентация. Агрессия на приближении. Рана могла быть укусом, но я не видела.

— Значит, мы считаем, что была, — сказал Климов.

— Мы считаем, что контакт опасен, — поправила Нина. — Это факт. Остальное — предположение.

Вера посмотрела на чёрную полосу на полу.

— Он сказал не открывать дверь.

— Он мог сказать что угодно, — ответил Климов.

— Но работал здесь. На нём фартук.

— И был заражён или контактировал с заражённым материалом. Тем более не открывать без подготовки.

Нина осторожно достала из сумки мел и очертила участок пола вокруг осколков, не заходя внутрь круга. Потом поставила рядом стеклянную банку с крышкой.

— Нужен образец, — сказала она. — Но не здесь и не сейчас. Сначала убедимся, что выход чистый.

Климов оглядел склад.

— Вера, Эстер — документы. Нина, осмотрите проходы глазами, ничего не трогать. Я проверю окна и второй выход. Все в поле зрения.

— Он один мог быть не один, — сказала Вера.

— Поэтому и не расходиться.

Склад был больше, чем казался снаружи. За стеллажами тянулся узкий проход к рампе. По обе стороны стояли ящики, часть с немецкими клеймами, часть с советскими инвентарными номерами. На некоторых ящиках сохранились выцветшие красные кресты, перечёркнутые поздней краской. На других были набиты трафаретные буквы: «СТЕКЛО», «ИНСТРУМЕНТ», «ХИМ. ПОСУДА».

Но у трёх плоских металлических контейнеров не было ни обычного груза, ни адреса. Только номер, дата и маленький знак, похожий на наклонённую букву N в круге.

Вера остановилась.

— Эстер.

Эстер подошла, стараясь не смотреть на тело у входа.

— Это не почтовая и не складская маркировка, — сказала она. — Немецкая форма номера, но штамп наносили позже. Видите? Цифры советские, а поле оставлено по старому шаблону.

— Для чего контейнеры?

— Не могу доказать. Они герметичные. На обычный медицинский груз похоже, но почему без ведомства — не знаю.

Нина подняла фонарь ближе, не касаясь металла.

— На них есть следы раствора. Может быть дезинфекция. Может — что-то другое. Не вскрывать.

Климов вернулся из дальнего прохода.

— Задняя дверь заперта изнутри. Окна заколочены. Снаружи следы только у ramпы и у трубы. По крайней мере в пределах света.

Вера заметила на стене за ящиками прямоугольник более светлой древесины. Когда-то там висело что-то большое. Теперь на гвозде осталась только рама без стекла, а под ней — два листа бумаги, прижатые к доскам проржавевшими кнопками.

Один лист был схемой путей.

Другой — таблицей, исписанной карандашом и чернилами.

Эстер подошла первой.

— Не трогайте, — сказала она. — Бумага может рассыпаться.

Вера направила фонарь сбоку.

На схеме был изображён сам объект: въездная ветка, платформа, склад, техническое здание, короткий тупик у кирпичной стены. Отдельно обозначалась крытая ramпа. Через весь лист шла немецкая надпись, частично закрытая советскими штампами.

Эстер читала медленно:

— «Waldhaus... Durchgang und Übergabe». Транзит и передача. Не хранение. Не постоянный пункт.

— Людей или грузов? — спросила Вера.

— Формулировка общая. Но вот здесь есть отдельные обозначения.

Она указала на маленькие прямоугольники у склада. Возле них стояли буквы: G, M и P.

— G — Güter, грузы. M... может быть Material, материалы. P — Personen. Люди.

Нина посмотрела на железную дверь за перегородкой.

— Тогда эта комната могла быть изоляционной.

— Могла, — сказала Эстер. — На схеме она отмечена отдельно, но подпись стёрта.

Климов подошёл ближе.

— У нас пять минут. Потом наружу.

— Пять минут для чего? — спросила Вера.

— Для того, чтобы забрать то, что можно забрать, и не остаться здесь до утра.

— Здесь может быть маршрутный журнал.

— Ищите.

Вера уже смотрела на второй лист. Это была не таблица в обычном смысле, а ведомость выдачи: колонки, даты, номера партий, подписи. Первые записи были на немецком, аккуратными чернилами. Потом шли советские — синим карандашом, торопливой рукой, поверх старых строк. Некоторые даты относились к сорок шестому, сорок восьмому, сорок девятому годам.

Последняя запись была сделана недавно. Чернила ещё не успели окончательно поблекнуть.

Вера наклонилась.

— Нина, свет ниже.

Нина подала фонарь.

В графе даты стояло: «8/XI/50». Рядом — время: «22.10». Далее шёл номер, который Вера сначала прочла как 47, потом увидела исправление. Последняя цифра была подчёркнута дважды.

— Сорок два, — сказала она.

Эстер приблизилась.

— Покажите.

Вера не отводила взгляд от листа.

Строка была короткой. Время. Номер. Отметка о передаче. Несколько букв. А ниже, отдельным карандашным штрихом, который вдавил бумагу почти до разрыва: «6 Wg. — Sonderbuch».

Шестой вагон — особый журнал.

Вера перечитала строку. Потом ещё раз, по частям.

Восьмое ноября. Двадцать два десять. Сорок два.

Это могла быть другая цифра. Номер ящика. Номер партии. Номер технической операции.

Но рядом стояло Wg. Немецкое сокращение от Wagen. Вагон.

Шестой вагон.

Она достала блокнот и переписала строку. Карандаш царапал бумагу слишком громко.

— Что именно тут написано? — спросила она.

Эстер молчала несколько секунд.

— Верхняя часть: «Sonderübergabe», особая передача. Потом номер сорок два. Ниже — «шестой вагон, особый журнал». Тут не указан состав целиком. И нет названия станции назначения.

— Это факт или предположение? — спросила Вера.

Эстер подняла на неё глаза.

— Факт: сорок второй номер связан с шестым вагоном. Факт: запись сделана в журнале Waldhaus как передача. Предположение: речь об эшелоне номер сорок два. Но другое объяснение для «вагона шесть» я здесь не вижу.

— А «особый журнал»?

— Значит, основной учёт не здесь. Или сведения вынесли отдельно.

— Куда?

— Здесь не написано.

Климов подошёл ближе, посмотрел на строку.

— Может быть наш сорок второй?

— Может, — сказала Вера.

Она не позволила себе сказать «это он». Не позволила даже подумать так до конца. Документ не называл эшелон. В нём не было фамилий, станции отправления, времени пять тридцать семь. Только цифра, вагон и слово, от которого хотелось вырвать лист из стены голыми руками.

Но шестой вагон не был случайностью.

Её мать находилась в шестом вагоне.

Нина тронула Веру за локоть.

— Вы бледная.

— Я в порядке.

— Это не ответ. Съешьте сахар.

— Потом.

— Сейчас.

Вера посмотрела на протянутый кусочек сахара, завернутый в бумагу. Внутри всё стянулось от голода и тошноты одновременно. Она взяла сахар, положила в рот. Сладость была сухая, мучнистая.

Климов сказал:

— Веру не отвлекать. Эстер, что с этим листом?

— Снять можно, если очень аккуратно. Но лучше целиком с доской.

— Доску не понесём.

— Тогда фотография.

Нина быстро достала маленький фотоаппарат из сумки связи.

— Вспышка?

Климов покачал головой.

— Нельзя.

— Без вспышки будет смазано.

— Тогда рисуйте и переписывайте.

Эстер уже достала карандаш. Она переписывала таблицу столбец за столбцом, не торопясь внешне, но Вера видела, как мелко дрожит у неё рука. Рядом с записью о сорок втором были ещё строки. Несколько номеров, даты, пометки «Durchgang», «Sperrre», «Rückgabe». Внизу страницы, где немецкие графы переходили в советские, стоял штамп: «ОСОБЫЙ ТРАНЗИТ. НЕ ПРИСОЕДИНЯТЬ К ОБЩЕМУ ГРАФИКУ».

Вера указала на него.

— Это позднее?

— Советское, — ответила Эстер. — Но бланк старый. Они продолжали пользоваться немецкой формой.

— Кто — они?

— Не знаю.

— Можете определить ведомство?

Эстер покачала головой.

— Штамп не ведомственный. Внутренний. Такие ставят, когда не хотят, чтобы бумага ходила по обычным каналам.

Снаружи что-то лязгнуло.

Все замерли.

Звук пришёл со стороны платформы. Металл ударил о металл, потом наступила пауза. Вера услышала, как Нина очень тихо сняла предохранитель с пистолета.

Климов поднял руку.

— Свет ниже.

Фонари опустились. Склад погрузился в полумрак. Видны были только полосы жёлтого света на полу и бледное лицо человека у стеллажа.

Снаружи раздались шаги.

Не быстрые. Тяжёлые, осторожные. Кто-то шёл по рампе, выбирая доски. Потом остановился прямо за большой дверью.

Вера почувствовала, как Эстер рядом перестала дышать.

Климов беззвучно показал: Нина — к боковой двери. Вера и Эстер — за ящики. Сам он встал у стены, сбоку от входа, чтобы не оказаться в световом проёме, если дверь откроют.

Большой замок не тронули.

Шаги прошли вдоль стены, остановились у технического здания. Через несколько секунд где-то за перегородкой загудел генератор. Сначала неровно, с перебоями, потом увереннее. В щели под железной дверью появился тусклый свет.

Человек на полу застонал.

Нина метнулась к нему, но Климов жестом остановил её. Поздно: стон уже прозвучал.

Снаружи шаги оборвались.

Кто-то дёрнул ручку боковой калитки.

Проволоку Климов снял. Дверь держалась только на разбухшем дереве.

Ручка повернулась медленно.

Климов прижал ладонь к двери, не давая ей податься. Вера видела, как напряглись жилы на его запястье.

Снаружи потянули сильнее.

Дверь скрипнула.

Климов коротко качнул головой. Нина отступила в сторону. Эстер прижалась к ящикам, держа переписанный лист между ладонями, чтобы не уронить.

Снаружи человек — если это был человек — перестал тянуть.

Потом раздался голос.

— Ганс?

Голос был мужской, низкий. Слова сказаны по-немецки.

Эстер едва заметно вздрогнула.

— Что он сказал? — почти беззвучно спросила Вера.

— «Ганс?» — так зовёт кого-то.

Человек на полу шевельнулся. Из горла у него вышел хрип.

Снаружи снова:

— Ганс, открой. Ты слышишь?

Климов посмотрел на Эстер.

Она прошептала:

— Акцент польский. Или восточнопрусский. Не уверена.

Никто не ответил.

Снаружи выругались. Уже по-русски.

— Чёрт с тобой.

Шаги удалились. Через несколько секунд хлопнула дверь технического здания. Генератор продолжал работать. Где-то завибрировал металлический лист, и от этого по складу пошёл слабый дребезг.

Климов ждал ещё полминуты.

— Уходим, — сказал он.

Вера повернулась к листу на стене.

— Нет. Там есть ещё записи.

— Мы получили главное.

— Мы получили обрывок.

— И за этим обрывком уже пришли.

— Если это человек, который ведёт журнал, он может забрать или сжечь—

— Вера.

Он произнёс её имя без звания. Не мягко, но и не как приказ. Она посмотрела на него.

— Вы хотите найти мать. Понимаю. Но если нас запрут здесь, ей от этого не станет ближе.

Она сжала челюсти.

— Дайте две минуты.

— Одну.

Эстер уже стояла у листа.

— Вот здесь, — сказала она, водя карандашом по следующей графе. — После записи сорок два есть направление.

Вера подошла.

Под колонкой «передача» шла стрелка, нарисованная от руки. Она вела к обозначению, которого на схеме объекта не было: две буквы и цифра, написанные теми же чернилами, что дата. Часть знака закрывал потёк.

— Что это? — спросила Вера.

Эстер наклонилась.

— Не могу прочесть полностью. Первая буква, вероятно, «W». Потом цифра или римская черта. Но это не станция. Станции так не обозначают.

— Код?

— Возможно. Внутренний маршрут. Или номер следующей точки.

— Куда дальше на запад? — спросила Вера.

Эстер провела пальцем по схеме, не касаясь бумаги.

— У этой ветки после леса был ещё один выход. Его нет на советской карте. Немецкая линия шла дальше к границе старого района, потом соединялась с другой дорогой. Но здесь всё перечёркнуто.

— Перечёркнуто когда?

— Позже. Синим карандашом. Тем же, которым делали советские записи.

Климов бросил взгляд на калитку.

— Время.

Вера переписала две буквы и неясный знак так, как видела: «W?». Потом опустила карандаш.

— Всё.

Они двинулись к выходу.

Нина шла последней, не спуская глаз с тела у стеллажа. Когда проходили мимо железной двери за перегородкой, из-за неё донёсся едва слышный удар.

Один.

Пауза.

Потом ещё один.

Не сильный. Ровный, почти терпеливый.

Нина остановилась.

— Там кто-то есть.

— Или труба, — сказал Климов.

— Нет. Это не труба.

Удар повторился.

Вера посмотрела на железную дверь. На ней сохранилась узкая смотровая щель, закрытая металлической заслонкой. Вокруг щели темнели следы пальцев. Старые и новые, наложенные друг на друга.

— Не открывать, — сказал Климов.

— Я не предлагаю открывать, — ответила Нина.

Из-за двери донёсся слабый голос. Русский. Женский или подростковый — определить было трудно.

— Воды...

Вера застыла.

Климов повернул голову.

— Никто не подходит.

— Там живой человек, — сказала Нина.

— Может быть.

— Ему нужна помощь.

— А у нас уже есть один, которому была нужна вода.

Нина стиснула губы. Вера видела, как она смотрит на щель, как рассчитывает расстояние, перчатки, риск, время. Потом Нина медленно сняла с плеча сумку.

— Я могу поставить флягу у двери. Отойти. Если он сможет открыть заслонку, дать воду через трубку.

— Нет, — сказал Климов.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, что за дверью. И не знаем, есть ли там щель, через которую можно получить слюну или кровь в лицо. Не подставляться.

— Я не подставлюсь.

— Это не спор.

Голос за дверью больше не повторился. Только раздалось царапанье, тихое и быстрое, потом затихло.

Вера почувствовала злость — не на Климова, не на Нину, не на человека за дверью. На место. На его ровные стены, на аккуратные таблицы, на слова «передача» и «особый учёт». Здесь всё было устроено так, чтобы человек за железной дверью превращался в строку или номер, а те, кто стоял снаружи, решали, сколько риска стоит чужая жизнь.

Она посмотрела на Климова.

— Запишите дверь. Положение на схеме. Время.

Он секунду смотрел на неё, затем кивнул.

— Нина, записывайте. Железная комната, один возможный живой внутри. Контакт не установлен. Причина — риск заражения.

Нина достала блокнот. Писала быстро, но почерк у неё оставался ровным.

— Зафиксировала.

Они вышли наружу.

Холод ударил в лицо чистым воздухом, и Вера только тогда поняла, как долго задерживала дыхание внутри склада. Дождь со снегом усилился. Крыша ramпы блестела мокрым чёрным деревом. Из трубы технического здания шёл дым, теперь гуще. Окно под крышей светилось жёлтой полосой.

У дрезины никого не было.

Климов поднял фонарь на уровень груди, осветил путь.

— Быстро. К дрезине.

Нина остановилась у самой ramпы.

— Наш сигнал.

Радиостанция, оставленная на площадке дрезины, шипела. Из неё пробивался голос. Искажённый, прерывистый, но русский.

— ...Берест... слышите... ответьте...

Нина сорвалась с места, подбежала к аппарату, надела наушники.

— Берест-2, я «Ветка». Слышу вас. Повторите.

Ответ пришёл не сразу.

— ...не выходить... повторяю... не выходить на основную... путь...

Шум накрыл слова. Нина подкрутила настройку.

— Берест-2, повторите о пути. Что на основной?

Вместо ответа в наушниках щёлкнуло. Потом послышался иной голос — слишком близкий, без обычных радиопомех.

— Не туда едете.

Нина отдёргнула наушники.

Все посмотрели на неё.

— Что? — спросил Климов.

— Кто-то вошёл в частоту, — сказала она. Лицо у неё стало белее снега. — Голос сказал: «Не туда едете».

— Это Берест?

— Нет. Не наш позывной. И не голос машиниста.

Климов выдернул провод антенны из разъёма.

— Собираемся.

Вера шагнула к дрезине и увидела, что переднее колесо стоит не на рельсе.

Оно сошло с головки, повисло боком над шпалой. Не полностью. Дрезину ещё можно было вернуть, но для этого требовалось поднять край и подвести колесо ломом.

— Климов.

Он подошёл, выругался едва слышно.

— Когда?

— Не знаю. Когда мы накатом шли или пока стояли.

Климов присел, осмотрел рельс.

На шпале лежал плоский металлический клин. Его подложили под колесо снаружи. Не случайно. Клин был свежий, без ржавчины, с насечкой на боку.

— Нас сняли с пути, — сказала Вера.

— Вижу.

— Значит, кто-то был у дрезины.

— Или подготовил заранее.

— Это факт или—

— Факт, — перебил Климов. — Клин свежий.

Он поднял его через край плаща, не касаясь голой рукой, и бросил в сторону. Металл глухо стукнулся о шпалу.

Нина смотрела на техническое здание.

— Там всё ещё работает генератор.

— И будет работать, пока тот, кто внутри, не решит выйти, — сказал Климов. — Лом есть?

— Под сиденьем, — ответила Нина.

Эстер вдруг подняла голову.

— Журнал.

Вера повернулась к ней.

— Что?

— Последняя строка. Я переписала не всю. Там внизу, под сорок вторым, была ещё одна дата. Я увидела её только сейчас.

— Какая?

Эстер раскрыла блокнот. Страницы намокли по краям, но карандашные строки были различимы.

— Девятое ноября. Ноль один сорок. Это через... — она взглянула на часы, — меньше часа.

Климов замер.

— Какая отметка?

Эстер провела пальцем по записи.

— «Аппаһте». Приём. И номер неразборчивый. Но рядом стоит тот же знак направления. Тот, что после сорок второго.

— Это сегодняшняя ночь, — сказала Нина.

— Да, — ответила Эстер. — Передача через Waldhaus назначена на эту ночь. Или уже идёт.

Вера посмотрела на склад.

За облупленной стеной, за железной дверью, за тележками и стеллажами продолжал существовать порядок, которому не было дела до того, кто кричал о воде и кто лежал на полу с чужой кровью на рукаве. Сорок второй номер вошёл в этот порядок. Шестой вагон был выделен отдельной строкой. Его не записали в общий график. Его передали дальше.

Не обязательно здесь.

Не обязательно в ту же ночь.

Но не случайно.

— Эстер, — сказала Вера. — Скажите точно. Что доказано?

Эстер подняла на неё взгляд.

— Доказано, что Waldhaus служил транзитным пунктом. Доказано, что запись о сорок втором и шестом вагоне внесена в особую передачу. Доказано, что маршрут продолжался дальше, вне общего графика. И доказано, что здесь продолжают принимать что-то или кого-то сегодня ночью.

— А эшелон?

— Я не могу доказать, что весь эшелон прошёл через это место. Но шестой вагон... — Эстер запнулась, затем договорила: — Шестой вагон отслеживали отдельно.

Вера кивнула.

Больше ей сейчас не требовалось. Не утешение. Не догадка, из которой потом окажется сделана ложь. Только эта строка, время, номер и направление, которое ещё не удалось прочесть.

Климов вытащил лом.

— Нина, со мной. Вера, держите свет низко. Эстер, смотрите на склад и на путь. Если движение — говорите сразу. Никому не шуметь.

Они принялись поднимать дрезину.

Работали молча. Климов поддел край рамы ломом, Нина подсовывала под колесо короткую доску. Вера держала фонарь так, чтобы свет не бил далеко в лес. Металл был холодный, скользкий, тяжёлый. Дрезина неохотно подалась вверх на несколько сантиметров, снова села.

Из технического здания донёсся звук открываемой двери.

Эстер резко подняла руку.

Климов погасил фонарь.

Темнота накрыла их сразу.

Остался только тусклый свет из щели под дверью склада и жёлтый прямоугольник на кирпичной стене. По платформе прошли шаги. Один человек. Или один, кто шёл достаточно тяжело, чтобы казаться одним.

Вера стояла, согнувшись над дрезинкой, и чувствовала под ладонью мокрый холодный металл. Бумаги с переписанной строкой лежали у неё за пазухой, под шинелью. Там были сорок два, шестой вагон, особый учёт и отметка передачи.

Шаги приближались.

Климов не шевелился. Нина держала лом, прижав его к шпале. Эстер стояла у борта, сжимая карту так, что край её дрожал.

Где-то за стеной склада снова раздался удар в железную дверь.

Потом — далёкий скрип рельсов.

Не со стороны Береста-2.

С западной стороны.

Глава 10

— Не туда едете.

Нина сняла наушники так быстро, что провод дёрнул её за воротник. Лицо у неё стало блее снега, лежавшего грязными пластами на шпалах.

Климов вырвал штекер антенны из гнезда радиостанции. Металлический щелчок прозвучал резко и близко. Потом он накрыл аппарат брезентовым чехлом, хотя это уже ничего не меняло.

Несколько секунд никто не говорил.

Дрезина стояла перекошенная у края крытой рампы. Переднее колесо соскочило с внутренней стороны рельса и глубоко увязло в мокром щебне. Под днищем темнела лужа масла. Один из деревянных брусьев, которыми Климов пытался приподнять раму, треснул пополам. Ветер тянул через лес мокрый снег, бросал его в лицо мелкой ледяной крупой.

За складами чернели ели. Между ними не было ни огня, ни движения.

Вера смотрела на Нину.

— Это не Берест-2?

Нина медленно покачала головой.

— Нет. Машинист говорил с помехами, у него сиплый голос. И позывной он знал. Этот не назвался. Просто вошёл на нашу частоту.

— Мог случайно поймать? — спросила Эстер.

— Случайно можно услышать передачу. Чтобы ответить сразу, в паузу, и сказать именно про дорогу... — Нина потёрла пальцами холодный корпус наушников. — Нет. Он ждал или знал, где искать.

Вера перевела взгляд на рельсы. Лесная ветка уходила назад, к Бересту-2, узкой чёрной линией между деревьями. В другую сторону она тянулась мимо складов Waldhaus и растворялась в темноте за старой стрелкой. Их фонарь освещал только кусок мокрого металла, разъездную табличку и нижние доски рампы.

Радиостанция на дрезине не работала непрерывно. Нина выходила на связь коротко, только когда пыталась добраться до поста. До этого аппарат молчал. Значит, человек на той стороне не услышал случайную болтовню. Он либо держал эту частоту давно, либо знал, какую именно станцию они несут с собой.

Вера почувствовала, как пальцы сжались в кармане шинели вокруг карандаша. Она заставила себя разжать руку.

Факт первый: их слышали.

Факт второй: неизвестный знал, что они движутся по ветке.

Факт третий: Waldhaus не был пустым местом, забытым между лесом и границей.

Остальное пока оставалось предположением.

— Дрезина? — спросил Климов, уже не глядя на них.

Он опустил на колено возле колеса, провёл ладонью по раме и вытер пальцы о рукавицу.

— Поднимем, — ответил он сам. — Но не за пять минут. Ось не погнуло, это хорошо. Кронштейн ушёл. Надо снять нагрузку, поставить колесо на рельс и стянуть крепление. В темноте и на снегу — минут сорок. Может, час.

— Пешком? — тихо спросила Эстер.

Климов поднялся.

— До Береста-2 по лесу не дойдём до рассвета. По шпалам идти можно, если хочется, чтобы нас заметили издали. По дороге возвращаться нельзя: там открытая просека. Остаёмся здесь, чинимся и уходим.

— Здесь нас уже заметили, — сказала Нина.

— Здесь есть стены.

Климов взглянул на низкое кирпичное здание у рампы. Днём оно казалось мёртвым: узкие окна, заколоченные наполовину, зелёная ржавчина на водосточных трубах, облупившаяся краска на двери. Теперь за мутным стеклом на втором окне дрожал слабый жёлтый свет.

Вера не помнила, чтобы видела его раньше.

Климов увидел, куда она смотрит.

— Все к стене. Нина, радиостанцию. Эстер, документы из склада берите только те, что у вас уже в сумке. Вера — со мной.

— Я не останусь у дрезины одна, — сказала Нина.

— Никто не остаётся один.

Он сказал это без повышения голоса, но так, что спорить не хотелось. Климов вынул пистолет, проверил затвор и пошёл к зданию. Вера держалась справа от него, под навесом рампы. С досок капала вода. Под ногами хрустела тонкая корка льда, перемешанная с угольной пылью.

Дверь в техническое здание была закрыта на висячий замок. Замок выглядел старым, с коркой ржавчины, однако скоба на нём блестела там, где металл недавно тёрли рукой.

Климов не стал трогать его сразу. Посветил фонарём вдоль косяка, осмотрел петли, низ двери. На мокром бетоне лежал окуроч. Бумага расплзлась от сырости, но табак внутри ещё не успел полностью размокнуть.

— Свежий? — спросила Вера.

— Не знаю. — Климов выпрямился. — Но не прошлогодний.

Он достал из кармана тонкий стальной стержень, вставил под скобу и нажал. Замок не поддался. Тогда Климов коротко махнул Вере, чтобы она отступила, и ударил рукоятью пистолета по корпусу. Первый удар прозвенел глухо. Второй отдался по всему навесу. На третьем скоба лопнула.

Дверь открылась не сразу. Её держала разбухшая от сырости древесина. Изнутри пахло железом, старой резиной, маслом и хлоркой. Под этим запахом чувствовалось другое — сухое, лекарственное, похожее на шкаф в больничной перевязочной, где слишком давно не открывали дверцы.

Климов вошёл первым.

Вера ждала, пока его фонарь не пробежал по полу, по углам, по лестнице к узкой площадке под потолком.

— Чисто. Заходим.

Внутри было холоднее, чем снаружи, но не так сыро. Небольшой тамбур выводил в длинную комнату. Слева стоял распределительный щит, высокий, с фарфоровыми изоляторами и рядами чёрных рубильников. От него по стенам шли толстые кабели в тканевой оплётке. Некоторые уходили в потолок, другие — в ржавые трубы, пробитые сквозь кирпич к лесной стороне здания.

На дальней стене висела немецкая табличка:

Fernsprech- und Leitungsraum.

Под ней, поверх старой краски, кто-то вывел по-русски: «Связь. Не включать без допуска».

В углу стоял стол, заваленный клещами, кусками провода, пустыми катушками и тряпками. Рядом — армейский телефонный аппарат в бакелитовом корпусе. Трубка лежала на рычаге. Провод от неё уходил под стол и исчезал в щели между половицами.

У печки, собранной из железной бочки, валялись дрова. Внутри тлели два угля.

Вера остановилась.

— Здесь были недавно.

Климов кивнул.

— Вижу.

Он не стал подходить к печке. Вместо этого осмотрел пол. По пыльным доскам тянулись следы сапог, частично затёртые. Одни вели от двери к щиту, другие — к внутреннему коридору. Нельзя было сказать, сколько людей их оставило. Вода с подошв растеклась и смешалась со старой грязью.

Нина поставила радиостанцию на стол, сняла чехол и расправила провод антенны.

— Мне нужен свет.

— Один фонарь, — сказал Климов. — Остальные не включать.

Эстер достала маленькую карманную лампу, прикрыла её ладонью и направила на щит.

Нина сняла перчатки, затем из санитарной сумки вынула тонкие резиновые. Натянула их медленно, привычным движением.

— Не трогайте пол и столы без нужды, — сказала она. — И ничего мокрого. Если здесь кто-то перевязывался, я не хочу потом выяснять, чья кровь у нас на рукавах.

— Воздух? — спросила Эстер почти шёпотом.

— Воздух здесь ни при чём. Но руки держим при себе.

Нина присела перед щитом. Несколько минут слышно было только, как она двигает контакты отвёрткой и как ветер скребёт мокрыми ветками по наружной стене.

Вера стояла у карты, прибитой рядом с телефоном. Бумага пожелтела, местами провисла от сырости. На ней тонкими линиями были обозначены ветки, тупики, склады, старые лесные дороги. Немецкие подписи поверху перечёркивали поздние советские штампы. Главная ветка была отмечена чёрным карандашом, лесная — синим. Возле Waldhaus стоял маленький круг и сокращение «Üb.»

Передаточный пункт.

Ниже, почти у края листа, виднелись два номера: «17» и «3». Один был обведён красным, другой стёрт так сильно, что осталась только вмятина в бумаге.

— Эстер, — позвала Вера.

Та подошла, не отрывая взгляд от коридора.

— «Übergabe», — сказала она. — Передача. Здесь, вероятно, имелся в виду сам объект или служебная операция. Карта старая. Судя по форме путей, довоенная или военная.

— А эти цифры?

Эстер наклонилась.

— Не уверена. Могут быть участками. Могут — номерами внутренних маршрутов. Рядом была подпись, но её сняли ножом или лезвием.

Нина тихо выругалась.

Все обернулись.

Она держала в пальцах конец тонкого провода, который нашла за щитом. Провод был не заводским. Новая чёрная изоляция резко выделялась среди старой тканевой оплётки. Он уходил за деревянную панель, закрывавшую нижнюю часть стены.

— Что? — спросил Климов.

— Это поставили недавно. Не сегодня, может быть. Но не в сорок пятом.

Климов подошёл, не касаясь щита.

— Куда идёт?

— Сейчас посмотрю.

Нина отодвинула панель концом отвёртки. За ней оказалась связка проводов, скрученных в один жгут и уходивших в старую подземную трубу.

— Телефонная линия, силовая и вот это. — Нина показала на тонкий кабель. — Можно собрать из старых линий проводной контур. Не радиостанцию в полном смысле, но связь на

короткой дистанции, перехват, подслушивание. Если кто-то знает, где здесь что подключать, он может слушать работу поблизости или влезать в неё.

— Голос был чистый, — сказала Вера.

Нина посмотрела на неё.

— Слишком чистый для случайного дальнего перехвата. Я слышала фон, но не эфирный. Проводной гул. Как если бы сигнал пришёл не издалека, а через линию или через усилитель рядом.

— Рядом — это сколько?

— Не скажу. В этом здании. В соседнем складе. В лесу на другой точке линии. Кабель может уйти на километры, если его не резали. — Нина снова повернулась к щиту. — Источник не обязан сидеть тут. Но тот, кто передавал, знал эту сеть лучше нас.

Климов посмотрел на тлеющую печку.

— Тогда он мог быть здесь полчаса назад.

— Мог, — ответила Нина. — А мог оставить всё включённым заранее.

Вера увидела у дальней стены железную дверь. Она была уже, чем наружная, выкрашена серой масляной краской. На ней сохранился выцветший номер: «2». Над ручкой — следы свежей смазки. Замок был закрыт, но не на висячую скобу, а встроенным механизмом.

— Там что? — спросила она.

Климов повернул голову.

— Потом.

Вера не ответила. На столе возле телефона стоял металлический ящик для карточек. Его крышка была приоткрыта. На крышке, под слоем пыли, проступало слово, выбитое на немецком:

Sonderbuch.

Она подошла.

Климов заметил движение.

— Руками ничего не трогайте, пока Нина не посмотрит.

— Это бумага, — сказала Вера.

— Бумага тоже лежит на столе, где мог лежать бинт.

Нина подняла на них глаза.

— Сначала свет и поверхность. Потом бумаги. Это займёт минуту.

Она открыла сумку, достала маленький флакон, марлю и щипцы. Вера наблюдала, как Нина осматривает крышку, края ящика, ручку. Слишком знакомая аккуратность успокаивала и раздражала одновременно. Время шло, а железная дверь за спиной оставалась закрытой.

— Чисто снаружи, — сказала Нина. — Но карточки берите за угол, через бумагу. И не кладите на пол.

Эстер сняла с шеи шерстяной шарф, вытащила из кармана чистый платок и расстелила его на свободном краю стола.

Вера открыла ящик.

Внутри были разделители из плотного картона. На них немецкими буквами стояли отметки: «Transport», «Durchgang», «Abgabe», «Sonderbuch». Первые отделения почти пустовали. В третьем лежали несколько папок с завязками, две квитанционные книжки и старые бланки, где чернила расплылись от влаги.

Раздел «Sonderbuch» оказался забит не карточками, а обрывками. Кто-то торопливо выдрал большую часть листов. Остались края перфорации, номера, обгоревшие уголки. Однако в самом дальнем отсеке лежала тонкая серая папка, перетянутая выцветшей тесьмой.

На её лицевой стороне стоял советский штамп: «Учёт. Особый. Не выдавать».

Под штампом, уже другим почерком, было написано: «Вложено 6/XI».

Вера почувствовала, как в горле стало сухо.

— Эстер.

Эстер встала рядом. Она не потянулась к папке, только наклонилась ближе.

— Шестое ноября, — сказала она. — Год не указан.

— Может быть старый?

— Бумага новая. Относительно. Советская, послевоенная. Но это ещё не означает, что запись сделана в этом году.

Вера развязала тесёмку.

Внутри лежали карточки, отпечатанные на машинке, и несколько листов, исписанных от руки. Формуляр был немецкий, но поверх немецких граф стояли советские пометки. На первой карточке значилось:

42. Wg. 6. Учёт отдельный. Передача после проверки. Журнал: особый.

Ниже шёл ряд подписей. Одна была зачёркнута. Вторая состояла из неразборчивых инициалов и короткой немецкой фамилии, в которой Вера различила только первую букву — «R».

Она перечитала строчку трижды.

Цифры не менялись.

— Покажите, — сказала Эстер.

Вера передала ей карточку.

Эстер долго смотрела на формуляр. Потом осторожно перевернула его.

— Это не медицинская карта, — сказала она. — И не обычная накладная. Здесь учёт передачи отдельных единиц транзита. Формуляр немецкий, но советские строки добавлены позже. «После проверки» — не уточняется какой. «Учёт отдельный» означает, что этот вагон или его содержимое вывели из общей ведомости.

— Вагон, — повторила Вера.

— Да. Шестой вагон. Номер сорок второй связан с ним напрямую.

— Это уже было в журнале.

— Здесь больше. — Эстер провела ногтем над строкой, не касаясь чернил. — Там была отметка о прохождении через Waldhaus. Здесь сказано, что передачу проводили отдельно. Но не написано, где именно его отделили от состава. И не написано, куда передали.

Вера кивнула.

Она знала, что должна была почувствовать облегчение. След стал плотнее, точнее. Шестой вагон не растворился в общей цифре эшелона. Его выделили. Его провели через отдельный учёт. Но слово «передача» ничего не объясняло. Передать можно было груз, документы, человека, список людей. Передать — и стереть след.

На следующей карточке был номер «42/6», затем красный штамп «не по общему графику». В графе «время» стояла только полоса, в графе «направление» — чёрная клякса, размытая водой. Под ней уцелела карандашная запись: «см. помещение 2, пакет 17».

Вера подняла глаза к железной двери.

Климов уже смотрел туда же.

— Нет, — сказал он.

— Там ссылка.

— Там закрытая комната, в здании, где недавно сидел кто-то с доступом к связи.

— В журнале указан пакет семнадцать.

— Мы нашли подтверждение. Этого достаточно, чтобы не идти дальше вслепую.

— Нет. — Вера говорила тихо, но каждое слово произносила отдельно. — Это подтверждение того, что вагон вынесли из общего маршрута. Конечной точки здесь нет.

Климов подошёл к столу. Он не тронул бумаги, но наклонился так, чтобы увидеть строку.

— Конечной точки может не быть и за той дверью.

— Может. Но там есть ссылка.

— А на улице стоит дрезина без колеса на рельсе.

— Она никуда не поедет, пока вы её не почините.

— Поэтому я и собираюсь её чинить.

Вера посмотрела на него. В холодном свете фонаря лицо Климова казалось старше, чем днём. Под глазами легли тени, на щеке темнела старая неровная полоска шрама. Он не спорил ради власти. Он считал время, расстояние, людей и выходы. Именно это делало его возражение опасным: его нельзя было отместить.

— Если мы уйдём сейчас, — сказала она, — у нас снова останется цифра без маршрута.

— У нас останется живых четыре человека.

— Я не предлагаю оставаться до утра.

— Вы предлагаете открыть дверь, за которой неизвестно что.

— За которой указанный в учёте пакет.

— Я не поведу троих людей в тёмную комнату только потому, что вам нужна надежда.

Вера выдержала его взгляд.

— Мне нужна не надежда. Мне нужен маршрут.

Климов не ответил сразу.

Нина отвела взгляд от щита и коротко сказала:

— Ссылка реальная. «Помещение 2» соответствует двери. На карте и на карточке одна система нумерации. По крайней мере, так выглядит.

Эстер перевернула следующую карточку.

— Здесь ещё кое-что. — Она показала Вере маленький штамп в нижнем углу. — Этот формуляр повторяет тот же образец, что был на бумагах курьера. Не слово в слово, но структура та же: номер, статус, отдельный учёт, передача. Я не могу утверждать, что документы писал один человек. Но система одна.

— Значит, пакет может дать направление, — сказала Вера.

— Может, — ответила Эстер. — Или даст ещё один номер.

Климов медленно выдохнул.

Он посмотрел на Нину.

— Сколько времени на дверь и комнату?

— Если без фокусов — пять минут посмотреть. Ещё две, чтобы убедиться, что мы не тащим на себе чужую кровь. — Нина указала на наружную дверь. — Но если человек, который тут был, вернётся, эти пять минут станут плохими.

— Пять минут, — сказал Климов. — Все вместе. Нина идёт первой после меня, смотрит пол и всё, что похоже на следы перевязки. Эстер — документы. Вера — только бумаги и только то, что указывает на маршрут. Никаких ящиков ради любопытства. При первом признаке опасности — назад. Понятно?

— Понятно, — сказала Вера.

Климов подошёл к двери номер два. Встроенный замок был старым, но механизм не заело. Он попробовал ручку. Та не повернулась.

— Ключ?

Вера перебрала карточки. На обороте одной из них карандашом была написана цифра «2» и рядом — «Blechschränk».

— Железный шкаф, — перевела Эстер. — Или металлический шкаф.

Нина указала на высокий шкаф возле щита. Его дверцы были закрыты на простой поворотный замок. Климов выломал его быстрее, чем наружный. Внутри, между коробками с предохранителями и старыми телефонными мембранами, висела связка ключей на алюминиевом кольце.

Один ключ подошёл.

Железная дверь открылась внутрь тяжело, с сухим скрежетом.

Климов шагнул в проём и остановился.

Комната была маленькой, без окон. На потолке висела одна лампа под металлической сеткой. Она не горела, но провод от неё был цел. Слева стояла узкая койка с ремнями по краям рамы. Ремни были распушены и лежали на сером матрасе. У дальней стены тянулась решётчатая перегородка, отделявшая угол помещения. За ней стоял металлический стул, прикрученный к полу, и пустое ведро.

Вера увидела это и сразу поняла, что здесь никого не держали часами ради удобства. Комната была сделана для короткой остановки, для осмотра, для ожидания команды или следующей машины. В ней не было ничего лишнего: стол, шкаф, койка, кран с раковиной, два ящика для материалов.

На стене висела немецкая табличка, наполовину закрытая советской наклейкой:

Zwischenaufenthalt.

— Временное содержание, — сказала Эстер.

Нина не двинулась дальше порога.

— Стойте.

Она посветила вниз.

Возле койки лежал использованный бинт. На белой ткани темнело бурое пятно, по краям ещё влажное. В двух шагах от него на полу виднелись мелкие тёмные капли, уходившие к решётке.

Климов сразу отступил на полшага.

— Никому не заходить.

— Кровь свежая, — сказала Нина. Она не пыталась скрыть тревогу, но голос оставался ровным. — Насколько — не скажу. Час, несколько часов. Может, больше: тут холодно. Но не старая.

— Заражённый? — спросила Эстер.

— Я не знаю. По пятну не узнают. И узнавать не будем. Глубокий укус, кровь в рану, слюна на слизистые — вот что имеет значение. Никто сюда не наступает, не касается бинта, не трёт лицо.

Вера заметила на краю раковины стеклянный стакан. В нём была вода. На стенках ещё не успел осесть тонкий ледяной налёт, который покрыл всё остальное в комнате.

— Здесь был человек, — сказала она.

— Да, — ответила Нина. — И пил воду.

На металлическом столе лежали пустые ампулы, две сухие пробирки в проволоочной подставке и коробка с марлевыми салфетками. Ампулы были чистыми, без этикеток. В ящике под столом обнаружились пустые контейнеры с закручивающимися крышками. Хлорка въелась в древесину, но не сумела перебить запах лекарств.

Эстер осторожно посветила на шкаф.

— Там бумаги.

Шкаф был узким, с сетчатыми дверцами. На одной висела сургучная пломба, сорванная недавно: красный воск крошился на полу, а проволока была перекушена. Внутри лежали три папки, небольшой свёрток карт и металлический футляр.

— Пять минут идут, — напомнил Климов.

Вера взяла со стола чистый лист, обернула им пальцы и открыла верхнюю папку. На обложке стояло: «Пакет 17». Русские буквы были нанесены поверх старого немецкого текста. Внутри оказались тонкие листы транзитных карточек, списки без имён и два листа схем.

Первый лист был старой картой лесных веток. На ней карандашом были нанесены поздние исправления: закрытые стрелки, обходные пути, санитарные зоны. Waldhaus был обозначен кругом, от которого в юго-западную сторону уходила пунктирная линия. Она не совпадала с основной веткой и через несколько километров упиралась в прямоугольник с надписью: «Разъезд 17».

Рядом была добавлена советская помета: «передача по особому журналу».

Вера наклонилась ближе.

Под надписью стояла дата — «8.XI», а рядом короткое обозначение: «42/6».

Бумага дрогнула в её руках. Она тут же положила карту на стол, чтобы не смять край.

— Климов.

Он подошёл, остановившись на безопасном расстоянии от пятен крови.

— Что?

Вера показала карту.

— Разъезд семнадцать. Юго-западнее. Отметка по особому журналу. Номер сорок два, шестой вагон.

Климов всмотрелся.

— Дата?

— Восьмое ноября. Год не указан.

— На старой карте?

— Помета поздняя, — сказала Эстер, заглядывая через плечо Веры. — Чернила другие. Бумага старая, запись нет. Она могла быть сделана на основе позднего учёта. Точно не скажу.

— Это следующий узел? — спросил Климов.

— Похоже, — ответила Вера. — Но не конечный. Здесь написано «передача». Не прибытие.

Климов кивнул. Вера заметила, что он уже мысленно прокладывает дорогу.

Вторая папка содержала карточки, почти все пустые. На нескольких были номера вагонов и отметки: «осмотр», «ожидание», «не по общему графику». На последней, вложенной между листами, стояла свежая дата: «7 ноября 1950 года».

Вера замерла.

Это был обычный служебный бланк, отпечатанный на серой бумаге. В верхнем углу — советский гриф без названия ведомства. В середине — четыре строки:

Waldhaus. Приём материалов произведён. Связь по линии проверена. Постоянное присутствие не требуется.

Ниже шла подпись. Разобрать можно было только первую букву фамилии и росчерк.

— Это вчерашнее, — сказала Вера.

Эстер взяла лист за угол.

— Да. Дата ясная.

— Материалы какие?

— Не указано.

— Кто подписал?

Эстер прищурилась.

— Не знаю. Не хочу выдумывать по одному крючку.

Климов забрал у Веры карту, посмотрел на неё ещё раз и вернул.

— Значит, объект использовали вчера. А сегодня кто-то влез в нашу связь.

Снаружи что-то стукнуло.

Не громко. Один короткий удар по металлу.

Все замерли.

Климов поднял ладонь.

Второй удар пришёлся по наружной двери. Не кулаком — чем-то твёрдым, возможно камнем.

Нина быстро выключила свой фонарь. Эстер сделала то же самое. Комната погрузилась в почти полную темноту; только из коридора тянулся тонкий свет щели под прикрытой дверью.

Климов вытащил пистолет.

Вера прижала карты к груди. Бумага зашуршала слишком громко. Она остановила дыхание, чтобы не выдать себя этим бессмысленным усилием.

Из главной комнаты донёлся скрип половиц.

Один шаг.

Пауза.

Ещё шаг.

Нина повернула голову к Вере и едва заметно указала на пол. Не двигаться. Не приближаться к крови. Вера кивнула.

Климов медленно закрыл железную дверь, оставив щель шириной в палец. Он не запер её. В темноте слышно было, как он переставляет ноги, выбирая сухие доски.

Снаружи, за стеной, кто-то сказал:

— Не туда.

Голос был глухой, приглушённый дверью. Не тот чистый голос из наушников — или тот же, но без провода и усилителя. Невозможно было определить.

Никто не ответил.

— Ветка закрыта, — сказал человек снаружи. — Назад не идите.

Эстер втянула воздух. Климов поднял руку, запрещая ей говорить.

Снаружи послышалось шуршание. Затем металлически звякнуло что-то у распределительного щита.

Лампа под потолком вспыхнула.

Свет ударил в глаза так резко, что Вера на секунду увидела всё слишком отчётливо: ремни на койке, старое пятно на матрасе, мокрый бинт, тёмную кровь на полу, серебристую кромку ампул. Потом лампа погасла.

В главной комнате заработал генератор.

Сначала он кашлянул, потом заурчал ровнее. Пол слегка завибрировал. Из-под двери потянуло тёплым масляным запахом.

— Он у щита, — прошептала Нина.

— Или включает удалённо, — так же тихо ответил Климов.

Через щель под дверью прошла полоса света. Кто-то в коридоре включил лампу или фонарь. Свет остановился у самого порога.

Вера видела тень ботинка.

Ботинок стоял неподвижно. Потом носок чуть повернулся в сторону железной двери.

Нина сжала ремень санитарной сумки. Эстер держала папку обеими руками, не сводя глаз с полосы света.

Вера поймала себя на мысли, что ждёт рывка ручки. Выстрела. Крика. Чего угодно, что можно будет назвать и на что можно ответить.

Но человек по ту сторону не пытался войти.

Он постоял несколько секунд, затем сказал почти спокойно:

— Бумаги не спасут.

Климов сделал шаг к двери.

Вера схватила его за рукав. Он обернулся. Она покачала головой.

Это не было приказом. Только расчётом. Снаружи могли ждать именно движения. За дверью могла быть кровь, оружие, проволока, второй человек. Им не нужно было знать, что там. Им нужно было выбраться.

Климов понял.

Он отступил от двери и жестом показал: назад, к внутренней стене.

Свет исчез.

Генератор продолжал работать ещё несколько секунд, затем заглох. За стеной снова зашуршал снег по веткам.

Нина первой нарушила молчание:

— Мы не можем оставлять радиостанцию на столе.

— Забираем, — сказал Климов. — Через задний выход.

— Здесь есть задний? — спросила Эстер.

Вера вспомнила карту на стене в главной комнате. В техническом здании был обозначен маленький прямоугольник с выходом к рельсам со стороны старого тупика.

— Должен быть, — сказала она. — За щитом или через котельную.

Климов посмотрел на часы.

— Вера, документы.

Она быстро перебрала содержимое папки. Карту с Разъездом 17, карточку «42 / Wg. 6», свежий лист от седьмого ноября, ещё две карточки с отметками «особый журнал». Остальное пришлось оставить.

Рука тянулась к металлическому футляру на нижней полке шкафа. Он мог содержать больше, чем тонкая папка. Или ничего. Но Климов уже держал дверь в коридор, а Нина стояла у выхода, готовая вести их назад.

Вера закрыла шкаф.

Она не успела взять всё. Это было тяжёлым фактом, но не поводом задерживаться.

Они вышли из комнаты цепочкой. Климов шёл первым. Нина — за ним, с маленьким фонарём, прикрытым пальцами. Вера держалась за Эстер, чтобы та не наступила на следы у койки. В коридоре было пусто.

Главная комната встретила их холодом и беспорядком.

Стол, на котором лежала радиостанция, оказался сдвинут. Чехол валялся на полу. Сам аппарат стоял у щита, рядом с тонким новым проводом. Антенна была отсоединена, но кто-то успел снять заднюю крышку.

Нина подбежала к нему и остановилась за шаг.

— Не трогать.

— Что там? — спросил Климов.

— Он не сломал. — Нина наклонилась, не касаясь. — Он смотрел соединения.

— Может, хотел вывести из строя.

— Мог. Но не вывел. — Она осмотрела клеммы. — И это не похоже на грубую работу. Человек знает аппаратуру.

На щите один рубильник был опущен. От него тянулся тот самый новый кабель. Нина проследила провод до пола, потом до старой трубы.

— Он включил линию, — сказала она. — И выключил. Хотел, чтобы мы поняли.

— Поняли что? — спросила Эстер.

Нина посмотрела на тёмную трубу.

— Что он может войти в нашу связь, когда захочет.

Климов подошёл к окну и осторожно приподнял край доски, которой оно было заколочено. Вера видела только кусок его лица в щели.

— Никого.

— Он мог уйти к складу, — сказала Нина.

— Или сидеть в десяти шагах и ждать, пока мы выйдем.

— Тогда задний выход, — повторила Вера.

Климов кивнул.

— Нина, аппарат забираете. Проверьте, можно ли нести. Эстер — бумаги в сумку. Вера, к двери не подходить. Я смотрю котельную.

Нина работала быстро. Она поставила заднюю крышку на место, закрепила винты, отсоединила всё лишнее. Провод антенны она свернула отдельно.

— Передавать не будем, — сказала она. — Если понадобится, только при крайней необходимости. И сначала сменим частоту.

— Сменим? — спросила Эстер.

— Если нас слушают через линию, частота не даст полной защиты. Но хоть не будем стоять с поднятой рукой и кричать своё имя.

На этот раз в её голосе прозвучало что-то похожее на усталую злость.

Климов вернулся из котельной.

— Есть дверь. Закрыта изнутри на засов. Выходит к тупику, у старого угольного сарая.

— Следы? — спросила Вера.

— Есть. Один человек прошёл недавно. Может, к нам. Может, от нас.

— Кровь?

— Нет.

Нина подняла радиостанцию. Лямка сумки натянулась у неё на плече.

— Идём.

Климов остановил их жестом.

— Сначала дрезина. Я и Нина поднимем колесо. Вера, Эстер — прикрываете, но без героизма. Если видите движение, не бежите к нему. Отходите к двери и зовёте.

— Мы не оставим вас у дрезины, — сказала Вера.

— Никто никого не оставит. Но у нас четыре человека и одна работа. Держаться вместе — значит не мешать друг другу.

Он говорил спокойно. Вера кивнула.

Перед выходом она ещё раз посмотрела на железную дверь комнаты номер два. Внутри оставались шкафы, ящики, пробирки, ответы, которых она не успела прочесть. Возможно, там не было ничего, кроме следов чужой работы. Возможно, именно в том футляре лежал документ, способный назвать следующую точку яснее карты.

Но Разъезд 17 уже был у неё.

Не ответ. Направление.

Они вышли через заднюю дверь.

За зданием снег лежал тонким неровным слоем. Тупиковый путь терялся в кустарнике, где из земли торчали ржавые рельсы. Угольный сарай стоял боком к лесу, с провалившейся крышей. Вода капала с навеса на шпалы.

Дрезина была видна в двадцати шагах. Её оставленный фонарь давно погас. Только рампа белела в темноте влажными досками.

Климов поднял ладонь, заставляя всех остановиться.

На снегу, у рельсов, тянулась свежая цепочка следов. Один человек прошёл от леса к дрезине, обошёл её кругом и вернулся к техническому зданию. Следы не были глубокими: обувь лёгкая, подошва гладкая, каблук почти не отпечатывался.

— Наши? — шепнула Эстер.

— Нет, — ответил Климов.

Он присел, посветил фонарём в ладонь, чтобы свет не уходил далеко.

— Один. Шёл без спешки.

Вера посмотрела в сторону леса. Там между стволами на миг мелькнуло что-то бледное — возможно, снег, сорванный с ветки. Возможно, край фонаря, который тут же погасили.

Она не сказала об этом. Нельзя было превращать каждую тень в доказательство.

— Работаем, — приказал Климов.

Они подошли к дрезине.

Климов и Нина быстро заняли места у переднего колеса. Нина достала из санитарной сумки не бинт, а плотную брезентовую ленту; её медицинские вещи давно соседствовали с тем, что могло пригодиться в поле. Климов подложил под раму уцелевший брус, проверил домкрат.

— Вера, держите фонарь низко. На руки не светите. Эстер, следите за лесом и за рампой.

— Я не умею стрелять хорошо, — тихо сказала Эстер.

— Вам и не надо. Если увидите — скажите.

Вера присела у колеса. Железо было ледяным. Она держала фонарь так, чтобы Климов видел крепление. Под брезентом пахло мазутом и старым деревом. Время растягивалось в одинаковые движения: домкрат скрипнул, рама приподнялась, Нина подложила камень, Климов выругался сквозь зубы, потому что колесо снова соскользнуло на щебень.

С рампы донёсся тихий стук.

Эстер мгновенно повернулась.

— Там.

Климов не прекратил работу.

— Где?

— На досках. Я слышала.

Вера не смотрела. Её задачей был фонарь. Если она поднимет голову, Климов останется в темноте под тяжёлой рамой.

Стук повторился. Уже ближе.

Нина замерла с рукой на колесе.

— Движение, — сказала Эстер.

— Направление? — спросил Климов.

— Не вижу.

— Значит, не стреляем.

Вера услышала собственное дыхание и заставила себя медленнее втянуть воздух. Снег шёл мелкий, почти невидимый. Он ложился на чёрные рельсы и сразу таял.

Колесо наконец встало на головку рельса.

— Держу, — сказал Климов.

— Кронштейн, — ответила Нина.

Она подала ключ. Климов затянул гайку. Потом ещё одну. Руки у него работали быстро, без лишних движений.

За складом вдруг загорелся жёлтый огонёк.

Он вспыхнул в окне технического здания — в том самом, где Вера заметила свет раньше. Продержался две секунды и погас.

— Он внутри, — прошептала Эстер.

— Может быть, — сказал Климов.

— Там никого не было, когда мы вышли.

— Значит, вошёл после.

Нина затянула последний болт.

— Готово. Но двигатель надо проверить.

— Проверяйте.

Она села на край дрезины, открыла боковой кожух и провела пальцами по трубке подачи топлива. Потом повернула рукоять. Двигатель ответил сухим кашлем, захлебнулся и замолчал.

Нина стиснула зубы.

— Ещё раз.

— Быстрее, — сказал Климов.

— Я знаю.

Она не повысила голос, но Климов не стал повторять.

Вера держала карту под полрой шинели. Бумага нагрелась от тела и мягко шуршала при каждом движении. На ней тонкая линия от Waldhaus уходила к Разъезду 17. Ей хотелось развернуть лист и проверить расстояние, направление, все отметки. Но сейчас карта была не инструментом. Она была грузом, который нужно было не потерять.

Двигатель закашлял снова.

С третьего раза он схватился. Дрезина вздрогнула, по раме прошла дрожь. Из выхлопа вырвался серый дым, сразу смешавшийся со снегом.

В ту же секунду из леса, слева от рампы, донёлся хруст ветки.

Климов выпрямился и направил пистолет в темноту.

— Кто там?

Ответа не было.

Потом где-то у технического здания хлопнула дверь.

Нина посмотрела на Климова.

— Он хочет, чтобы мы ушли?

— Или гонит туда, куда ему нужно, — сказал Климов.

Вера поднялась.

— На основной путь возвращаться нельзя. Он сказал это сам.

— Я не строю маршрут по словам неизвестного, — ответил Климов. — Но основная ветка и без него плохая идея. Там нас ждут или увидят.

Он протянул руку.

— Карта.

Вера передала ему лист. Он раскрыл его на колене, прикрыл от снега ладонью. Нина наклонилась с другой стороны. Эстер стояла рядом, всматриваясь в обозначения.

— Разъезд семнадцать, — сказал Климов. — Это здесь. — Он ткнул пальцем в пунктирную линию. — Старый обходной путь, через лесной тупик. Дальше, вероятно, можно выйти на служебную ветку. Если рельсы не сняли.

— На карте есть помета, — сказала Вера. — «Передача по особому журналу».

— Есть.

— Это единственная точка, куда ведёт документ.

— Пока да.

Эстер указала на маленький прямоугольник у Разъезда 17.

— Здесь старое слово. Почти стёрто. «Sanitäts...» Что-то санитарное. Может быть, санитарный пост, может — площадка для осмотра. Я не уверена.

— Значит, туда и несемся? — спросила Нина, проверяя ремень сумки.

— Не несёмся, — сказал Климов. — Едем тихо. Без света, пока можем. Связь молчит. Если путь завален — не ломимся. Разворачиваемся или ищем укрытие.

Он вернул карту Вере.

— До рассвета уйти от Waldhaus. Потом решим, как подходить к Разъезду семнадцать.

Вера кивнула.

— Это правильно.

Климов посмотрел на неё внимательно, будто ожидал нового спора.

Она не стала спорить. Внутри технического здания остались документы. Но оставаться там означало дать неизвестному ещё один ход. Они уже получили больше, чем имели до ночи: отдельный учёт шестого вагона, подтверждение передачи вне общего графика, свежую отметку об использовании Waldhaus, карту следующего узла.

Этого было недостаточно.

Но это было настоящим.

Нина села к двигателю. Эстер забралась на заднюю площадку, прижимая сумку с бумагами к груди. Климов занял место у рычага. Вера поднялась последней и, прежде чем сесть, оглянулась на кирпичное здание.

Окна были тёмными.

У самой двери, на снегу, лежал отблеск — не свет, а мокрая полоса на металле. Потом в одном из верхних окон коротко дрогнула тень. Она исчезла прежде, чем Вера успела различить рост, лицо или хотя бы очертание плеч.

— Вера, — сказал Климов.

Она села.

Дрезина тронулась рывком. Колёса заскрежетали по мокрым рельсам, потом пошли ровнее. Крытая рампа медленно поплыла назад. За ней остались низкий склад, ржавые вагоны, старая стрелка, кирпичное здание с проводами, уходящими в землю и лес.

Вера держала под шинелью карточку.

«42 / Wg. 6».

На обороте, выведенное карандашом, стояло: «Разъезд 17. Передача».

Она не обернулась снова. Waldhaus исчезал за чёрными стволами, но не становился прошлым. Он продолжал работать в темноте — через линии, замки, тёплый генератор и чужой голос, знавший их дорогу.

Глава 11

Голос в наушнике появился, когда Нина уже сняла крышку с распределительной коробки и положила её на мокрые шпалы.

— Не трогайте главную ветку, — сказал он.

Слова пришли сквозь треск и частые провалы, однако были произнесены спокойно, почти буднично. Не приказом. Хуже: с уверенностью человека, который знал, что его услышат.

Вера замерла под навесом над путевым шкафом. Свет её фонаря лег на рельс узкой полосой, выхватил снег, потемневший от угольной пыли, затем — обод колеса дрезины. Колесо стояло неровно. После удара о стрелочный башмак фланец повело, и теперь оно при каждом обороте задевало тормозную тягу.

Нина подняла голову.

— Повтори.

В наушнике щёлкнуло.

— Основная ветка просматривается от насыпи. Вы пойдёте по ней — вас увидят раньше, чем вы дойдёте до моста.

Климов, присев у двигателя, не обернулся. Он держал ладонь над тёплым кожухом, проверяя, не идёт ли пар из трещины у патрубка. Вера заметила, как он медленно снял перчатку, провёл большим пальцем по чёрному маслу и вытер руку о ветошь.

— Это факт или предположение? — спросил он.

Ответа не было.

Радио затрещало сильнее. Потом голос произнёс:

— Не возвращайтесь к просеке. Там ваш след ещё свежий.

Связь оборвалась.

Вера подняла глаза к лесу.

Разъезд 17 лежал в чаше между низкой насыпью и чёрным ельником. Две боковые ветви уходили от главной линии под углом, теряясь между стволами; одна была почти полностью занесена мокрым снегом, на другой виднелись тёмные, недавно продавленные гребни от колёс. Старая стрелка, соединявшая их, застыла в промежуточном положении. На тяге висел обрывок проволоки. Кто-то не так давно пытался сдвинуть механизм вручную и бросил работу на середине.

Лес не отвечал.

Сырость висела низко, прилипала к воротнику. Пахло гнилой древесиной, остывшим железом и горелым маслом от двигателя дрезины. За складским зданием темнели столбы старой связи: провода между ними обвисли, но не все. На одном изоляторе тускло блеснула новая медная скрутка.

Не музей. Не мёртвая ветка.

Климов встал.

— Нина, двигатель не глуши. Свет закрыть. Эстер — внутрь со мной и Верой. Две минуты на первичный осмотр. Потом решаем.

— Две минуты не хватит, — сказала Вера.

Он посмотрел на неё прямо, без раздражения.

— На то, чтобы понять, есть ли там кто-то живой, хватит.

— Я говорю о документах.

— А я — о выходе.

Нина закрыла распределительную коробку, но не защёлкнула замок.

— Дрезина отсюда не уйдёт, пока я не сниму тягу и не выправлю крепление. Минимум сорок минут. Если нет второй трещины.

— Есть? — спросил Климов.

— Пока не знаю.

Вера перевела взгляд на склад. Одноэтажное строение с пристройкой к торцу. Окна в два ряда были забиты досками, однако одна верхняя рама стояла приоткрытой. Под ней на стене темнела прямоугольная табличка. Краска на ней облупилась, но под белёным советским слоем проступали старые немецкие буквы.

Нина услышала, куда она смотрит.

— Видишь?

— Вижу.

— Внутри может быть питание. Или ловушка.

— Или архив.

Климов коротко кивнул.

— Тогда не теряем время.

Он пошёл первым, но Вера не уступила ему дорогу у двери. Не толкнула, не спорила. Просто оказалась рядом, когда он оттянул ржавый крючок и проверил створку. Климов это заметил; уголок его рта едва дрогнул, но замечания он не сделал.

Дверь открылась тяжело, с влажным скрипом.

Изнутри пахло холодом, бумагой и старой резиной.

Вера вошла, опустив фонарь. Луч скользнул по полу: доски, чёрные следы от сапог, хлопья известки, тонкая нитка медного провода, уходящая к стене. Справа стояли два железных стеллажа, слева — стол с разбухшими папками. В глубине помещения виднелась решётчатая перегородка и дверь с матовым стеклом, на котором ещё можно было разобрать остатки чёрной надписи.

Климов поднял кулак.

Стоп.

Они стояли молча, слушая помещение.

Капля упала в металлический таз где-то за перегородкой.

Через несколько секунд — ещё одна.

Вера заметила, что провод на полу был свежим. Не новым, но не сгнившим вместе с остальной проводкой. Он тянулся под стол, затем уходил в щель у плинтуса. На доске над столом висел блок предохранителей советского образца, а рядом — маленький керамический выключатель гораздо старше. Его белая ручка была чистой.

Эстер подошла к стене. Луч её фонаря задержался на табличке.

— Не включайте ничего, — сказала она.

— Уже включали? — тихо спросила Вера.

Эстер провела пальцем над буквами, не касаясь металла.

Под поздней серой краской и облупившейся красной полосой читалось: **WALDHAUS — Übergabe / Fernmeldung.**

— Передача и дальняя связь, — перевела она. — Не название склада. Функция.

— Говорите прямо, — сказала Нина из дверного проёма. Она осталась снаружи, но держала их в поле зрения. — Что именно это значит?

Эстер выпрямилась.

— Что Waldhaus был включён в сеть. Здесь принимали, передавали, меняли маршрутные сведения. Возможно, грузы. Возможно, людей. По этой табличке нельзя сказать больше.

— А по этому месту? — Вера кивнула на перегородку.

— По этому месту можно сказать, что его использовали после войны. И, вероятно, гораздо позже.

Она указала на верхнюю строку под немецкой надписью. Там поверх старого металла были выбиты номера, неровно и грубо: **ПС-17 / КБ-2 / ЗАКРЫТО.** Рядом стоял прямоуголь-

ный штамп, почти стёртый временем. Под ним — свежая царапина, оставленная острым предметом: три короткие линии и одна длинная.

Климов присел, осмотрел провод.

— Сигнализация.

— Рабочая? — спросила Вера.

— Если питается от отдельного контура, может быть.

— Тогда тот, кто говорил по радио...

— Мог быть здесь. Мог быть у лесной антенны. Мог слушать на частоте случайно. —

Климов поднял на неё взгляд. — Догадки не помогают.

Вера знала, что он прав, и всё же её раздражало это спокойствие. Не потому, что он преуменьшал угрозу. Он делал обратное: раскладывал её на части, пока она не переставала быть поводом для рывка. А Вера чувствовала, что времени у них меньше, чем показывали часы.

На столе под слоем серой пыли лежала папка с картонными клапанами. Её перевязали бечёвкой, которую потом перерезали и завязали снова — уже другим узлом. Вера взяла папку за край.

Климов сразу сказал:

— Перчатки.

Она молча надела тонкие резиновые поверх шерстяных.

— Я помню.

— Я не напоминал.

— Напоминал.

Он не ответил.

Внутри лежали карточки транзита. Узкие, плотные, с отверстиями у верхнего края. Часть была отпечатана на немецких бланках, часть — на поздних советских, с гербами, зачёркнутыми синей химической ручкой. Бумага хрустела от холода. Вера раскладывала карточки в ряд, стараясь не смазать карандашные записи.

Номер вагона. Дата. Вес. Маршрут. Код допуска. Отметка передачи.

Почти все строки были неполными.

На третьей карточке она увидела «6».

Не номер страницы. Не позиция в составе.

Вагон 6.

Слова были вписаны чёрными чернилами в графу, предназначенную для пломбы. Рядом стоял штамп, расплывшийся от воды: **Sonderbuch, Blatt 41.**

Вера взяла следующую карточку.

Там повторялось то же самое, но другим почерком: **6 — отдельно. Основной график не применять.**

Она не сразу заметила маленькую цифру в правом нижнем углу. Красная, почти выцветшая: 42.

Внутри у неё что-то сжалось, но пальцы продолжали двигаться ровно. Она перевернула карточку.

На обороте стоял адрес, записанный сокращениями: улица, дом, индекс, затем код склада. Старый адрес был перечёркнут плотной косой линией; ниже, уже синей ручкой, значилось новое направление, но конечный пункт закрывала приклеенная полоска бумаги.

Вера подцепила её ногтем.

Климов перехватил её запястье.

Не резко. Однако крепко.

— Не сейчас.

Она посмотрела на его руку.

Он отпустил.

— Это может быть единственная целая связка, — сказала Вера.

— И может быть метка. На бумаге, на клее, под листом. Нина проверит.

— У нас нет лаборатории.

— У нас есть голова.

Нина вошла внутрь, оставив дверь приоткрытой. В одной руке она держала плоский набор инструментов, в другой — фонарь с красным фильтром.

— Что нашли?

Вера показала карточку.

Нина не коснулась бумаги.

— Следы крови есть?

— Не вижу.

— Это не ответ.

Она достала из кармана маленькое зеркало, наклонила его к поверхности, затем посветила под углом.

— Ничего свежего. Но бумага мокла. Работайте так, чтобы не рвать.

Эстер уже сидела за другим концом стола. Перед ней лежала тонкая книжка в потрескавшемся кожаном переплётё. На корешке едва проступало тиснение: **Sonderbuch**.

— Где это было? — спросила Вера.

— В ящике под стеллажом. За пустыми бланками.

— Целое?

— Нет.

Эстер подняла книгу. Корешок держался на одной полосе кожи. Половину листов вырвали, несколько страниц вырезали лезвием вместе с нумерацией. Но в уцелевшей части оставались столбцы: даты, коды, номера вагонов, короткие служебные пометы.

— Это не журнал состава, — сказала Эстер. — Здесь фиксировали исключения. То, что не должно было идти по обычному расписанию.

— Переводи.

Эстер взгляделась в разворот.

— «Отправление подтверждено без станции назначения». «Передача по специальной схеме». «Маркировка заменена в пути». — Она перевернула страницу. — Здесь **Waldhaus**.

Вера наклонилась ближе.

Запись была короткой. Немецкий текст почти исчез под поздней красной печатью, но Эстер читала медленно, сверяя буквы.

— «**Waldhaus**: принять без разгрузки. Сверить карточки. Направить дальше по **Wegkarte**». **Wegkarte** — маршрутная карта. Не железнодорожное расписание. Скорее путевая схема для обхода основных линий.

— Дата? — спросил Климов.

— Первоначальная не читается. Но рядом есть поздняя отметка.

Эстер повернула книгу так, чтобы свет падал на нижнее поле. Там красовался советский штамп: **ПЕРЕУЧЁТ. НЕ СНИМАТЬ С ОБЪЕКТА**. Ниже — дата, поставленная другим чернильным штампом, значительно позже.

Вера прочла её дважды.

— Это не архивная ревизия, — сказала она.

— Похоже, нет, — ответила Эстер. — И здесь есть номер.

Она провела карандашом по строчке, не касаясь её.

Слева значилось: **42**.

Справа: **6 / отделён от общего графика**.

Климов подошёл ближе. Вера ждала, что он снова скажет о дрезине, о времени, о том, что три цифры не стоят риска. Но он только посмотрел на страницу и спросил:

— Это факт или предположение?

Эстер не обиделась.

— Факт: шестой вагон вывели из общего движения. Факт: он отмечен тем же номером, что и на карточке. Факт: Waldhaus указан как пункт приёма или передачи. Предположение: это связано с вашим эшелоном.

— Не «вашим», — тихо сказала Вера.

Эстер подняла на неё взгляд.

— С эшелоном номер сорок два.

Вера кивнула. Спорить с точностью формулировки было бессмысленно.

Снаружи щёлкнул металл.

Все трое повернулись к двери.

Нина уже стояла у косяка, наполовину скрытая темнотой. Её фонарь был выключен.

— Кто-то на северной ветке, — сказала она.

Климов двинулся к выходу.

— Один?

— Не видела. Слышала два касания. Рельс и башмак.

— Дистанция?

— Тридцать метров. Может, больше.

Вера подняла карточки со стола.

— Оставь, — сказал Климов.

— Нет.

— Мы не будем тащить всё.

— Я беру только нужное.

— Отбор за десять секунд — это не отбор.

Она сунула в папку три карточки и лист из Sonderbuch, который Эстер осторожно отделила от корешка.

— Значит, восемь.

Климов задержал на ней взгляд. Потом отвернулся к Нине.

— Дрезина?

— Тягу сняла. Колесо можно выправить. Но на основной ветке мы шум будем давать на каждом стыке.

— Запасная?

— Южная боковая уходит в лес. Рельс целый метров на восемьсот, дальше не знаю. На схеме должна быть развилка.

— На какой схеме?

— На той, ради которой вы сюда вошли.

Он бросил взгляд на Веру. Ей показалось, что в его лице промелькнуло не согласие, а признание неизбежности. Это было достаточно.

Снаружи снова раздался звук.

Не шаг. Короткий удар железом о железо.

Нина подняла руку.

— Внутрь.

Климов закрыл дверь и опустил крючок. Ржавый замок не защёлкнулся до конца. Он проверил его, выругался беззвучно, затем просунул через скобу отвёртку.

— Не держит, — сказала Нина.

— Держит секунды.

— Нам хватит?

— Узнаем.

Свет в помещении мигнул.

Вера успела увидеть, как в глубине коридора, за решётчатой перегородкой, вспыхнула жёлтая лампа. Она горела неровно, со слабым жужжанием. Потом под потолком загорелась вторая. Провод на полу дрогнул, натянулся.

— Не двигаться по центру, — сказала Нина.

Она присела, осмотрела провод и проследила его до порога внутренней двери с матовым стеклом. За стеклом шевельнулась тень.

Вера остановила дыхание.

Тень была человеческой. Неровной, ссутулившейся. Она приблизилась к стеклу, но лица не было видно: только тёмное пятно на уровне плеча и рука, прижатая к груди.

Раздалось слабое царапанье.

Климов поднял оружие, однако не направил его на дверь.

— Кто там? — спросил он.

Ответа не последовало.

Царапанье повторилось.

Эстер отступила от стола, прижимая к себе Sonderbuch.

Нина шепнула:

— На стекле есть след.

Вера посмотрела внимательнее. На матовой поверхности ниже ручки тянулась тёмная полоса. Не грязь. Слишком густая, неровная.

Кровь.

Старая или свежая — в таком освещении понять было нельзя.

— Не открывать, — сказала Нина. — Контакт исключить. Если он ранен, пусть остаётся за дверью.

— Он мог оставить документы, — сказала Вера.

— Документы не стоят открытой двери.

Климов ничего не добавил. Он стоял у стены, смотрел на стекло и слушал.

За дверью послышался хриплый выдох. Потом тяжёлый удар — тело или плечо упёрлось в дерево. Дверь дрогнула, однако замок выдержал.

Вера заметила на полу тонкую полоску, выбегавшую из-под порога. Она была не тёмной. Светлой, почти прозрачной: растаявший снег, смешанный с чем-то красноватым.

Нина увидела её одновременно с ней.

— Назад.

Все отошли от двери.

— След на полу? — спросил Климов.

— Возможно, кровь, разведённая водой. Не наступать. Не трогать.

— Он заражён? — спросила Эстер.

Нина покачала головой.

— Я этого не сказала. Рана и кровь — это риск. Нам достаточно риска.

Снова удар.

На этот раз слабее.

Вера смотрела на дверь и чувствовала, как раздражение, которое вызывала в ней осторожность Климова, меняло форму. Она не хотела бросать за перегородкой человека — кем бы он ни был, работником узла или тем, кто прятался здесь от чужих глаз. Но открыть дверь означало принять его боль на себя. Не метафорически. Руками, одеждой, поверхностями, повязками, случайной каплей на перчатке.

Никакой доблести в этом не было.

Только выбор, который потом нельзя было отменить.

— Есть другой вход? — спросила она.

Эстер посмотрела на схему, висевшую на стене у стеллажей.

— Возможно. Здесь должна быть служебная дверь с торца. Но схема старая.

— «Должна быть» не годится, — сказал Климов.

— Я знаю.

Вера подошла к стене. Карта оказалась больше, чем она думала. Бумагу наклеили на фанеру и потом многократно закрашивали. Краска вздулась от влаги, по краям отслаивалась. Под советской сеткой путей проступали тонкие немецкие линии, аккуратные квадраты объектов, номера стрелок, обозначения телефонных постов.

Один участок был выскоблен ножом почти до бумаги.

Над ним стояла надпись карандашом: **Wegkarte — только вручную.**

Ниже — поздняя советская помета: **НЕ ВНОСИТЬ В ОБЩИЙ ГРАФИК.**

Вера провела фонарём вдоль линии. Она шла от Разъезда 17 на юг, затем резко поворачивала к западу, огибая главную ветку и старый мост. На месте следующего соединения кто-то приклеил полоску серой бумаги, скрыв название. Однако рядом, возле стрелки, было написано: **передать 6 / принять 42 / далее по закрытой ветви.**

Она почувствовала, как всё в ней собралось в одну точку.

— Эстер.

Та подошла.

— Что именно это значит?

Эстер долго рассматривала карту.

— Вагон номер шесть не просто сняли с графика. Его передавали по отдельной цепочке. Здесь указано, что после Разъезда 17 он должен был уйти дальше не по главной линии.

— Куда?

— Название заклеено. Но есть код.

— Читай.

— «Узел семь, внешняя подача». Или «седьмой узел» — почерк смазан. Дальше — координатная привязка по старым километровым столбам.

Климов подошёл к ним, слушая вполуха, не опуская оружия.

— Насколько это далеко?

Нина ответила раньше Эстер:

— По прямой — около двадцати километров. По ветке больше. Если она вообще проходима.

— На дрезине?

— Если уберём люфт и не сорвём тягу — возможно. Но не до рассвета. Сначала медленно.

— Через мост? — спросил Климов.

— Нет. Мост обходится. Тут старый лесной путь и боковая ветка.

Вера повернулась к нему.

— Вот маршрут.

— Это след.

— Это маршрут, отмеченный в Sonderbuch и на Wegkarte.

— Это маршрут шестого вагона десятки лет назад.

— И поздняя отметка подтверждает, что объект использовали потом.

— Подтверждает, что кто-то оставил печать.

Она шагнула ближе, но голос не повысила.

— Если мы уйдём по основной линии, нас увидят. Если вернёмся через просеку, нас уже ждут. Южная ветка — единственное направление, которое у нас есть, и оно совпадает с документами.

Климов несколько секунд молчал.

— Это приказ или просьба?

Вера поняла, что он спрашивал не о формулировке. О том, готова ли она взять на себя последствия.

— Оперативное решение, — ответила она. — Но дрезину ты ведёшь. Если скажешь, что путь не держит, мы не поедem.

Нина опустила взгляд на карту.

— Ведущая тележка пройдёт. Вопрос в стрелке. Её надо перевести вручную.

— У нас человек за внутренней дверью и кто-то снаружи, — сказал Климов. — Стрелка на открытом месте.

— Я переведу, — сказала Нина.

— Нет, — сразу ответила Вера.

Нина посмотрела на неё без удивления.

— Почему?

— Потому что ты нужна дрезине.

— И ты нужна бумагам.

— Я пойду с тобой.

— Нет, — сказал Климов.

Вера повернулась.

— Почему нет?

— Потому что ты сейчас не пойдёшь никуда одна и не потащишь за собой Нину ради того, чтобы доказать, что эта карта важнее положения.

— Я не доказываю.

— Тогда действуй как руководитель, а не как человек, который увидел знакомый номер.

Слова были сказаны тихо. От этого они ударили точнее.

Вера почувствовала, как в лице прибавилось жара, хотя в складе было холодно. Она могла ответить резко. Могла напомнить ему, что номер сорок два был не случайной цифрой и что он это прекрасно понимал. Могла сказать, что если они упустят след сейчас, потом останутся с пустыми руками.

Но за перегородкой снова скрипнула дверь, и этот звук вернул её к тому, что было здесь, а не в её голове.

— Хорошо, — сказала она. — Говори.

Климов кивнул.

— Нина и я — к стрелке. Ты и Эстер — здесь. Снимаете карту, берёте только те листы, что можно унести. Никаких внутренних дверей. Никакого контакта. Десять минут.

— Пятнадцать, — сказала Эстер.

— Двенадцать.

— Четырнадцать.

Климов посмотрел на неё.

— Двенадцать.

Эстер не улыбнулась. Просто открыла Sonderbuch на нужной странице и достала из кармана тонкий складной нож.

— Тогда Вера помогает мне.

— Буду у входа, — сказала Вера.

— Будешь там, где сможешь видеть и документы, и дверь, — ответил Климов. — Это приказ.

Она кивнула.

— Принято.

Нина вынула из рюкзака короткую монтировку, обмотала рукоять полоской ткани и проверила перчатки.

— Если внешний наблюдатель вернётся?

— Не преследовать, — сказал Климов. — Нам не нужен контакт.

— А если выйдет к дрезине?

— Сигнал один раз. Потом отходите.

— «Отходите» куда?

Он посмотрел на карту, затем на закрытую внутреннюю дверь.

— В склад. Но не за перегородку.

Нина качнула головой.

— Плохой вариант.

— Другого нет.

Климов приоткрыл внешнюю дверь на ладонь. Холодный воздух вошёл полосой, колыхнул листы на столе. Снаружи стояла ночь, густая и плоская. Снег на насыпи блестел в редких просветах между облаками.

Он исчез первым.

Нина выждала три секунды и пошла за ним.

Вера слушала их шаги до тех пор, пока рельсы не перестали отдавать звук.

Потом вернулась к карте.

Эстер уже срезала верхний слой бумаги с деревянной рамы. Работала быстро, без суеты. Нож шёл по краю старого клея. На столе лежали карточки, разложенные в порядке, понятном только ей.

— Смотри, — сказала Эстер.

Она подвинула к Вере маленький прямоугольник плотной бумаги. На нём было два штампа. Один — немецкий, с выцветшим орлом, перечёркнутым от руки. Второй — советский, поздний, с номером отдела. Между ними — та же связка цифр.

ПС-17.

Но ниже появилась новая строка, написанная машинкой:

Переведено по перечню Waldhaus. Повторная передача — только при подтверждении с внешнего узла.

— Что значит «внешний»? — спросила Вера.

— Не могу сказать. Это может быть вне линии. Может быть вне административного контура. Может быть просто за пределами обычной сети.

— А «подтверждение»?

— В книге есть код, но ключа нет.

— Ищи ссылку.

Эстер перелистнула две страницы. На третьей остановилась.

— Здесь вырвано.

Вера наклонилась. Между листами действительно остался неровный след лезвия. Но под ним, в корешке, застряла узкая полоска. Она подцепила её пинцетом из набора Нины.

На полоске остались три слова.

...не через Брест.

Ниже — часть стрелки, уходящей влево.

Вера прочитала это снова.

Не через Брест.

Фраза не обещала безопасности. Она только закрывала одно направление и открывала другое.

— Это уже не случайная схема, — сказала она.

— Нет, — ответила Эстер. — Но и не готовый маршрут.

За дверью с матовым стеклом человек застонал.

Звук был негромким, почти детским от слабости, однако Вера ощутила его физически. Не жалость — скорее тяжесть выбора, который оставался лежать у порога.

Она подошла к перегородке на два шага, но дальше не пошла.

— Ты слышишь меня? — спросила она.

Тишина.

— Если ты можешь говорить, назови себя.

Сначала не было ничего. Потом с той стороны послышался шорох ткани. Нервный голос выдал одно слово, неразборчивое, захлебнувшееся кашлем.

Вера не поняла.

Эстер посмотрела на неё.

— Не открывай.

— Я не собиралась.

— Ты спрашиваешь так, как если бы собиралась.

Вера хотела возразить, однако не стала. Вместо этого она заметила под дверью маленький металлический предмет. Он лежал в полосе света: ключ на кольце с прямоугольной биркой.

На бирке были выбиты цифры.

17-4.

Внутренняя дверь дрогнула. Человек по ту сторону, видимо, подтолкнул ключ ближе. Потом снова затих.

— Он хочет, чтобы мы вошли, — сказала Эстер.

— Или чтобы мы взяли ключ.

— Разницы нет.

Вера не шевельнулась. Бирка была слишком чистой для старого ключа. На металле ещё держалась влага.

За внешней стеной раздался далёкий скрип. Затем короткий, ясный сигнал — один удар металлом по рельсу.

Нина.

Вера погасила фонарь.

Эстер сделала то же самое.

Склад утонул в темноте, где жёлтые лампы за перегородкой казались глазами какого-то старого механизма. Вера слышала собственное дыхание, но контролировала его, считая секунды.

Второй удар не прозвучал.

Значит, не тревога. Условный знак.

Климов и Нина сделали что-то на путях. Или увидели кого-то и не стали поднимать шум.

Вера схватила папку с карточками, спрятала её под куртку. Эстер сложила Sonderbuch в промасленный чехол. Карту снять целиком они не успевали; Вера оторвала нижний угол, где проходила боковая ветка, и свернула бумагу в трубку.

— Остальное? — прошептала Эстер.

Вера посмотрела на карту. На стене оставались линии, номера, пятна старых печатей. Оставалось многое. Но не всё уносится руками.

— Запомни.

— Я не фотоаппарат.

— Тогда бери то, что можешь.

Эстер быстро переписала два кода в блокнот, прижав его к стене. Вера запомнила поворот линии, форму развилки, три километровых метки. Потом подняла взгляд на матовое стекло.

Человек за дверью больше не двигался.

Она не знала, потерял ли он сознание, умер ли, ждал ли их. Не знала, был ли он связан с голосом по радио или скрывался от него. Но открывать дверь она не стала.

Снаружи слышались быстрые шаги.

Климов вошёл, прикрыл дверь за собой.

- Стрелка пошла. Нина на дрезине.
- Кто был снаружи? — спросила Вера.
- Не видел.
- Ты слышал сигнал?
- Слышал. Это Нина.
- Она одна?
- Была одна.
- Климов заметил свернутую карту в руках Веры.
- Нашла?
- Да.
- Достаточно?

Вера посмотрела на документальную полосу, выглядывавшую из Sonderbuch. На ней чёрной машинописью стояло: «не через Брест». Рядом — неполный код следующей передачи. Это не было ответом. Ответов в этой сети, похоже, вообще не оставляли целиком.

- Достаточно, чтобы не идти вслепую.

Он кивнул.

- Тогда уходим.

Внутренняя дверь за перегородкой тихо скрипнула.

Не от удара. Медленно, с сухим движением ржавых петель.

Вера повернулась.

Ключа под дверью не было.

Климов схватил её за локоть и повёл к выходу.

- Не оборачивайся.

- Я иду.

- Быстрее.

Они вышли в ночь.

У дрезины горел закрытый красный огонёк. Нина стояла на платформе, одной ногой упираясь в раму, другой — в тормозной рычаг. На её щеке темнела полоса грязи. Она не выглядела испуганной, только сосредоточенной.

— Стрелка переведена, — сказала она. — Южная ветка свободна первые двести метров. Дальше не видно.

- Следы? — спросил Климов.

- Один человек прошёл по насыпи. Свежие. К дрезине не подходил.

- В какую сторону?

Нина посмотрела в лес.

- К основной линии.

Вера забралась на платформу. Металл был холодным даже через подошвы. Климов помог Эстер подняться, затем занял место у рычагов. Нина опустилась к двигателю и открыла подачу топлива.

Мотор кашлянул.

Потом заработал.

Неровно, с тяжёлым металлическим стуком, который сразу показался Вере слишком громким. Она оглянулась на склад. В тёмном окне верхнего ряда мелькнул слабый жёлтый свет. На секунду ей почудилось, что за досками стояла фигура.

Но дрезина уже тронулась.

Колёса медленно прошли стрелку. Железо под ними застонало. Климов не гнал: держал ход низким, слушал машину, проверял каждую вибрацию через рычаг. Южная ветка приняла их в лес. Склад исчез за елями, а главный путь остался справа, выше по насыпи, недоступный и опасный.

Вера сидела у борта, прижимая папку к груди. Ветер пробирался под воротник. Снег летел навстречу редкими мокрыми крупинками, таял на руках.

Эстер, устроившись напротив, достала карточку и прикрыла её ладонью от влаги.

— Тут ещё есть строка, — сказала она.

— Какая?

— На обороте. Я не успела прочесть полностью.

Климов не обернулся.

— Читай.

Эстер поднесла фонарь ближе, оставив щель света между пальцами.

— «После внешнего подтверждения — передать пакет и вагонный перечень...» Далее смазано. Потом: «...на следующий узел через запасную подачу».

Нина повернула голову.

— Следующий узел — это тот, что на карте?

— Вероятно, — ответила Эстер.

— А название?

Эстер посмотрела на вырванный край листа.

— Отрезано.

Вера вынула из папки одну карточку. На ней, под номером вагона, под поздним советским штампом, виднелась направляющая стрелка. У стрелки стояла надпись карандашом, сделанная поспешно, но разборчиво:

Держать запад. Не по главной.

Ни имени. Ни расстояния.

Только направление.

Дрезина вошла в узкий коридор между чёрными соснами. Слева тянулась низина, залитая водой; справа, за кустарником, мелькали столбы старой линии. Некоторые были повалены, но один за другим появлялись новые изоляторы, тускло белевшие в темноте. Кто-то поддерживал ветку. Не идеально, не открыто — достаточно, чтобы она не исчезла.

Климов сбросил скорость перед поворотом.

— Далее по одному фонарю, — сказал он. — Нина, смотри путь. Эстер, документы убрать. Вера...

Она подняла глаза.

— Что?

Он кивнул на карту у неё в руках.

— Не потеряй.

— Не потеряю.

Больше он ничего не сказал.

Вера свернула карту плотнее и спрятала за пазуху. Бумага холодила грудь даже сквозь одежду. Вагон номер шесть продолжал тянуть за собой их путь — не воспоминанием и не догадкой, а серией записей, карточек, штампов, оборванных линий. Где-то на маршруте его отделили от общего графика. Где-то Waldhaus принял его без разгрузки. Где-то другой узел должен был получить пакет, перечень и подтверждение.

Этого было мало.

Но мало — не значит бесполезно.

Дрезина ушла глубже в лес, прочь от Разъезда 17, по запасной ветке, которой не было в обычных расписаниях. Впереди ждал следующий узел — пока без имени, скрытый за кодами и вырванными страницами. Однако западное направление теперь принадлежало не пустоте. У него был след.